

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 31 (193) 1994 г.

Современный Лаокоон или
ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ

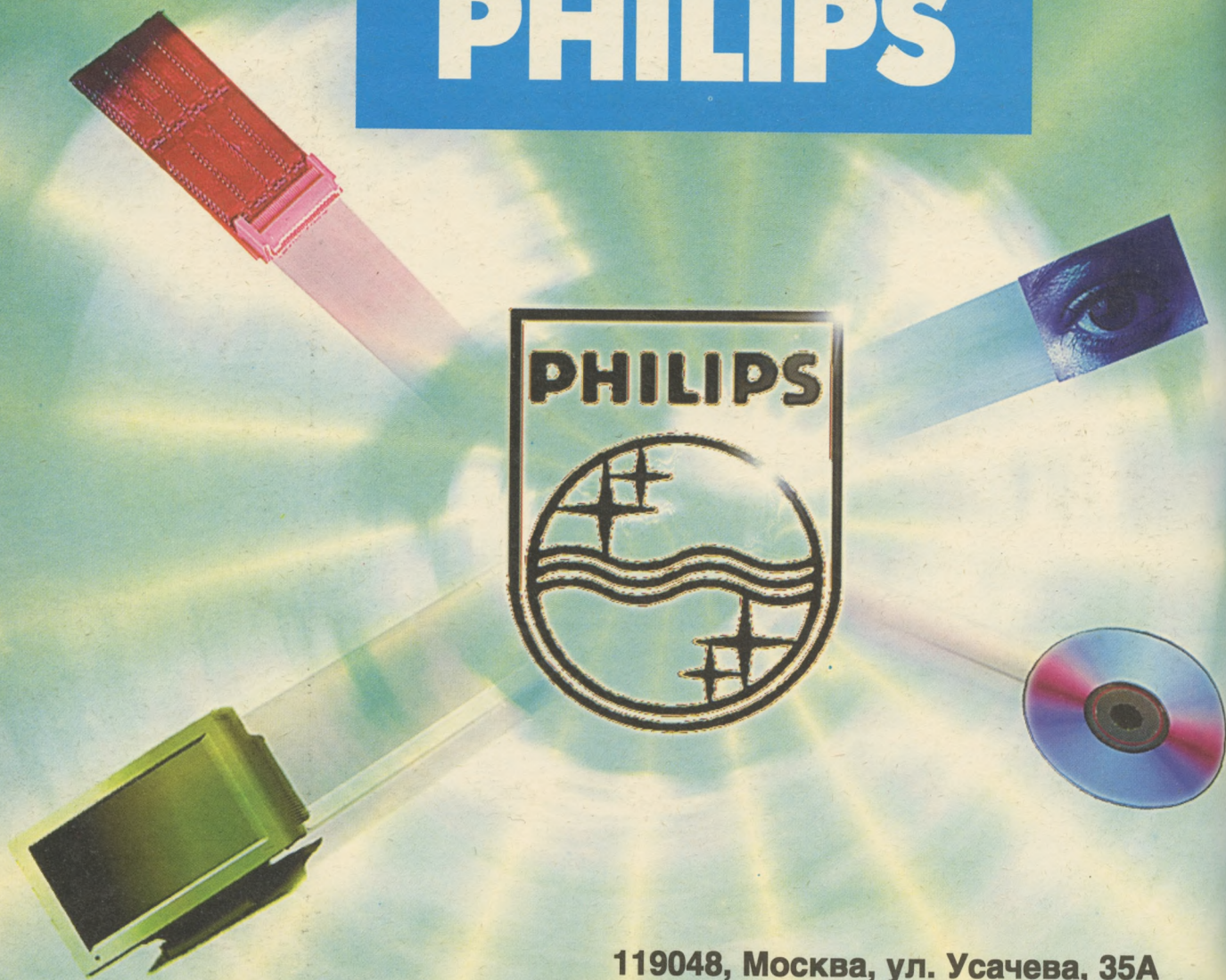

МОСКВА

ВСТРЕЧАЕТ

PHILIPS

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел.: (7502) 224 1579 (ext)

(7095) 564 8319

(7095) 584 8323

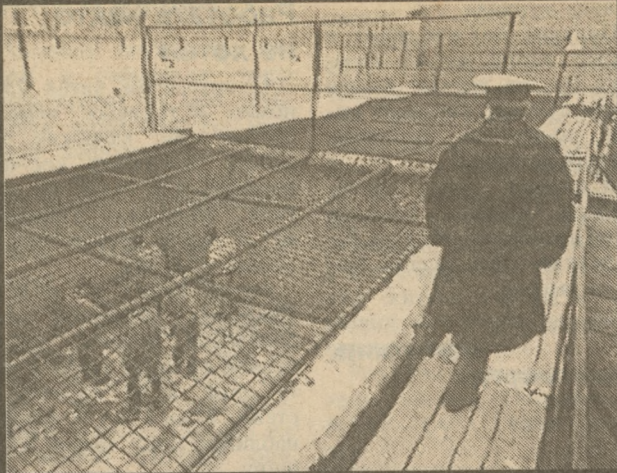
Факс: (7502) 224 1579

(7095) 564 8319

Philips Consumer Electronics

В НОМЕРЕ

4 Игорь ПАНКОВ:

Начальник одного из СИЗО обреченно заявил руководству, что скоро повесит на ворота табличку «Мест нет».

8 Дмитрий БЫКОВ:

Южнокорейское министерство иностранных дел через свою пресс-службу сообщило, что, несмотря на преемственность власти, унаследованной старшим сыном вождя Ким Чен Иром, в политике КНДР предвидятся серьезные перемены. Опыт социалистического лагеря позволяет кое-что из этих перемен вообразить.

28 Елена УХОВА:

Два потока покупателей организовано и плавно плывут навстречу друг другу, но то тут, то там хочется задержаться в любопытном водовороте, подержать в ладони прохладный хвост аквамаринового шелка, взвесить настойчиво предлагаемую (в такую жару!) шаль...

Специальный репортаж:
А дальше... «тишина»
Игорь Панков,
Фред Гринберг (фото) 4
Интервьюшка для б/у...
Григорий Крошин 7

Политика
Последний император
Дмитрий Быков 8
Кое-кому в Москве выгоден конфликт...
Интервью с Сергеем Белозерцевым 10
Чужой праздник?
Владимир Коваленко 12
Frankfurter «Katjuscha»
Максим Соколов 14
Дырокол
Дмитрий Галковский 16

Экономика
«Пациент скорее жив, чем мертв»
Сергей Павленко 22
Карт-бланш
Александр Скобелев 24
Верное средство разбогатеть
О.Л.Д.Ор 26

Жизнь
Тут русский торгует с китайцем
Елена Ухова 28
Взлетный тортик капитана Зуева
Геннадий Лисенков,
Сергей Бабичев 32
Инструкция по эксплуатации жизни
Виталий Сундаков 36
Гражданин Москвы
Алексей Буторов 39
Роза над прудом
Алексей Дидуров 42
Свято место
Ксения Молдавская 44
«Невеста Невестная»
Максим Бульба,
Эдуард Дорожкин 45

Культура
Марина Влади: «Как всякая женщина...»
Светлана Ломидзе 48
Рекламная полоса
Алексей Плавинский 52
Три стакана терцовки
Владимир Новиков 55
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 58
Собрание сочинений
Игорь Иртеньев 58
Левитация
Владимир Леви 59
Имя розы — «Алая»
Николай Малинин 64

Письма 2
Цитатник 20
С миру по нитке 31
Дневник И. 50

На 1-й странице обложки фото, предоставленное В.Сундаковым, дизайн С.Стыриковича

45 Максим БУЛЬБА,
Эдуард ДОРОЖКИН:

Вера в сверхъестественную силу Богородицы, подогреваемая ее частыми явлениями различным людям, создала ореол святости и непостижимости. Образ ее окружен благоговением, толпы паломников тянутся к связанным с нею святым местам. Но кем же была она на самом деле?..

48 Марина ВЛАДИ:

Актрисой я стала не по призванию, а силой обстоятельств — родившись в театральной семье.

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора: Консуэлло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Николай Бахрошин
Международный отдел: Андрей Голубов

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел репортажа: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 29.07.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали: К.Сегура, С.Панов, И.Цыцарева, А.Остроухов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 2763

А служба идет...

Слушала последнюю пресс-конференцию Бориса Николаевича.

И сам президент сказал о многом, и вопросы к нему были разноплановые. Я же хочу коснуться одного из них, как мне кажется, самого главного, от решения которого зависит решение многих других вопросов в России. Это вопрос об армии. Главнокомандующий сказал, что наша армия составляет три миллиона человек. Столько было в Союзе, столько осталось в России. И четко выразил свою позицию — зачем же нам такая большая армия?

Кто же ее может уменьшить?

Разве Главнокомандующий не вправе сделать так, как он считает нужным, тем более что каждому очевидно на необходимость и справедливость подобного решения? Разве Павлу Грачеву непонятно, что, сократив армию, деньги пойдут на экономику, на борьбу с преступностью? А что, гражданскому заместителю министра обороны Кокوشину тоже это непонятно?

Тогда становится всем непонятно: какие же они граждане России, если не понимают интересов своего народа?!

Л.ЕРШОВА

Кострома

«Ряд волшебных изменений...»

Сначала я даже и не заметил, что журнал изменился с 23-го номера. Вроде бы все те же разделы: политический, экономический, жизнь, культура. Все те же знакомые и любимые авторы. А потом вдруг неожиданно обнаружил и перенос писем в начало журнала, и увеличение их количества, и по-иному сверстанное оглавление. Но главное — какую-то внешнюю собранность, большую четкость, деловитость

облика журнала.

Подумал: вот как много в нашей жизни значат, казалось бы, на первый взгляд такие пустяки, как иной макет, по-другому преподнесенный материал.

«Столица» явно похорошела, чуточку поменяв свою внешность. Ну а уж содержание здесь всегда было на высоте.

И.ВОЛОВИК

Санкт-Петербург

Все выше, и выше, и выше...

Снова подорожало наше чистое, красивое, всегда безопасное, самое лучшее метро в мире. Красивое — еще может быть, на любителя. Остальное — сами понимаете...

Недавно поднимаюсь по эскалатору на станции «Смоленская». На противоположном — вдруг крики, смятение, паника. Оказалось, пьяный потерял равновесие и упал на женщину, та тоже не удержалась на ногах, столкнула следующую... Положение спас стоящий еще ниже мужчина да дежурная, сумевшая вовремя резко остановить эскалатор. К счастью, никто не пострадал.

Постепенно люди успокоились, эскалатор снова пустили, а пьяный, постояв немного у стенки, спокойно ушел, пошатываясь, к поезду и уехал. Чтобы снова упасть на другом эскалаторе. Никто не сделал даже попытки его задержать, хотя, по-моему, дежурная была обязана немедленно вызвать милицию.

А мы платим за вход в метро уже по 150, к концу года, вероятно, цена вырастет до «штуки». Но куда и на что расходуются эти очень немаленькие деньги — до сих пор не ясно никому.

О.ПОЛЕЖАЕВА

Москва

Работать никто не хотел

С интересом читал 25-й номер «Столицы»: немало острых тем, глубоких решений. Захотелось кое-чем поделиться в связи со статьей Михаила Поздняева «Старуха-процентщица», «новая русская».

Автор пишет об «Алене Ивановне, лишенной персональной пенсии, назначенной ей не за труды в поте лица, а за партийный стаж». Много лет я близко наблюдал одну такую женщину.

Вступила в партию в 18 лет, поступила учиться, когда брали «на ура» молодых партийцев, потом в Министерстве легкой промышленности много лет перебирала бумажки. Рано вышла на пенсию (она была ей положена с пятидесяти, тоже льготы). А дальше пенсия постоянно повышалась: за стаж 40 лет в партии, 50, 60... Плюс к этому — внеочередное получение квартиры, бесплатные путевки в санаторий, скидка платы за коммунальные услуги и квартиру, пайки, холодильник без очереди...

Несчастлива страна, где люди получают вещи и еду таким способом. Несчастливы люди, привыкшие все получать и ничего не давать взамен. Получать только за свой партбилет. Работать здесь никто не умел и не хотел. А зачем, если есть более легкий, вполне надежный и предельно выгодный путь?

«Дороги, которые мы выбираем...» Хотим протоптанных, широких, светлых. Только великие, по Маяковскому, не ищут пути полегче да «нормальные герои всегда идут в обход». Но это личности незаурядные, с обычного человека ничего не спросишь, даже хорошей работы.

Так было. Как прекрасно звучит здесь прошедшее время! Хочется верить, что действительно прошедшее...

И.КОНОНОВ

Москва

Опять о мафии

Министр внутренних дел Ерин и работники этого министерства не раз объявляли через средства массовой информации, сколько у нас мафиозных и преступных группировок, сколько их (наших!) за рубежом. Называли буквально точные цифры.

У меня вопрос к господину Ерину: если вы сумели их сосчитать, значит, вы их знаете поименно, не с потолка же эти обнародованные данные. Так что же вы ждете? Почему они, имеющие тенденцию к размножению, гуляют у вас на свободе?

Если дело в статье закона, надо срочно менять закон. Но медлить вы не имеете права, ведь за вами — Москва, и не только Москва — вся Россия.

И.КУЛАНОВ

Тверь

Ложь или фантазия?

Интереснейшую, на мой взгляд, тему для пьесы предложил в своем интервью «Компас» Александр Галин («Столица» № 25) «с очень типичным для наших дней конфликтом: некорректное использование полученной информации».

Драматург объясняет: «Я вам что-то наговорил, вы взяли и все вывернули наизнанку, как вам нужно. Ведь пресса сегодня — больше чем пресса».

Да, безусловно, роль прессы сегодня неизмерима, попросту не сравнима с той ролью, которую она играла прежде. Но, увы, по-прежнему продолжает пресса лгать. Это отнюдь не ложь во спасение. Возможно, это даже совсем и не ложь, а просто выход той неумной силы фантазии, которой десятилетиями не давали прорваться, сдерживали в узде.

И вот — рванулись. То одна газета приносит извинения читателям, то другая, то в одной передаче ТВ просит прощения, то в дру-

гой исправляет вчерашние данные... Стыдно слушать.

Недавно в передаче «Вре-мечко» несколько озадаченный ведущий сообщил, что вчера они передали информацию ИТАР—ТАСС об использовании не по назначению старой церкви в городе Кирове (очевидно, теперь — Вятке), а вот сегодня на ТВ позвонил житель города и сообщил, что такой церкви в городе давно нет...

Изумлен ведущий, изумлены зрители. Очевидно, и ИТАР—ТАСС тоже изумлен.

Не знаю, как теперь дело обстоит с ответственностью за неправильную информацию. У нас и за клевету-то не очень привлекают... Но ведь в конце концов вопрос стоит остро: бывают слишком серьезные ошибки, достойные не изумления, а наказания. Сказка — это совсем иной жанр, сильно отличающийся от журналистики.

И.ЛОБАНОВСКАЯ

Москва

Учите историю

В 24-м номере «Столицы» у А.Новикова в статье «Демократическая олигархия» читаю: «Так было после смерти Петра I, когда был сформирован Верховный тайный совет, призванный на трон Анну Иоанновну».

Ну, грубо говоря, революция 1917 года случилась тоже после смерти Петра I, а на самом деле было так: образовала Верховный тайный совет Екатерина I, через год после смерти Петра. После этого императором успел побывать еще и внук Петра — Петр II. И лишь потом «верховники» призвали на царство Анну Иоанновну.

В таких статьях фактография очень важна, так как именно на ней строится система доказательств. А у ваших авторов с историческими знаниями пока дела обстоят неважно.

Ю.САБАНЦЕВ

Санкт-Петербург

Льготная подписка

Уважаемые
московские
читатели

«СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность
приезжать за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем вас
на второе полугодие 1994 года
по льготной цене:

**Стоимость подписки
на один месяц
1000 рублей.**

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

А дальше... «ТИШИНА»

СИЗО и тюрьмы России переполнены в полтора раза

Игорь ПАНКОВ

В прошлом году администрация президента получила 45 тысяч писем, касающихся правовой тематики. Они заняли второе место в общем объеме корреспонденции. Каждое пятое письмо — об ухудшении условий изоляции.

Кампания первых лет перестройки в защиту прав человека и половинчатая тюремная реформа, обернувшаяся на деле лишь некоторыми послаблениями режима, нашли свое отражение на страницах разных изданий, подняли волну массовых беспорядков в зонах, а затем без лишнего шума сошли на нет. По словам известного правозащитника Кронида Любарского, знающего обстановку в российских тюрьмах не понаслышке, «централы» живут, как на вулкане. И хотя официальная статистика уверяет, что количество серьезных эксцессов в СИЗО за минувший год упало почти вдвое, а в тюрьмах чуть ли не до нуля, профессионалы пенитен-

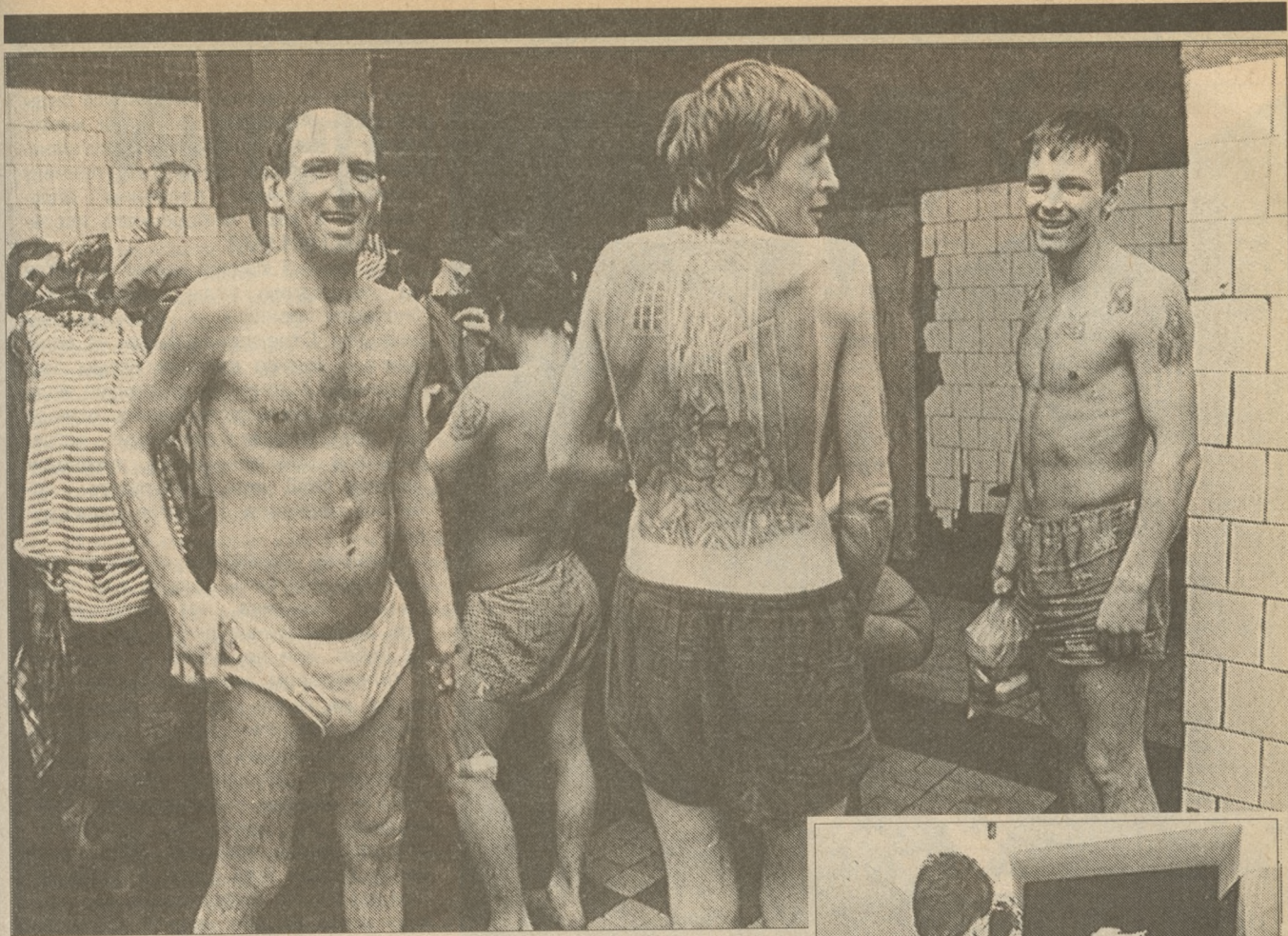
циарной системы не обманываются. Еще год-два повальной безработицы среди эзков, невыносимой скученности в изоляторах — и зоны «взорвутся».

По данным Генпрокуратуры, 70 процентов мест заключения не просто разваливаются, а вообще подлежат ремонту. В Новокузнецком остроге рухнула целая стена. Слава Богу, без последствий. В Иркутской области арестанты разобрали каменную кладку голыми руками. Лимит наполняемости почти везде, особенно в Москве, перекрыт в 1,5 раза. Подследственные спят в очередь. Известны случаи смерти от кислородного голода. Начальник одного из СИЗО обреченно заявил руководству, что скоро повесит на ворота табличку «Мест нет». Но пока исхитряются: в камеру на 20 человек их набивают втрое больше, малолетки вопреки инструкциям сидят с матерями уголовниками, здоровые — с «тубиками». Любимец публики 60—70-х годов, киноактер Георгий Юматов, обвиняемый в убийстве

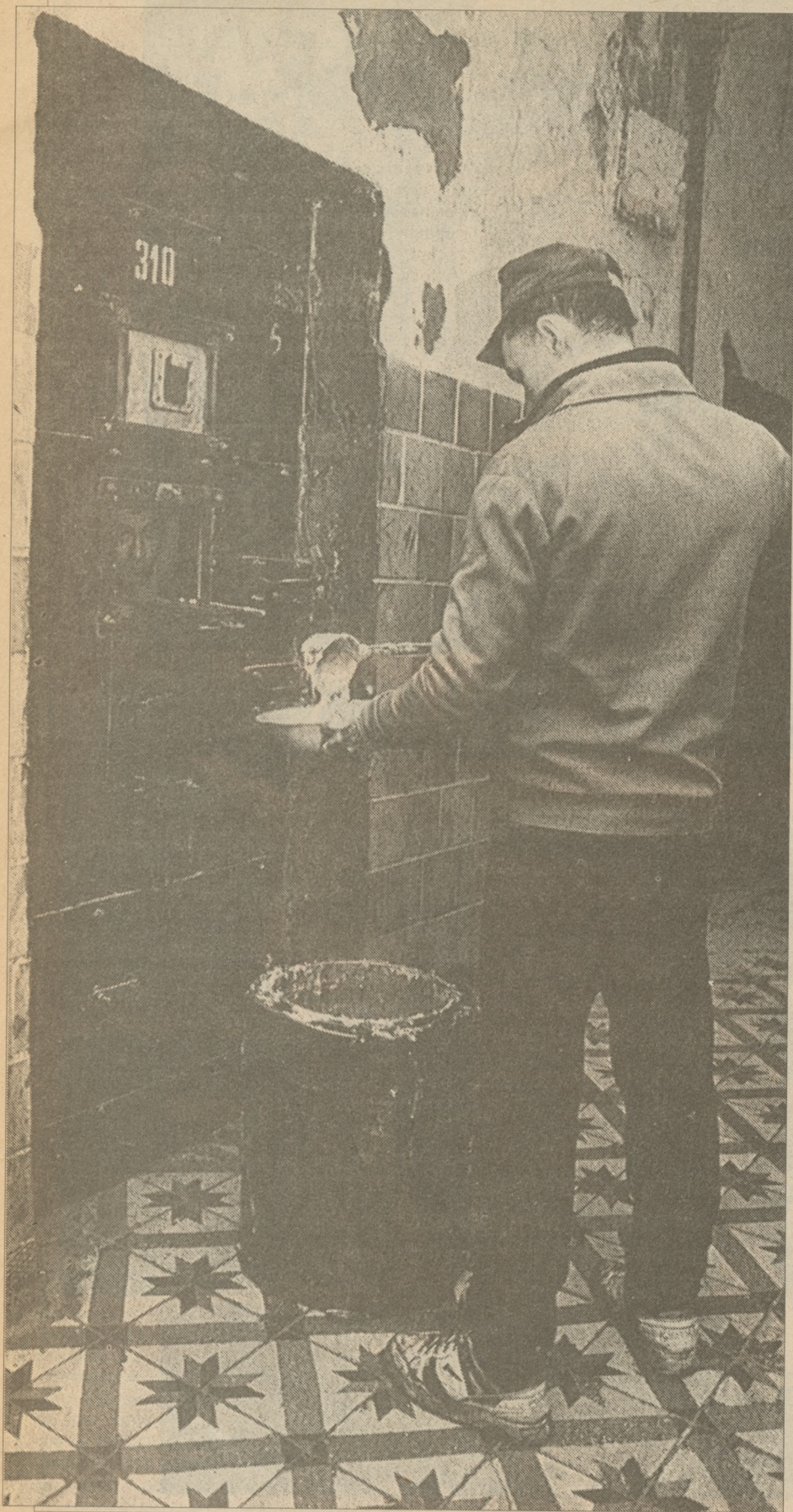
дворника, вышел из «Матросской тишины» ждать суда с подозрительным кашлем. По его словам, рядом с ним соседствовали двое туберкулезников. И кто знает, какой диагноз поставят ему фтизиатры?

Измаявшиеся от безделья и тесноты, тюремной баланды, а нередко и произвола администрации, ээки идут на крайние меры. По мнению специалистов, планы побега вынашивают двое из трех заключенных. И бегут. И берут заложников, отчаявшись добиться элементарного минимума для жизни. Из Бутырки, что называется, по крышам ушли в бега подследственные, проходившие по делу о наркобизнесе. За многолетнюю историю Бутырского изолятора был создан печальный прецедент. Недавно при освобождении заложников в Пензенском СИЗО погиб офицер спецназа. Несмотря на то, что в Уголовный кодекс внесли изменения, усилившие ответственность за захват заложников — лишение свободы до 15 лет, за побег — до 8 лет, персо-

нал ИТУ до сих пор уверен: все беды «системы» обязаны излишней мягкотелости по отношению к преступникам. Во всяком случае, эту причину назвали больше половины опрошенных в ходе выборочного исследования НИИ МВД.

Но так ли? Изучив серию захватов за последние годы, независимые эксперты пришли к неожиданным выводам. Стремление выйти на волю двигало только каждым пятым захватчиком. А почти 60 процентов экстремистов руководствовалось отнюдь не преступными мотивами: встретиться с родственниками, руководителями МВД или прокуратуры, добиться перевода в другое учреждение.

Впрочем, прибегать к жестокому шантажу или рыть подкоп, как показывает практика, нет необходимости. За приличные деньги вам устроят побег, или переселят в одиночку с телевизором, или предоставят девочку, на худой конец — водку или наркотику. Москвичи помнят недавнюю воровскую сходку в Бутырке, куда с позволения дежурной смены пожаловали лидеры «солнцевской» группировки. А один из «важняков» следственного комитета МВД признался автору этих строк в любопытном казусе. Из Лефортова в «Матроску» всего на две недели из тактических соображений перевели арестанта. Тот вернулся со свежим сифилисом.

Коррупция в системе исполнения наказания по масштабам может сравниться разве что с поборами Госавтоинспекции. Но известно ли вам хотя бы одно крупное дело, когда на скамье подсудимых оказывалось солидное «тюремное» начальство? То-то и оно. Свердловская межрайонная прокуратура Москвы давно расследует факты взяточничества и служебных злоупотреблений все в той же Бутырке. И делу конца-края не видно. Зато министерские чиновники любят поговорить об отсутствии нового уголовно-исполнительного законодательства, экономическом коллапсе структуры ИТУ и тому подобном.

«Авторитет» преступного мира Николай Евдокимов по кличке Жора-Людоед, который больше двух лет пребывает в одном из московских СИЗО за вымогательство, как-то в беседе со мной рубанул: «Посадить бы наших вождей на неделю сюда — так, верно, все бы законы сразу заработали». Неужели он прав и другого выхода нет?

В «Матросской тишине»
снимал Фред ГРИНБЕРГ
(«НГ-фото»)

Интервьюшка для б/у...

Хотца власти. Ну о-о-очень хотца! Чтоб сутра пораньше — машина к подъезду — посетители, ходатаи, холуи, курьеры, курьеры, курьеры... И еще, чтобы журналисты эти поганые то и дело хватали за штаны: да-а-а-ай интервью!.. Ну ладно, пусть без приемной, не надо машины к подъезду, можно без журналистов и без штанов, но — чтоб в наличии та же, что и раньше, квартира в уважаемом доме с престижным клозетом, тот же спецбуфет для своих. И — зарпла-а-а-ата!

...В новых коридорах власти глаза то и дело натываются на знакомые до боли силуэты. На всевозможных бывших, которые нынче — так уж стряслось — ушли как бы в тень. Или их ушли, употребив вполне... И значит, они теперь — бывшие в употреблении. По русски — б/у.

Их «тень» — аппарат власти. Бышие состоят на зарплате у действующих политиков — в консультантах, в экспертах, в референтах. Вроде и не у власти, но — при власти, вместе с властью...

Что, кстати, не так уж и безобидно. Мы вот все недоумеваем: откуда такие нелепые решения в нашем парламенте? Кто придумывает всю эту чушь, часто откровенно провокационную, вставляет ее в готовящиеся законопроекты и другие важные бумажки, которые затем благополучно, простым большинством голосов штампуются народными избранниками, так как основательно «проработаны» аппаратом, «профессионалами» и т.д. Мы делаем большие глаза: почему же? Власть-то как-никак новая, но вот поди ж ты... А секрет прост: новые бумажки готовят старые кадры. Те самые бывшие, б/у, которые вроде ушли в тень, но продолжают свое дело уже в новом качестве. Чего ж мы ждем от них?..

...Вот кушает в депутатском буфете бывший член того еще Верховного Совета Владимир Чернов, до этого — сборщик-клепальщик авиазавода в Комсомольске-на-Амуре, сегодняшний Консультант Аппарата (помощник депутата)... В чем же, интересно знать, клепальщик-сборщик консультирует моих несчастных избранников? Как клепать законы по образцу разогнанного ВС РФ?.. Вот бывший член Совета Национальностей, а еще раньше — председатель кабардинского колхоза Мухамадин Тумов, ныне — консультант по работе с фракциями Госдумы... Ходят-бродят по коридорам с думным видом ба-а-альшие специалисты-политики, б/у, ищущие, кому бы продать подороже свой «ценный» опыт. Здесь и расплевавшийся вовремя с собратьями-«демороссами» неудачливый физик-ядерщик Анатолий Медведев, то и

Григорий КРОШИН

Хотца власти. Ну о-о-очень хотца! Чтоб с утра пораньше — машина к подъезду — посетители, ходатаи, холуи, курьеры, курьеры, курьеры... И еще, чтобы журналисты эти поганые то и дело хватали за штаны: да-а-а-ай интервью!..

дело пугливо озирается по сторонам, будто и сегодня опасается, что из-за угла вот-вот вынырнет грозный спикер-экономист всея Руси... Но выныривает... первый зам того спикера-экономиста, татарстанский москвич с улицы Чехова, дом 15, Юрий Воронин. Мы еще не успели забыть, как, ликуя, давал он 3 октября того года телеинтервью чужеземной журналистке: мол, наконец-то с этим преступным ельцинским режимом покончено, «наши» уже в Кремле, и вообще полное ура... А спустя сутки замспикера прочно исчез и из «Белого дома», и вообще из Москвы. От греха подальше, мало ли... Потом огляделся, «хвоста» за собой, видимо, не обнаружил, осел в Казани, оклемался быстро. Настолько, что предпринял даже новую попытку войти во власть — выставил свою кандидатуру в Госдуму от родного татарстанского электората. Но не тут-то было: на этот раз «родной» повел себя как неродной...

Но зато теперь — снова в столице, в собственной, некогда служебной, жилплощади, на престижной улице Чехова, в поисках престижной должности...

...Есть в составе Думы еще одно тепленькое местечко для б/у: Мандатная комиссия, возглавляемая знаменитым дважды космонавтом и дважды депутатом Севастьяновым. Кто, как вы думаете, там заправляет? Нет, не угадали, не космонавт. Бумажки от имени Комиссии к высочайшему рассмотрению на Думе готовит аппарат. А в аппарате том — Иона Андронов! Да-да, тот самый, бывший министр иностранных дел «Белого дома». Припоминаете? Кстати, большой друг нашего журнала: именно нам он впервые открылся, что у него имеется свой персональный кодекс чести...

Какие люди! Вот останавливает меня в коридоре еще один наш давний знакомый, несостоявшийся вождь социал-демократов, неслучившийся «отецрусской-конституции»: «Будем доказывать, что новая конституция — нелегитимна... Кстати, можете у меня интервьюшку взять»...

Очень хотца власти! Из последних сил — лишь бы снова на гребень общественного внимания, лишь бы показаться, а главное — дать интервьюшку! И чтоб постоянно иметь доступ к халявной кормушке, единожды отлебнув из которой тянет хлебать вновь и вновь... Еще бы: получить миллион в кассе аппарата власти в роли консультанта всего и вся или возвращаться в ненавистный родной авиазавод клепальщиком? Есть разница...

Последний император

Памяти Ким Ир Сена

О смерти Ким Ир Сена от инфаркта радиостанции мира сообщили 9 июля. Над посольством Северной Кореи, что как раз напротив моих окон, в этот день лишь до середины флажштока поднялся национальный флаг с траурной лентой. Уход политика, обремененного самой неограниченной государственной властью в современном мире, был окружен тайной. Тайнственно и будущее Северной Кореи. Южнокорейское министерство иностранных дел через свою пресс-службу сообщило, что, несмотря на преемственность власти, унаследованной старшим сыном Вождя Ким Чен Иром, в политике КНДР предвидятся серьезные перемены. Опыт социалистического лагеря позволяет кое-что из этих перемен вообразить.

Никакой иронии. Смерть человека предполагает серьезное отношение к ней. После смерти Вождя и Учителя иронизировать не хочется. Хочется поразмышлять: пусть не все, но какие-то скрепы ослабли. Неужели общество Северной Кореи стоит перед той пропастью, в которую мы уже давненько летим, и не с высоты, а из бездны собственного опыта можем давать советы восточным братьям? Неужели у них впереди своя либерализация, кратковременный ренессанс, Кор От Ич и Лю Би Мов, дикий рынок с последующей паханизацией всей Кореи, отказ от литературы, науки, любых абсолютных цен-

ностей — во имя полного морального беспредела и пролонгированного распада?

История человечества похожа то ли на песочные часы, то ли на аптечные весы. В какие-то периоды (Лев Гумилев называет их пассионарными) верх одерживают ценности общие, абстрактные — потому и абстрактные, что общие, поскольку частное может быть только осязаемым и у каждого своим. Люди начинают дружно бороться (непреренно бороться!) за всечеловеческий и поэтому внечеловеческий идеал. Это времена торжествующего идеализма. Миру и уюту объявляется беспощадная война. Все силы отдаются борьбе за Общее Дело. Идеальным образом жизни становится аскеза, крайнее самоограничение и та скромность в быту, которая делала неотличимыми по манерам и гардеробу синемблужников, адептов культурной революции и моих корейских соседей с одинаковыми значками на лацканах. Такого напряжения человечество долго не выдерживает: оно добавляется до тоталитаризма, на который и напарывается. Олицетворением Идеи становится личность, которая по определению не может устраивать всех. Начинается расслабление: женщины скидывают паранджи, спечовки и позволяют себе косметику, мужчины бреются и отвлекаются на совокупления. Целью жизни провозглашается максимальная само-

реализация каждого члена общества. Время борцов и титанов проходит: народец мельчает, ему хочется у тихой речки отдохнуть. Оттепель, все можно. Никто и ничто уже не заставляет индивида жертвовать собой, и вообще философия жертвования отходит на второй план. Вместо «Все для фронта, для победы» вывешивается лозунг «Все для дома, для семьи»; вместо гордой героики борьбы торжествует скромная героика накопительства. Наступают времена материализма, ставящего в центр мира не Бога, не Абсолют, но человека. Гуманизм начинается с Возрождения, все свободно вздыхают, но любой ренессанс неизбежно заканчивается рынком, торжеством приобретателя, резким и приземленным измельчением человеческой природы. Так продолжается до тех пор, пока человечество не начинает тосковать по высокому идеалу и не кидается в новую бойню и аскезу во имя Добра и Красоты (никогда колбасы). Очередное великое оледенение сменяется оттепелью, и так до бесконечности...

«Пассионарный» двадцатый век, прошедший под знаком массовости, борьбы и дисциплины, закономерно заканчивается всеобщей расслабухой, попустительством себе и отказом от общего счастья во имя частного кошелка. Это естественная реакция на столетие принудительных благ. Северная Корея — последний их бастион. По меркам вечности осталось немного до того момента, когда бастиону придется кардинально менять свои ценности, и тогда с XX веком будет покончено в мировом масштабе. Судя по всему, Ким Чен Ир об этом уже задумался.

Присмотримся к обоим парадигмам чередующихся периодов человеческой истории. С одной стороны — тотальность, всеобщность, идеализм, работа над собой, подчинение меньшинства большинству, насилие, фанатизм, бешеное созидание, высокие и абсолютные ценности, религиозные или квазирелигиозные; титаны, герои, сакрализация печатного слова, повышенное внимание

власти к науке и опекающие культуры; приоритет милитаризма, тяжелого машиностроения и крупных форм — монументальная скульптура, роман-эпопея, многоэтажные титулы. С другой стороны — индивидуализм, материализм, потакание своим слабостям, экзистенциальное одиночество, презрение к большим идеям, стремление к комфорту, десакрализация культуры, рост релятивизма, который в своем конечном развитии приводит к эстетизации порока (памятной нам по Серебряному веку). Никому из нынешних жителей России, если они в своем уме, не придет к голову расхваливать тоталитаризм, при котором сотня дружно забывает одного за нестандартную форму ушей. И тем не менее у тоталитаризма есть свои сильные стороны, как ни ужасно это звучит. Нищие в свое время (предшествовавшее, кстати, «закату Европы») утверждал, что немецкий народ унижен демократией, забыл об идеалах и погублен прозаическими интересами. Мало кто будет отрицать, что именно «пассионарные» периоды порождают подлинных титанов — великих злодеев и столь же великих праведников; что при тоталитаризме мораль незыблема, а нравственные законы и табу всасываются с молоком матери, даром что закрепляются палкой; что в тоталитарном обществе каждый обязан помогать каждому, если даже помогаемый ни о чем таком не просил. Не будем прятаться от правды: жертвами, подвигами, железной волей — Великую Отечественную войну выиграло именно поколение, сформированное самым страшным тоталитаризмом. Железная самодисциплина и жертвенность этого поколения не только спасли страну в сороковые, не только подняли ее из руин, но и породили оттепель шестидесятых, как и титаны Возрождения сформировались под игом инквизиции!

Американская и европейская демократия при всех сетованиях на скуку и размеренность жизни производит куда более благоприятное впечатление, чем посттоталитарные общества, вступившие на путь свободы. Проблема тут вот в чем: большинство стран соцлагеря получали свободу не тогда, когда до нее дорастали, а тогда, когда умирал или старился диктатор, когда наверху считали возможным эту вольницу даровать. Как сказал один умный историк, Петр I добавил к бесчисленным повинностям своих подданных еще одну, самую тяжкую: быть свободными.

Опыт Европы и СССР в этом смысле никого не научил. Смерть Ким Ир Сена неизбежно повлечет за собой несвоевременные и тяжкие перемены, к которым народ элементарно не готов и за которые он будет платить тяжелой духовной травмой. Эта свобода будет обеспечена давлением Южной Кореи и Запада, примером России и отчасти Китая. Людей заставят быть свободными. Они этого не уме-

ют. Попытаемся представить последствия.

Малое количество диссидентов в КНДР подтверждает безрадостную для нас вещь: народ оболванен крепко. Понадобятся годы для его прозрения. Народу-то при Ким Ир Сене было хорошо! Среднее образование стало поголовным (у нас уже перестает быть таковым); грамотность — всеобщей (у нас резко упала). Преступность была одной из самых низких в Азии. Фестиваль прошел на ура — никак не хуже сеульской Олимпиады. Жилищное строительство по темпам опережало южнокорейские показатели. С техникой и пищей, правда, было похуже, зато наука под государственным патронажем цвела, даром что была ориентирована на милитаристские цели. У страны и народа было сознание своего величия. Идеи чужие, конечно, смахивают на бред сивой кобылы, но они исправно отвлекали население от экзистенциальных проблем. Перспектива объединения пока выглядит отдаленной, но в единой Корее жители КНДР явно будут людьми второго сорта, и эйфория схлынет еще быстрее, чем в бывшей ГДР. Страну постигнет затяжной мировоззренческий кризис. В роли заместителя чужие выступят не подлинная религия или философия, но почти всевластное в Южной Корее учение Муна — грубая подделка под христианство, пронизанная идеями личной выгоды. Людям придется научиться жить в мире без гарантий, без плана, в мире, где всякий разрешит себе забыть о навязанной нравственности и со спокойной совестью предастся грабежу. Мы можем сколько угодно прятаться от того простого факта, что капиталистическая система строится на эгоизме. Увы, делая первый шаг к альтруистическому насилию над собой, человек приближается к тоталитаризму, и от блюстителя морали до апологета кнута расстояние крайне невелико. Страна, подобно нашей, кинется раскрепощаться, и в вакханалии этого раскрепощения на всякого, кто уважает старость и отдает долги, вскорости будут смотреть как на идиота. Если совесть среднестатистического жителя страны заменена цитатником, стоит отобрать цитатник — и отпадет всякий моральный закон. КНДР еще менее готова к перестройке, чем Россия в восьмидесят пятюм. У нас хоть был опыт оттепели и застоя; у Кореи этого нет. И страшно подумать, какой катастрофой может обернуться свобода для страны, которая не просто к ней не готова, но, по большому счету, ее НЕ ХОЧЕТ.

Признаем наконец, что в процессе российской перестройки небольшая группа интеллектуалов (журналистов, литераторов, молодых политиков) навязала свои принципы гигантской стране, которая их усваивать не пожелала. Страна стала трактовать свободу как вседозволенность, а рынок — как грабеж. Она за-

ностальгировала по тем временам, когда была уверена в завтрашнем дне и считала себя великой державой. Я ненавижу тоталитаризм. И я же прекрасно понимаю, что мне в моей стране пока нет места. Я не могу говорить от ее имени и навязывать ей свои убеждения. Она должна к ним прийти сама. Иначе — успехи оппозиции, депрессия в провинции, разгул преступности и отказ от морали.

Не готовы. Не свободны. Не справляемся.

Из сказанного следует только одно: Северной Корее сегодня НЕ НАДО менять курс... Свобода в неготовой, не желающей ее стране — хуже тоталитаризма, потому что незаконна. Китай начал с демонтажа, но сегодня Мавзолей Мао незыблем, а имя его произносится с прежним придыханием.

Вся западная общественность, как можно уже сегодня судить по радиоголосам, будет требовать от нового лидера КНДР скорейшей переориентации. Это может превратить страну в грандиозный очаг нестабильности, угрожающий миру куда более, чем вооруженное до зубов маленькое государство прежнего образца. Какая Россия больше угрожает миру — застойная или нынешняя, окруженная кольцом локальных конфликтов и утратившая контроль над ядерными арсеналами доминионов? Вот то-то. Лучше не трогать этот последний бастион последнего императора. Если сегодня корейский социализм рухнет — завтра нестабильным станет весь регион.

Смешно давать советы. Но я бы рекомендовал Северной Корее открыть свои границы. Пусть строй не меняется, но пусть первым делом уедут все недовольные. Думаю, Россия их охотно примет — все-таки импорт. В порядке обмена мы могли бы выслать в КНДР свою духовную оппозицию — была же там Нина Андреева, результатами инспекции осталась довольна... Давайте перераспределимся. Я вполне серьезно. Во всяком случае, насчет открытия границ.

А в остальном я от души советую братскому корейскому народу как можно дальше пребывать в тоталитарном раю. До тех пор, пока от него не затошнит. Если Корея не послушается — она в ближайшее время превратится в многократно ухудшенную Россию, так и не сделавшую из своего очередного эксперимента ни одного трезвого вывода.

Р.С. Этот материал я предлагал в несколько плюралистических изданий. За простой призыв «Кому велено чирикать — не мурлыкайте» я был объявлен наследником О'Брайена, за признание плюсов тоталитаризма и минусов демократии при безусловной любви к последней — попал в прохановцы. Это русская свобода. Корейский брат! Трижды подумай, прежде чем идти нашим путем.

Дмитрий БЫКОВ

Кое-кому в Москве выгоден конфликт...

— Сергей Владимирович, в «Столице» со своими взглядами на осетино-ингушскую проблему уже выступили вице-премьер Сергей Шахрай (№ 23, 1994) и полномочный представитель Республики Северная Осетия при президенте России Казбек Дулаев (№ 28). Посему будет логично, если и вы, представитель Ингушетии, выскажете свою точку зрения.

— Спасибо. Тем более, что мне, внимательно прочитавшему упомянутые вами публикации, есть что возразить этим политикам. Самое главное: и тот и другой в качестве основного тормоза в урегулировании осетино-ингушского конфликта выдвигают абсолютно ложный тезис — мол, нормализации ситуации, в частности решению принципиального вопроса о возвращении беженцев-ингушей в места своего проживания в Пригородном районе Северной Осетии, препятствует территориальная претензия Ингушетии на часть этого самого Пригородного района... И хотя на самом деле эти два фактора — возвращение беженцев и принадлежность Пригородного района — в принципе не взаимосвязаны, осетинская сторона намеренно их соединяет.

Далее. Нас удивило, что в качестве довода о принадлежности Пригородного района Осетии вице-премьер Шахрай ссылается на Указ Ельцина, где подтверждено, что этот район является территорией Северной Осетии. Ведь, казалось бы, он, работающий не первый день в сфере национальных проблем, прекрасно должен знать, что наложен мораторий на действие Закона о реабилитации репрессированных народов до 1995 года, и Указ Ельцина не противоречит этому мораторию. То есть до 1995 года эта проблема снята. И если уж ссылаться на Указ Ельцина, то можно увидеть, что в нем присутствует обычная констатация сегодняшнего положения: да, сегодня Пригородный район принадлежит Осетии. Указ оставляет поле для деятельности после 1995 года. Естественно, политическими методами.

Но сейчас речь не о Пригородном районе. Речь о том, что в основе всего этого конфликта — политика (еще при существовании СССР) нарушения прав человека в Северной Осетии. Ущемление прав ингушей даже как бы закреплялось нормативными актами Союза и СО АССР: это и запреты на пропуск, запрет на продажу домов ингушам, в какой-то мере и запрет на профессию (ведь без прописки не принимали на работу, а на ряд должностей не брали и ингушей, имеющих прописку).

— Чем же было вызвано такое отношение именно к ингушам?

— Политикой осетинского руко-

Советник президента Ингушетии

Сергей БЕЛОЗЕРЦЕВ:

«Безопасность ингушских беженцев можно обеспечить только действиями федеральных правоохранительных органов».

водства, поддерживаемого Москвой. И я уверен, что никогда ингушская проблема в Северной Осетии не встала бы так остро, если бы не нарушались права человека в целом.

— Что, по-вашему, мешает ликвидации конфликта?

— Желание руководства Северной Осетии (в том числе президента Галазова) во что бы то ни стало удержаться у власти. Еще до 1992 года там, в Осетии, народ выступал против режима Галазова. А мировой опыт говорит — когда под правителями шатается трон, срочно организуется либо внутренняя война, либо внешняя...

— Но Галазов вновь избран первым лицом республики совсем недавно, в результате демократических выборов.

— Это вопрос, который еще надо хорошо исследовать, — насколько эти выборы были демократическими... Например, некоторые конкуренты Галазова утверждают обратное. Но дело даже не в этом. В итоге острые социально-экономические проблемы жизни населения в Осетии были резко переведены тамшними властями в межнациональную плоскость. Отсюда — вражда, доведенная до кровопролития...

— В таком случае, насколько реально возвращение беженцев-ингушей в свои дома? Как можно обеспечить их безопасность? Не придется ли для охраны каждого ингушского дома ставить у его во-

рот федеральный танк?

— Да, ситуация именно такова... Хотя, надо сказать, ингуши, несмотря ни на что — на стрельбу по их домам из минометов, на продолжающиеся поджоги, — все равно возвращаются в свои прежние жилища... А безопасность их можно, на мой взгляд, обеспечить лишь одним путем: действиями федеральных правоохранительных органов, не подчиненных никому, кроме Москвы. Другой гарантии нет.

— Иногда высказывается мнение, что федеральные власти весьма вяло реагируют на этот конфликт потому, что кто-то в Москве заинтересован, чтобы он продолжался...

— Думаю, что можно подобрать аргументы и под эту точку зрения... Ведь, кроме всего прочего, на делах, связанных с незаконным распространением оружия в регионе, кто-то имеет очень большие деньги. Может быть, кто-то из федеральных руководителей тоже заинтересован материально... Так или иначе, ясно одно: не решается осетино-ингушская проблема именно из-за того, что федеральные власти не применяют силу, данную им законом.

— Вы считаете, что замена федерального министра по делам национальностей произведена вовремя?

— В любом случае, принимая во внимание бездействие Сергея Шахрая, надо было ставить на этот пост нового человека. Не говоря уж о том, что даже в интервью «Столице» он ревизует Указ Ельцина, который — хотя бы даже просто по должности — обязан выполнять: в то время как Ельцин поставил конечный срок решения проблемы беженцев — 31 июля, Шахрай говорит об... осени, а до этого, дескать, «нам остается только молиться»... Снова ничего не делать, только молиться?..

— Как, по-вашему, знают ли обо всем, что происходит в регионе сегодня, Борис Ельцин и высшее руководство России?

— Наверное, знают, хотя... Действительно никаких от них не исходит — что толку от такого знания? А ведь мы неоднократно направляли президенту России документально подтвержденные материалы о реальной ситуации, предлагали разные варианты мер. Кстати, все это есть и в моей (в соавторстве с Л.Дувановой) только что вышедшей книге «Механика смерти», но... Похоже, что кому-то не надо, чтоб о этом узнал президент. Вообще, если бы можно было возобновить канал связи с Ельциным, многое бы изменилось...

Григорий КРОШИН

Международный Экспертный Совет (МЭС) каталогов «Дарин» под руководством академика Д.ж. Звишани объявляет конкурс среди предпринимательских и финансовых структур Российской Федерации за право быть представленными в номинации «Олимп», раздела «Золотые фирмы года», в каталоге «Элита российского бизнеса-95», среди пятидесяти наиболее крупных, динамично развивающихся организаций и предприятий, оказывающих значительное влияние на развитие экономики России.

Для участия в конкурсе вы должны представить в Международный Экспертный Совет заполненную информационную анкету, которую необходимо направить по адресу:

*109316, Москва, Волгоградский проспект, 26,
офис 1308, Международная ассоциация журналистов
«АСМО-пресс».*

Ответы на все
интересующие
вас вопросы можно получить,
позвонив по телефонам:
270-6930, 206-8071

В журнале «Столица» № 28 была опубликована статья о новой системе «Ваш ломбард». По многочисленным просьбам читателей мы публикуем адреса некоторых приемных пунктов и сообщаем, что фирма «Ваш ломбард» выдает деньги под залог ювелирных изделий.

**Размер ссуды при сроке залога свыше 1 месяца — 95% от оценки,
от 2 до 30 дней — 85%.**

Сумма ссуды не ограничена.

Тарифные ставки аналогичны ставкам комбината «Мосгорломбард»

**Адреса: ул. Олеко Дундича, 21, корп.1
(3 минуты от м. «Филевский парк»)**

**Работаем с 10.00 до 16.00.
Обед 12.00—12.45
Тел. 145-51-46**

**2-й Хвостов пер., 8, стр. 1
(3 минуты от м. «Полянка»,
«Октябрьская», «Добрынинская»)**

**Работаем с 9.00 до 17.00
без перерыва на обед.
Тел.: 230-33-25, 230-33-57,
230-33-68**

Чужой праздник?

Владимир КОВАЛЕНКО

Разумеется, с таким историком, как М.С.Горбачев, невозможно спорить всерьез. Припоминаю, как в 1991 году он все повторял, что наше государство существует тысячу лет и мы ни в коем случае не должны допустить его распада. Выходило, что Михаил Сергеевич, во-первых, считал СССР продолжением романовской империи (СССР действительно унаследовал ряд ее особенностей — таких, как монархия, всевластие охраны, крепостное право в виде колхозов и проч., но генсеку КПСС признаваться в этом очень неприлично) и, во-вторых, что он разделял созданную царскими историками т.н. «династическую» схему русской истории. По этой схеме Российская Империя (а до того — Московское государство) является прямой наследницей Киевской Руси, т.е. государством, непрерывно существующим с X века, в котором, мол, только переехала столица: сначала из Киева в Суздаль, затем — во Владимир, оттуда — в Москву, а затем — в Петербург.

Советский Союз, распавшийся в 1991 году, просуществовал 69 лет — если будем брать формальную сторону и считать датой его создания 30 декабря 1922 года. Но если даже рассматривать СССР как продолжение Российской Империи, то и в этом случае ему не тысяча лет, а гораздо меньше.

Редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков в номере от 11 июня высмеял День независимости России как «неправильный праздник с неправильным названием», указав, что Россия независима, «пожалуй, не менее пяти последних веков». Совершенно верно: независимое государство со столицей в Москве существует 514 лет, с 1480 года — с тех пор, как Иван III прекратил выплату дани Золотой Орде. Хотя, конечно, тогда Россия не включала в себя не только ни одной будущей союзной республики, но даже Татарстана с Мордовией. Жаль только, что г-н Третьяков не указал, откуда взялся такой нелепый праздник. А появился он оттого, что российские руководители так часто повторяли лукавый тезис «Россия не была метрополией, она сама была колонией Центра» (как будто этот злокозненный

Центр находился не в Москве, а где-нибудь на Марсе и львиную долю в нем составляли не русские, а невесть кто), что, в конце концов, и сами уверовали в него.

А теперь г-н Горбачев в статье, опубликованной в газете «Ла Стампа» (перепечатана в «НГ» 17 июня), наряду с другими шибко патриотически настроенными лицами крайне негативно оценивает тот факт, что российское руководство не было приглашено на юбилейные празднества, связанные с 50-летием высадки в Нормандии.

«Сегодняшнее российское руководство предпочло сделать вид, что ничего не случилось», — заявляет М.С.Горбачев. В этих словах чувствуется лишь желание в очередной раз «уесть» Ельцина, притом самым примитивным и безотказным образом: обвинив в отсутствии патриотизма.

Полагаю, что действительно ничего не случилось. Да, большие силы Вермахта (но это были только сухопутные соединения, а отнюдь не германский флот, о чем у нас умалчивают), были разгромлены на Восточном фронте. Это значительно облегчило задачу союзников, чего руководители западных стран никогда не скрывали и не скрывают.

Но могут быть праздники общие (скажем, встреча на Эльбе или подписание капитуляции Германии), а могут, так сказать, и частные. Будет еще целый ряд юбилеев: победы англичан при Эль-Аламейне, высадки американцев на Окинаву и т.д. Значит ли это, что на каждом из торжеств должен стоять Борис Николаевич и махать ручкой? Я не представляю себе, чтобы американская или британская пресса устраивала крик из-за того, что руководителей этих стран не пригласили на годовщины Сталинградской или Курской битвы, узрев в этом попытки принизить заслуги США или Великобритании.

«Событие было представлено однобоко, — пишет М.С.Горбачев, — как будто победа была достигнута благодаря решающему вмешательству лишь одной из сторон коалиции. Такая трактовка неприемлема. Она... искажает историческую правду, содержит попытку умалить решающую роль Советского Союза в

победе над фашизмом...» Далее бывший генсек и президент, добросовестно переписывая школьный учебник многолетней давности, заявляет, что открытие второго фронта произошло с большой поддержкой, из-за чего Советский Союз три года был один против главных сил гитлеровской коалиции, что «если бы высадка в Нормандии произошла не в 1944-м, а в 1943-м...» и т.д.

Искажать историческую правду действительно нехорошо. Поэтому давайте перенесемся на полвека и более назад. Англия и Франция вступили в войну, по-рыцарски протянув союзническую руку Польше (хотя правительства этих стран и несут ответственность за потворство Гитлеру в 1933—1938 годы, за Мюнхен). Соединенным Штатам и британским доминионам (Канаде, Австралии, Новой Зеландии) немцы впрямую вовсе не угрожали, но эти страны послали своих солдат в Нормандию, где сотни тысяч погибли во имя идеалистических целей свободы и демократии.

Советский Союз же, заключивший пакт с Гитлером о разделе Европы, был одной из главных сил, развязавших вторую мировую войну. И его борьба с Германией началась лишь после того, как Гитлер коварно напал на своего верного союзника Сталина. Три года эта борьба происходила лишь на территории СССР. Самые кровопролитные битвы — под Москвой, Сталинградская, Курская — происходили также на его территории. И нередко на Западе и политики и обыватели спрашивают: а за что мы должны быть благодарны русским? За то, что они защищали себя: независимость, землю, дома, жен и детей? Мне кажется, что следует попробовать понять такие аргументы, а не хватать сразу Клинтон за грудки с криком «Ты меня не уважаешь!». Ведь по логике Горбачева и школьных учебников мы должны быть бесконечно благодарны, например, Китаю — за то, что во время боев на Хасане и Халхин-Голе основные силы японской армии были скованы китайцами.

Об уровне же отечественного рыцарства ясно говорит хотя бы тот факт, что осенью 1941 года тогдашний предшественник Горбачева на

посту генсека ВКП(б) через болгарского посла предлагал Гитлеру забрать себе Украину, Белоруссию, Прибалтику, Молдавию — лишь бы тот заключил мир и отступился от Москвы. И вовсе не заслуга Сталина, что самонадеянный фюрер, решивший получить все, отверг эту сделку.

Что же касается избитого тезиса о том, что союзники могли бы открыть второй фронт раньше, в 1943 году, то ему можно противопоставить другой столь же «свежий»: Западный фронт против гитлеровской Германии возник гораздо ранее (уже 4 сентября 1939 года Великобритания начала высаживать во Франции экспедиционные корпуса), был он и в 1940 году, когда шла битва за Францию и англичане высаживались в Норвегии, и в мае 1941 года, когда они дрались с немцами за Крит, но... на этом фронте западные союзники сражались против Германии, поддерживаемой СССР. Приведу отрывки из воспоминаний У.Черчилля «Вторая мировая война»:

«...Он (Сталин. — В.К.) всеми си-

лами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером... И он, и Молотов исправно посылали свои поздравления с каждой германской победой. Они направляли в Германию бесконечным потоком продовольствие и важнейшее сырье. Их коммунистическая «пятая колонна» делала все, что могла, для того, чтобы помешать работе наших заводов. Их радио оскорбляло нас и клеветало на нас. ...Советские руководители с каменным спокойствием наблюдали крушение фронта во Франции в 1940 году и наши безуспешные попытки создать в 1941 году фронт на Балканах... Если бы мы подверглись вторжению и были уничтожены в июле или августе 1941 года или умерли от голода в этом году во время битвы за Атлантику, они отнеслись бы к этому совершенно безразлично... До нападения на них Гитлера мы не знали, будут ли они сражаться, и если будут, то на чьей стороне».

Фактически же СССР длительное время воевал на стороне Германии. Можно привести целый ряд доказа-

тельств того, что «фашистский военный меч ковался в СССР». В те самые дни 1939 года, когда англичане высаживались на континенте, Сталин по просьбе Гитлера любезно увеличил продолжительность вещания радиостанции Минска на несколько часов, чтобы германские бомбардировщики ночью могли использовать ее сигнал в качестве радиомаяка. Советские власти на несколько суток задержали в Мурманске британские корабли, чтобы дать уйти германским судам. Советский ледокол провел Северным морским путем в Тихий океан германский рейдер, чтобы он топил там суда союзников, и т.д. и т.п.

Осенью этого года состоится еще один юбилей — 55-летие позорного советско-немецкого «парада победителей» в Бресте в 1939 году. Знаю, что многим мои слова сильно не понравятся, но все же спрошу: не собираются ли любители полного и всеобъемлющего освещения истории отметить и этот юбилей? В отличие от юбилея в Нормандии, где не высаживался

Банкет по случаю пятидесятилетия высадки союзников в Нормандии и открытия Второго фронта. Представители союзников, воевавших на Восточном фронте, приглашены не были

«HELLO»

ни один советский солдат, мы имеем на это полное право. А некоторые участники этого парада наверняка еще живы: что в Москве, что в Берлине.

Несколько слов и об «однобокости освещения событий». Горбачев говорит о победе Советского Союза, но сетует, что не пригласили в Нормандию российское руководство. Да и вся московская пресса пишет о победе, которую завоевала «Россия», «русские». Но одно дело, когда так пишут газеты западных стран, где плохо знают этническую мозаику бывшего СССР и вообще с царских времен по привычке называют население одной шестой части суши «Russians», а другое — когда так говорят и пишут в сегодняшней РФ. А ведь воевала на Восточном фронте не РФ и не РСФСР, а СССР, все его тогдашние республики. И попытки приписать всю славу победы одним лишь то ли русским, то ли россиянам тоже есть плевков в лицо белорусам и казахам, грузинам и армянам: вспомним о Константине Заслонове и Маншук Маметовой, Леселидзе и Баграмяне... И, конечно, в первую очередь следует назвать украинцев, которые потеряли на фронтах 1,5 млн убитыми, а по потерям мирного населения превзошли Россию не только по относительным, но и по абсолютным цифрам.

И вот ведь что непонятно. Входили в Германию в 1945 году с триумфом советские войска, а прощальный парад в 1994 г. в Вюнсдорфе провели *российские* войска. Никто в Москве не позаботился о том, чтобы пригласить туда украинскую, белорусскую, казахскую делегацию, ну хотя бы ветеранов. 9 мая этого года мы видели по телевизору позорную сцену в Севастополе, где шовинистическая толпа, размахивающая бело-синекрасными и Андреевскими флагами, пыталась вырвать государственный желто-голубой флаг у скромной украинской делегации, возлагавшей венки к вечному огню, сорвать погроны с солдат...

Сегодня в России обижаятся, что ее представителей не пригласили на юбилей высадки в Нормандии, в котором, повторяю, российские солдаты не участвовали. В будущем году будет отмечаться 50-летие Победы, и все народы будут внимательно наблюдать: не попытаются ли иные очень обидчивые российские политики и журналисты, чего доброго, столкнуться с юбилейной берлинской или еще какой трибуны делегатов с желто-голубыми, оранжево-синекрасными, зелеными и разными прочими флагами.

Frankfurter «Katjuscha»

В 1945 году
СССР проглотил
яд чуждой культуры.
Что ж тут
праздновать?

Максим СОКОЛОВ

Закон сохранения материи действует. Покуда российские генералы и политики по инерции доругиваются с немцами о деталях окончательного ухода российских войск из Германии, место солдат немедля заполняет армия российских уличных музыкантов. Вместо старинного сюжета «Певец во стане русских воинов» является «Певец во стане бундесбюргеров». Новый сюжет впечатляет. За два года с торговых улиц и туристических топталищ оказались начисто выметены господствовавшие там прежде зажигательные латиноамериканцы и бьющие в тамтам негры. Вместо того на мюнхенской Karlsplatz русский инвалид наигрывает «Раскинулось море широко», а в славном имперском городе Франкфурте, на площади, где венчалась короной Священной Римской Империи германские императоры, могучий бас под звуки гармошки выводит: «Жило двенадцать разбойников, жил Кудеяр-атаман».

Один советский генерал в своих мемуарах возмущался мнением пленного в июле 1941 года немецкого полковника, сообщившего ему, что истинное и единственное призвание славян — выращивать хлеб и петь печальные славянские песни. Насчет хлеба — обзревая успехи отечественного АПК — герр оберст явно погорячился, но что касается печальных песен, то, доживи он до наших дней, уличная жизнь Франкфуртана-Майне сильно укрепила бы его в давнем заблуждении. С другой сто-

роны, в свете рассуждений о грядущем русском прорыве на западные рынки триумф русской песни обнадевает. Музыкальные культуры, как известно, распространяются по всему миру волнами (итальянский мелос — в XVIII—XIX вв., латиноамериканский и афро-американский — в XX), так что изобилие русского bel canto на священных камнях Европы сулит русскому мелосу к XXI веку всемирное господство.

Впрочем, некоторые детали наблюдающегося прорыва интересны не столько для всемирного музыковедения, сколько для внутрироссийской социологии. Посередине богатых универсальных магазинов, возле франкфуртской Hauptwache хор в сарафанах и косоворотках, как будто сошедший с экрана телевизора брежневских времен, исполняет «Катюшу». Немцы молодого и среднего возраста безразлично проходят мимо, ибо, как сказано выше, русским мелосом европейца уже никак не удивишь, а историческую специфику данной песни послевоенные поколения немцев не знают. Зато в состоянии, близком к обалдеванию, пребывают немецкие ветераны Великой Отечественной войны: зачарованно слушают, фотографируют на память и, кажется, ничего не понимают.

Понять и вправду мудрено.

Волею судеб итальянская народная песня (в годы второй мировой войны итальянские партизаны на тот самый мотив пели: «Conquistaremo la nostra primavera per la patria, per la libertà», т. е. «Добудем в бою нашу весну —

ради отечества, ради свободы») сделалась заветным символом советской предвоенной, а главное — военной эпохи. Мало того, что по своей чистоте и искренности песня сделалась народной, но она еще сделалась слишком известной немцу. На передовой советские пропагандисты вслед за предложением сдаваться и положенными тут агитками крутили для развлечения немцев «Катюшу» (а те отвечали шквальным огнем). Немецкие пропагандисты делали то же самое и тоже крутили музыку — когда «Лили Марлен», когда и «Катюшу». *Horribile dictu* — две самые знаменитые песни второй мировой войны оказались таковыми, потому что были очень похожи друг на друга и простыми человеческими словами говорили про одно и то же, самое важное и дорогое — война, любовь, разлука. Разница лишь в том, что у немцев по далекой любимой тосковал солдат — «Mit dir, Lili Marlen», а у русских по солдату тосковала возлюбленная — «Пусть он вспомнит девушку простую, пусть услышит, как она поет, пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет».

Но именно потому, что песня в самом деле выражает заветные чувства реального (а не мифического) солдата той войны, деликатное отношение к ней вполне уместно, а исполнение ее на потеху бывшему противнику — не вполне. Чтобы понять фантастичность франкфуртской уличной сцены, можно пофантазировать на тему «если бы».

...Германия побеждает союзные нации и заключает мир. В обкорнанной, ампутированной России рушится коммунистический режим. Идут невыносимо тяжелые 40—50-е годы. Россия бредет сквозь долину слез и подымается из пепла, делаясь самой богатой и свободной державой континента. Третий рейх, доуничтожив всех попавших к нему в лапы евреев, несколько успокаивается, осуждает культ личности Гитлера, периодически оказывает вооруженную братскую помощь Франции и Италии, тихо загнывает под власть своего национал-социалистического Брежнева и усиленно строит монументы в честь победы над силами мировой plutократии. Фюрером и рейхсканцлером делается перестройщик, в Риме, Париже, Праге и Будапеште совершаются «бархатные революции», рейх трещит по швам, задыхаясь в тисках инфляции и коррупции. Победители-арийцы в баварских национальных костюмах стоят на лапающемся от богатства Невском проспекте и под звуки губной гармоники на потеху русским недочело-

векам исполняют «Лили Марлен»...

Видя такое дело, ухоженный и благоухающий дорогим одеклоном русский ветеран войны обалдевал бы не меньше, чем балдеет его немецкий коллега. И не меньше, чем обалдевает ныне заброшенный и нищий российский ветеран.

Оставим и тех и этих ветеранов с их удивлением и — с учетом франкфуртской сцены — зададимся вопросом: подготовка к празднованию 50-летия Победы идет полным ходом, развернуты обширные планы монументальной пропаганды, попутно россияне сильно обижаются, не будучи зваными на аналогичные союзнические мероприятия (типа 50-летия Второго фронта), — но что, собственно, предполагается праздновать?

Юбилей победы над фашизмом, годовщину избавления человечества от коричневой чумы? Да, но для этого государство и общество в своем поведении должны исходить из того, что нацизм есть мерзость перед Господом, а люди, пораженные коричневой чумой, суть если не опасные преступники, то по крайней мере изгои и прокаженные, которых должен остерегаться всякий добропорядочный гражданин. В стране, где зараженность коричневой чумой никак не является препятствием для вхождения в политическую и культурную элиту, где решительное отвержение нацизма принято называть «разжиганием гражданской войны», «охотой на ведьм», «тоталитарным наступлением на права человека», где откровенное попустительство откровенно нацистской пропаганде является устоявшейся государственной практикой, — в такой стране праздновать давнюю победу над коричневой чумой было бы несколько странно. С какой, собственно, радости ликовать по поводу 50-летия победы над идеологией, исповедание которой сегодня считается допустимым и едва ли не похвальным?

Можно было бы просто почтить память павших, произнеся над их могилами прочувствованное: «Спите спокойно, это не повторится», — но как можно говорить, что это не повторится, если это уже повторяется?

Избегая, как это ныне принято, недвусмысленного отвержения национал-социалистической мерзотины, можно было бы по образцу пропаганды брежневских времен сосредоточиться на великодержавных плодах победы. Но когда гордые победители побираются перед униженными побежденными и в рамках общегосударственных (немец, дай столько-то миллиардов DM на то-то и то-то), и частным образом (frankfu-

fter «Katjuscha»), тема державности как-то не очень актуальна. Причем предъявляемые Горбачеву (Ельцину, Козыреву etc.) стандартные обвинения в развале империи тут не слишком годятся. Будь Горбачев чрезвычайно прижимист, сохранись восточный блок в неприкосновенной и гордой нищете, русские люди — представься им к тому возможность — точно так же ездили бы побираваться за границу. Упраздняющий всякую державность мысленный сдвиг — от прежнего «в Германии, в Германии, в проклятой стороне» к нынешнему «в Германии, в Германии, в богатой стороне» — произошел задолго до Горбачева. Более того, давно замечено, что для варварских империй чрезмерный захват культурно чуждых земель опасен, ибо новые приобретения несут в себе яд иной, более высокой культуры. 1945 год с фактической аннексией Советским Союзом половины Европы как раз и означал заглаживание яда чуждой культуры — с точки зрения державности чему ж тут особенно радоваться?

Всех вышеприведенных подводных камней можно избежать лишь в одном случае — встать на точку зрения бесстрастного историка и отметить, что в столкновении двух великих держав в 1945 году СССР одержал победу и эта победа имела важные последствия для судеб Европы и всего мира. С этим согласятся все, но в истории бессчетное число раз бывало, что одна держава побеждала другую и это имело важные последствия — что же тут специально праздновать?

...При одолевавшем российских вождей идеологическом вакууме, при явном нежелании занять четко цивилизаторскую позицию и не менее явном желании изобрести какое-то эрзац-державное миросозерцание пятидесятилетний юбилей победы над Германией воспринимается ими как нечаянный дар небес — хотя в действительности трезвые рассуждения над юбилейной датой обваливают все конструкции державной эрзац-идеологии.

В точном соответствии со словами поэта-песенника — «Ой ты, песня, песенка девичья, ты лети за ясным солнцем вслед» — «Катюша», полетев за ясным солнцем, т. е. на запад, долетела до слияния Рейна и Майна — там и «поплыли туманы над рекой». Унизительной наглядностью своего нынешнего полета чудная песня сильно подгадила московским идеологическим упражнениям...

Дырокол

Дмитрий ГАЛКОВСКИЙ

I

Виктор Суворов (Владимир Богданович Резун) родился в 1947 году. Кадровый офицер советской разведки. В 1987 году бежал в Великобританию. С середины 80-х годов пытался опубликовать на Западе книгу «Ледокол». На русском книга (1 часть) опубликована в 1992 году в Москве.

Содержание книги: После захвата власти в России большевики выдвинули идею мирового господства: русская территория — база для захвата власти над остальным миром. Технология — провоцирование второй мировой войны при сохранении нейтралитета СССР, а затем внезапный сокрушительный удар по всем странам Запада. В самой общей форме идею сформулировали Маркс и Энгельс. Для Ленина это была уже реальная стратегическая задача, для Сталина — непосредственная политическая практика. С этой целью была проведена тотальная милитаризация СССР, а на Западе создана мощная пятая колонна (Коминтерн). Одновременно коммунисты оказали самую непосредственную поддержку немецкому фашизму, как наиболее агрессивному течению европейской политической жизни (Суворов заявляет, что тема «как Сталин создал Гитлера» он посвятит отдельное исследование). Решение о непосредственном провоцировании второй мировой войны было принято на заседании Политбюро 19 августа 1939 года. 23 августа было подписано соглашение с Германией о расчленении Польши. 1 сентября Германия начала войну с Польшей, но Сталин от нападения на Польшу воздержался. Одновременно Англия и Франция объявили войну Германии. Вторая мировая война началась на совершенно невыгодных для Запада условиях: взаимная борьба крупнейших государств Европы при агрессивном нейтралитете СССР. 17 сентября Сталин начинает оккупацию оговоренной в августовском соглашении части Польши. При этом Германия не может протестовать против трехнедельной задержки советского наступления из-за войны с Англией и Францией, а Англия и Франция воздерживаются от объявления войны СССР в надежде, что и далее Сталин будет сохранять пассивность и дистанцироваться от своего немецкого союзника. В дальнейшем чем больших успехов достигает Германия, тем в большей степени Сталин начинает сближаться с Великобританией. Параллельно идет бешеная милитаризация и без того вооруженного до зубов СССР. Дата превентивного нападения на Германию определяется на 6 июля 1941 года, после начала десантной операции против Великобритании. В случае переброски основных частей вермахта на Британские острова не только Германия не будет иметь достаточно сил для отражения агрессии Сталина, но и вообще континентальная Европа из-за создавшегося в результате гитлеровских побед вакуума будет оккупирована Сталиным. Гитлер вынужден нанести упреждающий удар 22 июня 1941 года. Это позволяет достигнуть ему огромного тактического успеха (фактор внезапности), но создает прочный фундамент (в т.ч. и идеологический — «Сталин — жертва агрессии») для военного союза СССР с Великобританией и США.

Книга Суворова написана неряшливо, в стиле «журналистского расследования» с многочисленными повторами и перегруженностью второстепенной информацией. Ясная хронологическая последовательность отсутствует. Автор сам характеризует жанр «Ледокола» как «повесть-документ». В концепции авторского «я» присутствует элемент «миллениаризма»: в предисловии к советскому изданию Суворов заявляет, что, возможно, покончит с собой и «на коленях просит прощения у русского народа за эту книгу». Изложение «Ледокола» сознательно рассчитано на советского читателя с его менталитетом (что сближает книгу с «Архипелагом ГУЛАГом»). В частности, автор демонстративно отказывается от

использования неофициальных и западных источников.

Произведение Суворова создает общее впечатление убедительности с сильной авторской проекцией «заинтересованного искателя истины». Учитывая безусловную интенсивность сообщаемых автором фактов, даже с учетом некоторых неточностей и натяжек реальная критика книги практически невозможна.

В эмиграции публикацию отрывков из «Ледокола» поддержала часть национально ориентированной интеллигенции, но без особого успеха. (В.Буковский в послесловии к московскому изданию первой части «Ледокола» по этому поводу заявляет: «На Западе существуют могущественные политические силы, способные сделать глубоко несчастным любого умника, вылезшего с неудобными им откровениями».)

В России книга разошлась массовым тиражом. В средствах массовой информации («Независимая газета», «Московские новости», «Правда» и др.) разгорается дискуссия: «Суворов — предатель родины, порочит великую победу», «Суворов — мужественный человек, его книга разрушает один из последних бастионов сталинизма». Правительственные круги по этому поводу предпочитают отмалчиваться, что было особенно заметно в свете официальных выступлений, посвященных годовщине победы над Германией. В дальнейшем можно предположить выступление интеллигентских лидеров с заявлениями поддержки Суворова. Московский издатель «Ледокола» недавно убит; убийство разъярено в прессе связями убитого с уголовным миром.

II

Характеристика идеологической ориентации:

В целом Суворов правильно понимает свое место в системе общественных отношений. Он не ангажирован в еврейском вопросе, не допускает негативных высказываний по поводу западных предикторов. Его отношение к проблеме предикторальной связи исчерпывается следующим заявлением: «Почему Франция и Великобритания должны защищать Советский Союз, если Советский Союз провозгласил своей целью свержение демократии повсеместно, в том числе во Франции и Великобритании? Западу, по крайней мере, было наплевать, пойдет Гитлер на Восток или нет». Суворов ограничивается простой констатацией передачи США военной технологии СССР. Например: «Американский танк (прообраз Т-34) был куплен и переправлен в Советский Союз по ложным документам, в которых он числился сельскохозяйственным трактором. Или: «Правительство США по какой-то причине до начала войны продало Сталину лицензию на производство С-47 (лучшего военно-транспортного самолета мира) и необходимое количество самого сложного оборудования». Суворов приводит совершенно лояльное объяснение взрыва весной 1941 года «Линии Сталина» — глубоко эшелонированной системы укрепрайонов на старой границе Советского Союза: «Укрепрайоны мешали бы транспортному снабжению фронта на новой советско-германской границе». Суворов не акцентирует внимание на встрече сталинского коадьютора Майского с руководством Великобритании 13 мая 1941 года.

Крайне выгодная позиция идеологического разоблачения в сочетании с корректным соблюдением основных правил идеологической игры делает автора «Ледокола» потенциально важной фигурой в дальнейшем развитии политической ситуации внутри РФ. Ввиду этого полагаю необходимым начать разработку В.Суворова.

III

Примерный план разработки.

Первый этап: В целях установления идеологического контроля и последующей коррекции ситуации в средствах массовой информации инспирируется пропагандистская кампания. Основные положения:

1. Суворов — кадровый сотрудник советской военной разведки. Этот означает, что у него нет собственного

мнения по тому или иному вопросу — он выражает мнение организации и не существует как личность. Ни один кадровый разведчик никогда не делает ничего просто так — его действия предельно функциональны, — и сам он существует постольку, поскольку является определенной функцией. В обычном случае люди подобного сорта являются тяжелыми психопатами — людьми с искаженной психикой и запрограммированным поведением, с сохраненной способностью к внешней последовательности действий и элементарной логике (тип «сексуального маньяка»). Написание исторических произведений Суворовым так же невозможно, как превращение Александра Солженицына в следователя КГБ.

2. При декларируемой лояльности Суворова к остальным краугольным постулатам мифа западных предикторов (вроде «холокоуста» или «пакта Молотова—Риббентропа») на самом деле идеологические последствия книги более чем болезненны: в конечном счете речь идет о неправильном понимании роли Великобритании, США и Франции в мировом политическом процессе XX века. Например, Суворов считает ошибочным вынесенное нюрнбергским трибуналом смертного приговора Кейтелю и Иодлю, которые-де по крайней мере в случае нападения на СССР лишь оборонялись от неизбежного нападения Сталина. При этом Суворов заявляет, что в Нюрнберге следовало бы повесить сталинское руководство как главного зачинщика второй мировой войны. Таким образом, ставится под сомнение сама правомочность Нюрнбергского процесса.

3. Суворов не просто разведчик, он дважды разведчик. После побега на Запад он стал работать на новых хозяев. Это было естественно уже из соображений личной безопасности — в ГРУ его приговорили к смертной казни. В конечном счете понятна антисоветская направленность «Ледокола». Но содержание книги находится в сильном противоречии и с официальной английской или американской трактовкой событий второй мировой войны. Получается, что Суворов своей книгой предает не только своего старого хозяина, но и своего нового хозяина, а его новым хозяином является мать всех разведок — Интеллидженс Сервис. Он полностью контролируем если не ГРУ, то, по крайней мере, англичанами — почему они не заткнут рот своему новому сотруднику?

4. Если с Суворовым — человеком весьма уязвимым не могут справиться ни ГРУ, ни Интеллидженс Сервис, остается предположить, что его деятельность выгодна, что демонтаж послевоенного идеологического мира ведется Суворовым преднамеренно и в правильном направлении. Если здание обветшало и все равно скоро рухнет, то его следует преднамеренно разобрать по частям, чтобы обломки не повредили жилые строения и коммуникации. Книга Суворова — шаг в сторону рационализации обветшалого антифашистского мифа. Упрощенно говоря, суть этой рационализации в том, что следует публично признать необходимость идеологического повешения Сталина и Жукова, чтобы в ближайшие десятилетия не встал вопрос об идеологических виселицах для Черчилля и Рузвельта. Суворов просто выполняет задание западных разведслужб.

5. Но почему для этой акции «упреждающего разоблачения» выбрана такая двусмысленная фигура? Почему это не мог быть западный профессор или советский диссидент? Дело в том, что миф о второй мировой войне, которым повязаны одной цепью передовые демократии и гнуснейшие тираны, настолько стар и сложен, скрывает такие чудовищные преступления, затрагивает такие интересы, связывает в один узел бюрократические механизмы такого масштаба, что любые попытки его изменения сопровождаются фобией выпустить ситуацию из-под контроля. Поэтому, кстати, многие акции в этом направлении в результате всякого рода многолетних согласований, взаимной подозрительности и неизбежных провокаций проходят удивительно нелепо. Яркий пример этому — дело Рудольфа Гесса. Гесс по решению Нюрнбергского трибунала был осужден на пожизненное заключение. Он был последним заключенным тюрьмы в Шпандау, где один в огромном здании охранялся представителями четырех стран антигитлеровской коалиции. Будучи глубоким стариком, Гесс покончил с собой.

После этого тюрьму взорвали. Родные и близкие Гесса отказались похоронить его в фамильном склепе, заявив, что им выдали для погребения труп другого человека. В любой ситуации акцию по устранению двойника Гесса можно было провести профессионально, но решение могли принимать только путем четырехстороннего соглашения, что и привело к дилетантскому сбою. Когда в конце 70-х годов было принято четырехстороннее решение о согласованном упреждающем разоблачении (так как начал истекать 40-летний срок давности и для научного исследования был открыт значительный массив секретных архивов), для этого пришлось выбрать фигуру, в максимальной степени контролируемую всеми сторонами: к Суворову в любой момент любая из заинтересованных сторон с полным алиби может применить весь спектр действий от простого дезавуирования до физического устранения.

Таковы вкратце основные моменты предполагаемой кампании. Об окончательной согласованности умозаключений можно не беспокоиться. Публикация должна носить компактный по времени, но разнесенный в месте действия характер, при этом в каждой из публикуемых статей следует акцентировать внимание лишь на некоторых пунктах, оставляя в тени или даже игнорируя остальные. Кроме периодических изданий, желательна всякая публикация на телевидении (например, программа «Итоги»). Общий тон — «постановка вопросов». Проведение кампании должно создать впечатление — «что-то скрывают», «следует ожидать новые сведения». С этой целью кампанию можно дополнить явно ложными публикациями, доводящими позицию Суворова до абсурда. Например — издать под его именем «неопубликованную главу из «Ледокола», где советско-финская война интерпретируется как геополитическая диверсия Сталина (Сталин якобы специально ограничивал военные действия, например, не применял в широком масштабе авиацию и Балтийский флот с целью усыпить бдительность Гитлера, продемонстрировав «недееспособность» Красной Армии).

IV

Второй этап:

В солидном издании (вроде «Нового мира») должна быть опубликована большая анонимная статья следующего содержания:

СССР, Англия, Франция и США заключили секретный договор о нападении на Германию еще задолго до пакта Молотова—Риббентропа. В контексте этого договора последующие контакты Сталина с Гитлером являются частично согласованной диверсией, частично — попыткой вырваться из-под опеки стран-предикторов. Несмотря на колоссальные различия в политическом устройстве и внешнеполитических целях, все страны антигитлеровской компании объединяло, к сожалению, нечто большее — а именно религия. Это очень важная связь. При всем различии между современной Боснией и, например, Индонезией их объединяет мусульманская религия, которая во многих принципиальных вопросах может явиться решающим фактором для заключения политического соглашения. СССР с Англией, Францией и США объединяла религиозная (т.е. иррациональная) ненависть к Германии, которая по устройству политической жизни находилась как раз посередине между демократическим Западом и Советским Союзом и именно поэтому могла бы, казалось, вызывать одинаково благожелательные чувства и с той и с другой стороны. Это была ненависть религиозно ангажированных государств к обществу, где иррациональные институты социальной жизни (будь то христианство, масонство, иудаизм или атеизм) отстранены от реальной государственной практики и получают лишь локальное применение — как способ инспирации и утилитарного идеологического воздействия на реальных и потенциальных противников. Конкретным следствием подобной практики явился государственный антисемитизм Германии, а антисемитская пропаганда Германии была в совершенно одинаковой степени направлена и на СССР, и на страны Запада, равно вызывая с их стороны ответную реакцию патологической ненависти. Интересно, что впоследствии Германию обвинили в средневековом религиозном обскурантизме, что нашло свое отражение

в издании многочисленных антигерманских «научно-популярных» сочинений («Утро магов», «Копье судьбы», «Оккультный рейх» и т.п.). Это особенно любопытно, если учесть, что тут присутствует элементарная переадресация нацистских обвинений, например, в адрес «оккультной Франции». После захвата Франции при содействии немцев началась открытая публикация материалов масонских лож в специально созданных для этой цели журналах «Масонские документы» и «Бюллетень антимасонской информации». Вся Франция сотрясалась от хохота, так как оказалось, что политическая и культурная элита современной европейской республики была насквозь пропитана самыми дикими суевериями и вместо выполнения реальных политических задач значительную часть времени тратила на средневековую ерунду — молитвы, ритуальные пляски и т.д. Религиозных обскурантов высмеивали на сцене театров, инсценируя масонские ритуалы. Залы ломались от публики: французы искренно хохотали, когда пародийно изображаемые активистами «Аксион Франсез» профессора Сорбонны, генералы и министры, взявшись за руки, под безобразную музыку прыгали в фартуках и колпаках, скакали на одной ножке и т.д. При этом Германия рассматривалась как современное общество, победившее Францию из-за культурного и интеллектуального превосходства: «В Германии ученые и политические деятели занимались не ерундой, а выполнением своих прямых обязанностей». Однако после 1944 года вернувшаяся к власти «ерунда» отомстила зарвавшимся умникам.

Например, руководящий антиклерикальной кампанией директор Парижской Национальной Библиотеки Бернар Фаи был осужден на пожизненное заключение (выпущен через 9 лет тяжелобольным стариком). При этом в религиозном мракобесии стали обвинять немцев. Между тем сами нацисты презирали оккультизм и использовали его как элемент черной пропаганды для неразвитых слоев населения. Например, по этому поводу есть документы геббельсовского министерства пропаганды, подробно разрабатывающие технологию агитационного использования сочинений Нострадамуса. Нацистским пропагандистам соответствующей инструкцией предписывалось специально распространять кустарно изданные прогерманские выдержки из Нострадамуса для создания впечатления о неофициальном и сакральном характере его предсказаний. При этом из библиотек изымались книги Нострадамуса, чтобы создать вокруг неофициально распространяемых листовок дополнительный ореол «тайного знания», так действующий на полуобразованных обывателей, особенно женщин.

Отдельно следует привести факты предвоенных культурных и религиозных контактов между Советским Союзом и странами западной демократии. Статья должна быть написана анонимно и иллюстрирована большим количеством конкретных фактов, в том числе ранее не публиковавшихся выдержками из документов секретного архива КПСС. Особую осторожность следует проявить в освещении масонства в СССР 20—30-х годов, специально оговорив его «декоративный», «экспортный» характер. Кроме того, информация должна быть сглажена определенной литературностью текста, его стилизацией под «философско-культурологическое эссе».

Пример подачи материала: «Сталиным восхищались Сартр, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер. Если Фейхтвангер в 1937 году воспел сталинский режим, уже уничтоживший к этому времени и так восхищавшую западных левых «ленинскую гвардию», то что это? Интеллектуал, блестящий знаток европейской истории, гуманист, борец против нацистского тоталитаризма, неужели он был НАСТОЛЬКО слеп? Не разумнее ли предположить, что Фейхтвангер был, наоборот, гораздо более ЗОРОК, чем мы, и видел что-то такое, чего нам видеть не дано? Скрыть сталинизм было невозможно, но его можно было ДОПОЛНИТЬ, дополнить чем-то таким, что заставило бы демократа и гуманиста Фейхтвангера примириться с ужасной действительностью. И существовал только один выход: сыграть на подсознании, заслонить кошмар реальности покрывалом символов. В самом деле, если Сталин мог построить образцово-показательный потемкинский лагерь для показа делегации американских союз-

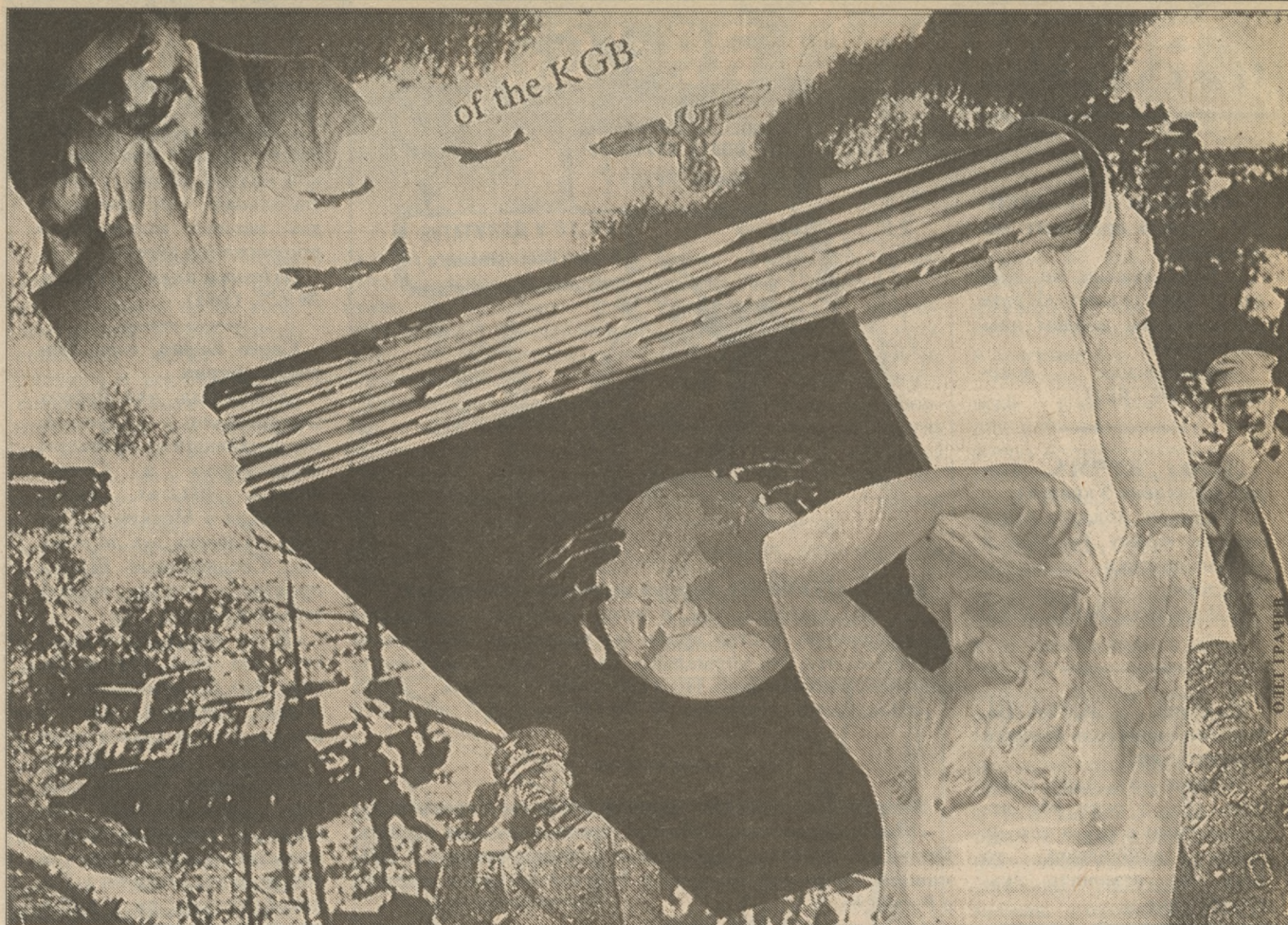
ников, посетившей во время войны Колыму, то тем более ему ничего не стоило показать Фейхтвангеру интенсивнейшую деятельность масонских лож в Москве и Ленинграде. «И дешево и сердито». Существование фиктивного, декоративного масонства «на экспорт в сталинской (а до этого и ленинской) России представляется более чем вероятным. Это наиболее правдоподобно объясняет НЕПОДДЕЛЬНУЮ, ИСКРЕННЮЮ симпатию к СССР со стороны западных леволиберальных кругов, то есть людей достаточно умных и информированных. Закрывать глаза на творимое у нас беззаконие мог только фанатичный единоплеменник или... единоведец».

V

В качестве ответа на это эссе, желательно в следующем номере того же периодического издания, следует опубликовать резко полемическую статью с критикой его «прозападной» и «просоветской» направленности. Автор же занимает изначально неверную позицию, идя на поводу у «кэгэбиста» Суворова. На самом деле с точки зрения русских национальных интересов совершенно все равно, кто на кого напал 22 июня 1941 года. После захвата власти большевиками в 1917 году они уничтожили русское государство юридически, аннулировав все его законы, гражданские, международные договоры, денежную систему и т.д. Ленин действовал как типичный оккупант, последовательно уничтожив сначала образованный класс русского общества, а потом и все дееспособные элементы самого русского народа. Его власть — это власть полукolonий над захваченной ими полуметрополией, рванш Востока за 200-летнюю европеизацию. В этих условиях, учитывая двойственный западно-восточный менталитет русского этноса, реально свергнуть большевиков могло только вторжение с Запада. Белая интервенция — это единственное, чего боялись Ленин и Сталин, и боялись панически, несомненно гигантски завышая потенциал сопротивления русской эмиграции. Вплоть до начала второй мировой войны миллионы русских жили на помощь Запада, готовы были по первому зову идти в первых рядах армии интервентов. Но Запад вторгся в Россию лишь через 20 лет, и к тому же преследуя свои узкокорыстные цели. Русская эмиграция оказалась перед разрушившей ее дилеммой: помогать Гитлеру или помогать Сталину. Для русской эмиграции и Гитлер, и Черчилль были одинаковыми врагами. Борец против Сталина Гитлер — потому что он, так же как Сталин, ненавидел Россию, а Черчилль — потому что он помогал ненавидящему Россию Сталину. Последнее даже хуже: это уже открытый союзник Сталина, выдавший ему на смерть последние организованные остатки русской диаспоры (трагедия русского казачества в 1945 году.) Книга Суворова — это мышиная возня ненавистников России, которые совместными усилиями убрали с арены мировой истории мешавшего конкурента, а сейчас делают все, что угодно, лишь бы Россия не появилась опять: поддерживают нелепых полуграмотных функционеров, поощряют сепаратизм окраин и т.д. Вместо эвакуации советской власти происходит ее модернизация, «перестройка». Однако этот путь обречен на провал — Россию может спасти только восстановление исторической преемственности, но не пародийной (псевдорусская символика РФ), а реальной, когда все перечеркнутое в 17-м будет восстановлено, а СССР выделена политическая и культурная резервация вроде Тайваня. Тогда произойдет не просто разгром советской власти, который сделает новую Россию преемником грехов РФ, а оскорбительная юридическая сегрегация, что положит реальные основания для идеологического очищения. Реевропеизация России начнется с простого разделения составных элементов: Европа отдельно и Азия отдельно. Восток лжив, и там постоянно происходят волшебные превращения. Вчера Садам Хусейн потерпел сокрушительное поражение от белых шайтанов, сегодня он национальный герой, батыр, сокрушивший Запад в великой битве. Вчера Суворов офицер ГРУ, застрельщик в монгольской орде, а сегодня страдалец за русскую землю. Видели мы таких калугиних и стерлиговых. Так не будет — менять роли не дадим, — это не Азия.

Статью следует подписать от имени человека нового, но имеющего определенный политический потенциал,

например, от имени В.С.Волкова. Волков является официальным представителем в России «Общественной комиссии по расследованию преступлений большевистского режима». Комиссия образована сохранившимися организациями белой эмиграции: Русским Обще-Воинским Союзом, казачьими организациями в зарубежье, кадетским Объединением; Центром Кадетской Связи; Российским Имперским Союзом-Орденом; Национальной Организацией Российских разведчиков; Российским монархическим союзом и др. Вместе с тем Волков не имеет политического аппарата и серьезных источников финансирования, что создает возможность последующего контролируемого развития. Например, в связи с идеологической подготовкой открытия в Москве отдела Русского Обще-Воинского Союза.

VI

Третий этап:

Статья Волкова должна знаменовать конец пассивной разработки Суворова и выход на непосредственные контакты с коммунистическими функционерами и их западными предикторами.

Внутри РФ обработка, учитывая низкий уровень культуры, должна вестись в грубой и откровенной форме. Сотрудников советских разведслужб достаточно инспирировать на уровне элементарной лести: версия Суворова выгодна, так как реабилитирует профессионализм Советской Армии и тайной полиции («достойно выполнили задачу», «были способны к аналитической оценке ситуации»). Участие в совместной разработке Суворова следует использовать для расширения базы финансирования через контролируемые КГБ и ГРУ коммерческие структуры, а также для инфильтрации сотрудников в соответствующие средства массовой информации.

На международной арене разработку следует вести в гораздо более «деликатной» форме. Общая тональность — поддержку Суворова необходимо проводить с учетом

изменения ситуации в современной Европе. Идущая там консолидация делает невозможным персонификацию ответственности за развязывание второй мировой войны и снимает идеологическую напряженность. Подлинная ось идеологической напряженности — Россия и Европа в целом. Внутри России именно мы «держим ситуацию в руках» и способны провести интеграцию России в общеевропейский механизм, минуя как дилетантизм современной советской номенклатуры, так и идеологический экстремизм «белой эмиграции».

Для непосредственных контактов следует широко использовать неофициальные каналы, включая коммерсантов и общественные неправительственные организации, вроде «Фонда Горбачева» или «Внешнеполитической ассоциации» (бывший «Фонд Шеварднадзе»). Кроме того, следует использовать связи в академических кругах — прежде всего через имеющиеся контакты ИНИОНа с политологическими центрами Западной Европы и США.

VII

Резюме:

Публикация книги Суворова есть следствие идеологического сбоя. Сама постановка проблемы своевременна и неизбежна, способ ее решения стандартен, однако в силу ряда обстоятельств и персона исполнителя, и характер исполнения избран неправильно. Это дает возможность использовать политический просчет, усиливая его масштаб и одновременно идентифицируя себя с наившимся процессом фиксации новой идеологической ситуации. В результате будет создан дополнительный инструментарий для широкого спектра идеологических акций.

В связи с вышеизложенным прошу рассмотреть предложенный план разработки и в случае его утверждения организовать рабочую комиссию по подготовке и проведению благоприятной инспирации В.Суворова. Время работы комиссии 1 год. Штат сотрудников 5—6 человек. Бюджет — 100 000 долларов США.

Цитатник

Александр ЛУКАШЕНКО, первый президент Белоруссии:

«...Если Россия не пойдет с нами, скажет: «Идите вы!», — мы найдем альтернативу».

(«Московские новости», № 28, 1994)

Леонид КУЧМА, второй президент Украины:

«Украина должна стать мостом между Россией и технологически развитым Западом».

(«Известия», №131, 1994)

Валерий ЗОРЬКИН, бывший хранитель бывшей конституции:

«Сказав «а», надо говорить «б», а если «б» несовместимо с «а» и тем не менее необходимо, то хотя бы отменить сказанное ранее».

(«Независимая газета», № 127, 1994)

Григорий ЯВЛИНСКИЙ, экономическая звезда:

«Я очень близко и тесно работал с Горбачевым и Ельциным, они, как правило, сначала всегда пользовались, а потом отступали».

(«Общая газета», № 24, 1994)

Аркадий ВОЛЬСКИЙ, президент Российского союза промышленников и предпринимателей:

«В литейке ЗИЛа под моим началом работали 400 мужиков. Половина из них — «битые» (те, что были на исправительно-трудовых работах)... Они увидели, что я свой... Сработались, в общем, даже заговорили «общим языком». Пришлось освоить их терминологию».

(«Аргументы и факты», № 28, 1994)

Виктор ИЛЮШИН, первый помощник президента:

«С того времени, как я начал работать с Борисом Николаевичем, я стал вроде бы человеком невидимым и считаю, что это нормально. Тень — это, может быть, слишком высокопарно. Но я уже свыкся с этим».

(«Московские новости», № 28, 1994)

Виталий РАДЕЦКИЙ, министр обороны Украины:

«Мы люди военные. Не нам решать — с кем воевать. Прикажут воевать с Германией — будем воевать с Германией. Прикажут воевать с Россией — будем воевать с Россией».

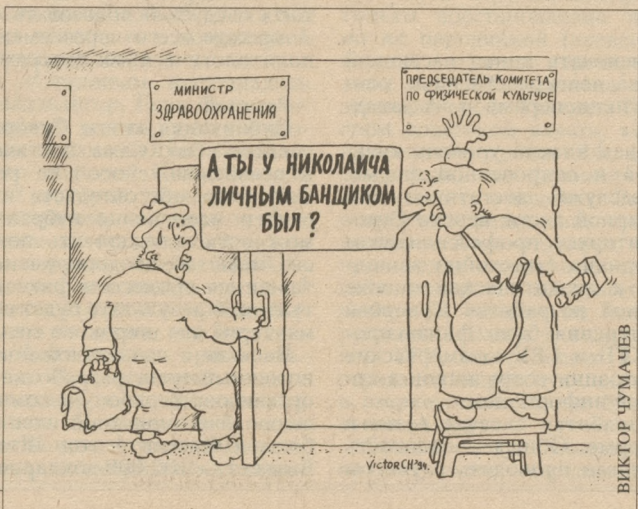
(«Сегодня», № 131, 1994)

«Россия хочет получить деньги. Говоря конкретно, ваши деньги».

Стремясь ускорить приватизацию своей промышленности, Россия расстилает красный ковер, приглашая инвесторов, крупных и мелких, покупать акции российских компаний за наличные...

Там, безусловно, существуют колоссальные потенциальные возможности. Но существует также колоссальная возможность потерять все свои деньги».

(«Уолл-стрит джорнэл», июль (ИТАР—ТАСС))

Алексей КИВА, политолог:

«...Жириновский — это всего лишь инструмент или орудие истории, некая фатальная предпосылка для нашего дальнейшего продвижения вперед».

(«Независимая газета», № 127, 1994)

Серго Берия, сын Лаврентия Берия

...утверждал, что Роберт Оппенгеймер, ученый, руководивший проектом «Манхэттен» в Соединенных Штатах, тайно приезжал в Москву в 1939 году, за шесть лет до того, как Соединенные Штаты произвели взрыв первой атомной бомбы.

«В то время я не знал, что это был Оппенгеймер. Это был молодой человек, который жил в нашем доме и спал в моей комнате», — рассказал Серго Берия. По его словам, Оппенгеймера никогда не завербовывали в качестве шпиона, но «в тот момент, когда ни у Великобритании, ни у США не было программы создания ядерного оружия, он приезжал в Москву, потому что боялся, что Гитлер первым сумеет использовать ядерную физику в военных целях».

(«Индепендент», июль (ИТАР—ТАСС))

«...в России освобождены более 30 000 человек из ЛТП — тюрем для алкоголиков, которые являлись неотъемлемым звеном в железной цепи советского правопорядка с 60-х годов».

Многие освобожденные говорят, что их первое ощущение свободы будет отмечено водкой.

Через день после массового освобождения камеры были пусты, однако толпы женщин собрались у входа, упрашивая тюремные власти забрать их мужей назад».

(«Нью-Йорк таймс», июль (ИТАР—ТАСС))

Подмосковная Олимпиада ждет!

«Герои спорта. Нам победа, как воздух, нужна...» Помните слова этой, популярной в свое время, советской песни? Чемпионами и рекордсменами гордилась самая большая страна мира под названием СССР. И не только гордилась, но и делала все возможное, чтобы герои-спортсмены могли жить и тренироваться в хороших условиях, по крайней мере, в лучших, чем у большинства под общим названием «советский народ».

И к Олимпийским играм 1980 года в Москве и некоторых других городах выросли новые спортивные объекты: стадионы и дворцы спорта, гребной канал и велотреки, гостиницы и тренировочные центры... Все это возводилось с размахом, средства были выделены весьма значительные. В то время среди лесов в тридцати километрах от Москвы был построен Олимпийский центр.

Между Ленинградским и Дмитровским шоссе, неподалеку от международного аэропорта Шереметьево, на берегу красивого озера Круглое, одного из крупнейших в Подмосковье, за глухим забором работы велись день и ночь. Объект был засекречен: нельзя было допустить, чтобы «западные спецслужбы» узнали про «кухню», где «готовятся» спортивные звезды. Здесь возводились гостиничные корпуса, бассейн длиной 50 метров, рассчитанный на 8 плавательных дорожек. При бассейне — зимний сад, сауны, тренажерные залы с самыми разнообразными снарядами, способными развить любую группу мышц. Неподалеку — два теннисных корта, расположенных под крышей, залы, где можно

быстро развернуть профессиональное оборудование, необходимое для проведения волейбольных и баскетбольных соревнований...

Необходимо добавить, что вода в бассейн подается из специальной скважины, экологически чистая. И заливают ее брезентовыми рукавами, мнущая металлические трубы. Да еще фильтры стоят мощные. Словом — только плавай!

— Наш Олимпийский

центр, — говорит его директор Лев Подгорный, — функционирует круглогодично. Имея свое автономное хозяйство, мы не зависим от капризов погоды — в номерах и на спортивных площадках всегда теплый, сухой и здоровый воздух. Показатель хорошего климата — цветы. А они у нас везде.

Отличная столовая, где порции рассчитаны на аппетит спортсменов. Питание не только калорийное, но и разнообразное,

о чем заботятся повара высокой квалификации. К тому же к услугам желающих рестораны и вечерний бар.

Сегодня, когда вместо всей советской олимпийской сборной у нас живут и тренируются, в основном, российские спортсмены, появилась возможность принимать и отдыхающих. Мы готовы заключить договора долгосрочной аренды с московскими предприятиями и организациями и предоставить им в круглогодичное пользование номера в нашей комфортабельной гостинице. По желанию заказчика может быть произведен ремонт, в том числе и капитальный, с изменением конфигурации номера за счет соседних, завезена новая мебель, проведен московский телефон. Такие фешенебельные апартаменты могут стать загородными резиденциями фирм, банков, компаний. Удобное транспортное сообщение дает возможность прямой и быстрой связи со столицей (от места до центра города — 40 минут на машине).

Для наших клиентов-арендаторов мы готовы предоставлять отдельные сауны с малыми бассейнами. К их услугам теннисные корты, олимпийский бассейн, тренажеры — словом, все, чем располагает Центр. Для желающих поправить свое здоровье — медиковосстановительный центр с гидромассажем и физиотерапией, стоматологией, функциональной диагностикой и многим другим.

Любители спорта могут наблюдать за тренировками олимпийских сборных команд России.

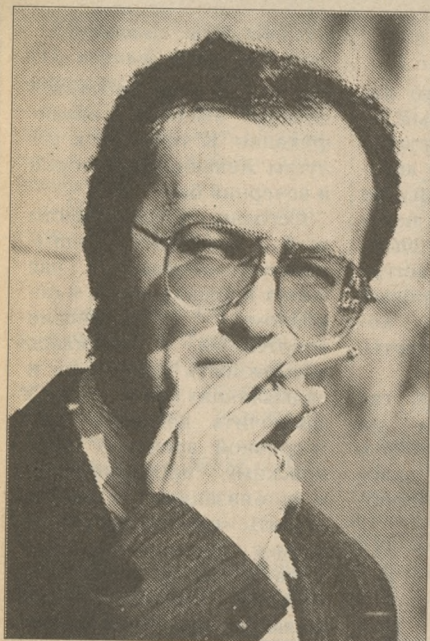
Звоните по телефонам:
578-71-62 с 8 до 17 часов
578-60-65 с 8 до 17 часов

Факс: 578-71-71 круглосуточно

Александр ТРУТНЕВ

«Пациент скорее жив, чем мертв»

Экономические указы президента комментирует руководитель Рабочего центра экономических реформ Сергей ПAVЛЕНКО

Главное — не делать резких движений

Пакет указов, подписанный президентом, достаточно сбалансирован и представляет собой целостную систему мер, направленных на стабилизацию экономики. Разработчики этих документов исходили из того, что в экономических реформах возникла неприятная пауза, — все стабилизационные успехи за последнее время достигнуты были в основном благодаря тому, что правительство не вмешивалось в нормальное течение экономических процессов, — а это, естественно, со стороны создает видимость бездействия.

Радикальные реформаторы Гайдар и Федоров, переломив свой собственный хребет, зажали инфляцию. После них правительство просто поддерживало этот процесс, не совершая резких движений. Можно было бы и дальше так держаться, но наша страна специфична тем, что мы все время должны быть уверены: правительство предпринимает ка-

кие-то конкретные действия. Если оно этих действий не предпринимает, люди начинают задавать вопрос: а зачем мы кормим эту огромную армию чиновников? Мы вполне можем избавиться от власти, если она ничего не делает, а все идет само по себе.

Поэтому ситуация «нового застоя» крайне неприятна для всех. Журналисты хотят чего-то новенького — этого не происходит, люди ждут каких-то активных действий — они их не видят. А активные действия заключаются в том, что правительство само себя сдерживает: только руку протянет с кредитами, а другой рукой уже себя одергивает.

Экономика оздоравливается естественным образом. Так, у человека, который сильно простудился, есть два выхода: либо принять сильнодействующий антибиотик — тогда он на время заглушит болезнь, но иммунитет при этом упадет, либо пройти стадию высокой температуры и выздороветь. Сейчас можно сказать, что одну стадию высокой температуры мы уже прошли без лекарств. Первый этап кризиса миновал. Остались проблемы структурной перестройки, неплатежей, долгов. Подавление инфляции рождает новые проблемы, начиная с того, что «посыпятся» мелкие банки и покачнутся крупные, и кончая тем, что будет меняться поведение населения. В условиях высокой инфляции человек не задумывался о перспективах — у него их не было. Сейчас он понимает, что инфляция остановилась, индексаций больше не будет, рынок труда насыщается — и встает вопрос: как дальше жить? Появляется другой временной горизонт. Это серьезные изменения, они еще не наступили, но мы к ним уже подходим.

В этой ситуации у правительства было два пути: один — реформистский, другой — антиреформистский. Реформы могут быть двух видов: либо мы даем деньги на какие-то виды деятельности, скажем, на развитие фермерства, либо мы разрешаем колхозникам выходить из колхозов на хороших условиях — с техникой, с землей. Правительство вынуждено выбрать рентабельный, разрешающий путь. Эти указы не связаны с выделением денег, а значит, они не инфляционны.

Если взять, скажем, указ о свободе торговли гайдаровских времен, то там, грубо говоря, всем разрешалось продавать все, в любом месте, в лю-

бом виде и за любую цену. Сегодня же определяются правила, которые, условно, позволяют каждому продавать все — не вредное для здоровья, в любом месте — но не в метро, за любую цену — но чтобы торговая надбавка была не особенно высока. Это естественный ход вещей, и скорее люди сегодня хотят неких правил, упорядочивающих их экономическое поведение, чем безбрежной экономической свободы.

«Малина» кончилась

Указы «бьют» по целой цепочке целей. Один блок направлен на либерализацию внешней торговли, другой — на подход к организации банкротств. Он подводит руководителей государственных предприятий к выбору: либо ты полностью частный, либо ты ренационализируешься по факту. Таким образом ликвидируется ситуация, когда предприятие, государственное по форме, но частное по существу, требует у государства всех видов помощи на том основании, что оно все-таки государственное, но деньги «крутит» вполне как частное. И третий блок — указы, направленные на образование накоплений населения, на ускорение этого процесса, — это документы по жилищной политике, по ипотеке.

Принятие этого «пакета» имеет все же больше политический, чем экономический смысл. Это некий политико-пропагандистский шаг: видите, президент тут указы написал в развитие экономических реформ, президент думает, что реформы надо продолжать, а поскольку он первое лицо в государстве, всем прочим тоже нужно как-то выстраиваться в этом фарватере.

За июнь инфляция у нас опустилась до 4,8 процента — самой низкой цифры за последние несколько лет. Правительству удалось сдержать подкачку денежной массы и осуществлять расходы только по мере поступления доходов. Коммерческие структуры, аккумулировавшие большие финансовые ресурсы, которые они раньше крутили на межбанковских рынках, сейчас начинают судорожно искать какое-нибудь реальное производство, чтобы успеть вложить деньги и тем самым спасти их от исчезновения. Потому что спекулятивно-финансовая «малина» кончилась.

Начался реальный процесс структурной перестройки. Предприятия, которые раньше получали деньги и ничего не делали, будут вынуждены закрываться. Пора принимать конкретное решение: или высокая безработица в открытом виде, или высокая инфляция со скрытой безработицей. Естественно, здесь будет выбран промежуточный путь — наверняка подкачают деньги, помогут нашей отечественной промышленности не загнуться. Но это даст новый скачок инфляции.

По мнению замминистра экономики г-на Васильева, инфляция поднимется до 10—11 процентов, а по мнению независимого экономиста г-на Илларионова, — до 11—13. Скорее всего, первая оценка ближе к реальности. Но сейчас главный вопрос — будет ли правительство разгонять инфляцию потихоньку или резко ее поднимет. С моей точки зрения, ошибка была допущена, когда инфляцию догнали до самого низа — теперь неизбежный ее рост нужно будет тщательно регулировать. Сейчас все уже осознали — инфляция существует, но она маленькая, ее почти что и нет. Если она будет расти потихоньку, по одному проценту в месяц, это будет безболезненно, но если она за месяц сразу скакнет с 5 до 11 процентов, это может быть воспринято как сигнал к тому, что вновь возвращаются «счастливые» времена с 20-процентной инфляцией, и нормальное экономическое поведение людей опять будет переломлено. Этого, конечно, допускать нельзя.

Если инфляция будет удержана в

тех рамках, которые обозначил в своем послании президент — 5—7 процентов, хотя бы с отклонением до 8—9, — наше население и производители постепенно привыкнут жить в таких условиях и будут работать, как при нормальной экономике. Хотя, конечно, для нормальной экономики эта цифра достаточно высока, но, имея опыт 20-процентной инфляции, 7 процентов для нас сейчас — благо. И тогда на следующий год инфляция может быть подавлена до фактически незаметного уровня в 3—4 процента.

Ждите спада к осени

Не нужно сегодня ждать как манны небесной внешних инвестиций. Мы можем развиваться только за счет внутренних ресурсов — необходимо принять это за постулат. Внешние инвестиции могут быть, а могут и не быть, но они не решают ничего. Сиюминутная политическая стабильность для серьезного инвестора совершенно ни о чем не говорит. Инвесторы пока ждут.

Другое дело, что сейчас к нам могут пойти в качестве инвестиций не западные деньги, а наши родные, русские, вывезенные за рубеж. Но это будет непростой процесс, люди могут сказать: возвращаются бандитские деньги или деньги партии. Почему бывшие коммунисты за мои же бывшие партвзносы покупают мой завод?

Не все готовы это принять. Зато эти деньги не вызовут у нас инфляции. Но и они могут пойти к нам при

условии, что иностранным инвесторам предоставят некоторые послабления, льготы при хотя бы минимальной политической стабильности.

Что касается прогнозов, то, очевидно, осенью снова следует ожидать обострения экономической и социальной ситуации, связанной с сезонным спадом производства. Сезонные спады и подъемы — естественный процесс, но мы привыкли при очередном спаде кричать о том, что пора вводить чрезвычайное экономическое положение, а при подъеме забывать об этом до следующего спада.

Осенью люди выходят из отпусков, и опять остро встает проблема: что делать с предприятиями, которые не обеспечены заказами и уперлись в платежеспособный спрос. Процедура банкротства, санации, по идее, должна начинаться уже осенью.

Рождается новая экономика, новое общество. Постепенно становится видно — начался нормальный процесс выхода из жесточайшего социально-экономического кризиса. Это не означает, что выход за углом. Экономический рост — не перспектива этого или даже будущего года. Но страна не умерла, не потонула в гражданской войне, анархистских мятежах, регионализации и распаде. Предсмертная, как мы считали, агония прошла, дыхание еще не совсем восстановилось, но пациент скорее жив, чем мертв.

Записала Светлана КАРТАШОВА

Здоровая конкуренция лучше моратория

По единодушному мнению западных финансистов, основная проблема российского кредитного рынка состоит отнюдь не в том, чтобы среди 2000 банков выбрать самого надежного по мировым стандартам делового партнера. Бич банковского дела в России — шоковая терапия, производимая директивами сверху.

Комментируя июньский Указ президента «О совершенствовании работы банковской системы РФ», по сути, давший, наконец, долгожданную свободу действий восьми именитым банкам мира на российском рынке, глава московского представительства крупнейшего швейцарского коммерческого банка «Credit Swiss», с 70 филиалами на пяти континентах, г-н Мартин Эмх назвал прошедший период замораживания счетов 1993—1994 гг. тяжелым испытанием. Как констатировал банкир, такое ограничение, практически свернувшее функции иностранных банков в России до 1996 г., стало не только шоком, но и слишком крутой и бесполезной мерой. Принципиально так и не решив вопроса о проникновении западного капитала на российский рынок — по степени риска для инвесторов пока не более привлекательный, чем рынок Нигерии или Ирака, — эта акция лишила банки взаимопользных международных контактов и отрезала пути самой России с ее грандиозными планами в завтрашний день.

«Хотя, открывая в 1991-м представительство в Москве, мы заранее разработали тактику действия на все случаи жизни, трудно было предвидеть, что все три попытки инобанков весной, летом и осенью 1993-го предотвратить ноябрьский Указ

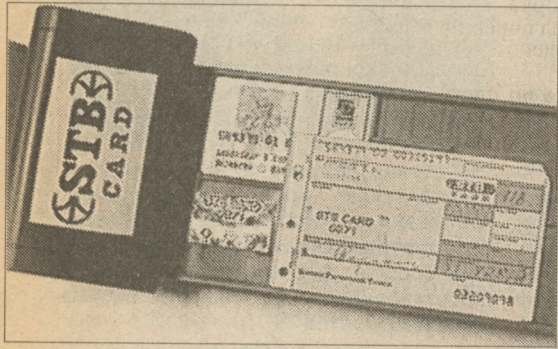
президента о замораживании лицензий с 1993 до 1996 года окажутся тщетными. Наши апелляции в парламент всякий раз клали под сукно», — признался банкир. Самым же неадекватным и шокирующим для финансистов оказался закулисный способ подготовки этого Указа. По словам г-на Эмха, «...вместо открытого обсуждения всех аспектов будущего закона были наскооро состряпаны 20 законодательных строк, немедленно вступивших в силу».

В ожидании либерализации банковского законодательства большинство дальновидных, адаптировавшихся к российскому климату банкиров, по словам главы «Credit Swiss», справедливо расценивали замораживание как временную остро политическую меру регулирования на денежном рынке, принятую в ходе предвыборной кампании 1993 г. Она была рассчитана на поддержку российских банкиров, обеспокоенных конкуренцией многоопытных иностранных банков. Но в любом случае «...мы предпочитали и предпочитаем не выходить из игры на российской сцене и ищем разумный компромисс. Кроме того, — заметил банкир, — с уходом с российского рынка «Credit Swiss» под угрозой окажется и судьба Русского банка, много лет успешно работающего в Швейцарии».

Оценивая нынешнюю либерализацию законодательства, г-н Эмх назвал ее первым симптомом открытия перспектив для новых российских филиалов инобанков и мощным импульсом для развития здоровой конкуренции между ними. «Мы готовы кредитовать российские предприятия, если, конечно, получим гарантии», — уточнил он.

Алла ДУБИНСКАЯ

ВАДИМ КАНТОР

Карт-бланш

Пособие для тех,
кто решил обзавестись
кредитной карточкой

«Храните деньги в сберегательных кассах». Среднее поколение советских граждан наверняка помнит этот девиз прошлых десятилетий. Особых выгод счета в сберкассах их владельцам не давали, зато сохраняли всю денежную массу в руках государства.

Но, как гласит народная мудрость, в мире все течет, все изменяется. Прежние привычки и нравы забываются, а им на смену приходят новые. Вот и кредитные карточки, они же — «пластиковые деньги», с опозданием на несколько десятилетий добрались до России. Правда, у нас ими пока пользуется относительно узкий круг людей, в основном бизнесмены. Но если учесть безудержный рост преступности на улицах и темпы инфляции, то можно предположить, что в скором времени и рядовые россияне предпочтут безналичную форму расчетов. Во-первых, это избавит их от необходимости носить с собой наличные деньги, а соответ-

ственно, и от риска быть ограбленным на улице, а во-вторых, даже если кредитная карточка потеряется или будет украдена, то ее владелец может простым телефонным звонком заблокировать свой счет, лишив тем самым случайного владельца карточки возможности воспользоваться ею.

Сегодня в России кредитными карточками пользуются чуть более 3 миллионов человек и 20 тысяч организаций. Тем, кто решил пополнить эти передовые ряды владельцев «пластиковых денег», мы предлагаем своеобразный вспомогательный справочник российского «карточного» рынка.

Итак, сейчас предлагают клиентам кредитные карточки 18 отечественных банков. 9 из них выпускают собственные «пластиковые деньги», а 10 — карточки систем СТВ и ЮНИОН. 12 банков предлагают клиентам международные карточки ВИЗА и Еврокард/Мастеркард.

Для того чтобы открыть

...И ВОССИЯЕТ БЛАГОДАТЬ...

...И позвал его Иисус, и стал Андрей первым его учеником. Следовал Андрей Первозванный за Господом вместе с братом своим Симоном до самой Его крестной смерти. А после чудных событий дня Пятидесятницы он проповедовал в Скифии и доходил даже до Киева, где на горах воздвиг крест с пророческим предсказанием: «Видите ли горы эти? Поверьте мне, на них воссияет благодать Божия!»

На кресте, подобно Учителю своему, кончил жизнь святой апостол Андрей Первозванный. С той поры последний день месяца ноября как у восточных, так и у западных христиан считается днем его мученической смерти...

В последние дни ноября собрался в деревне Казанцево сход. Владыка Георгий, епископ Челябинский и Златоустовский, благословил новый приход. Председателем приходского совета избрали потомственного крестьянина, плоть от плоти земли русской, Аркадия Степановича Усова. И решили люди строить храм.

Есть на берегу речки, возле деревенского кладбища, красная горка — возвышенность, словно специально Богом созданная для светлого собора. И словно воззвал к людским сердцам святой Андрей Первозванный:

«Стройте по слову и во славу Божию!»

Отрадно, что все чаще над нашей поруганной землей поднимают золотые головы новые церкви и часовни. Что стосковались люди по святому, по благолепию. Каждый из нас несет частицу Вселенского греха, в котором погрязла Отчизна наша. Каждый повинен в том, что дымят вонючие трубы и текут ядовитые реки, что делают свои черные дела насильники и убийцы. Имя этому — потеря духовности.

Если едешь по Свердловскому тракту, видишь лишь запустение, грязь да плакаты типа «Пьяный за рулем — преступник». Но, думается, совсем иное воздействие на проезжающих возымел бы вид стоящего на возвышении храма Божия.

Деревня невелика, но примыкает к ней и Новое Поле, и Рошино, и село Долгодеревенское, да и Металлургический район Челябинск вплотную подошел. А поблизости нет ничего, где бы душой отдохнуть можно было.

— За каждую копейку, пожертвованную на храм, мы отчитаемся перед людьми, — говорит председатель приходского совета Аркадий Степанович Усов. Как повелось, возведение храма — дело всенародное. Уже сейчас в казне прихода деревни Казанцево появились первые деньги: люди несут свои нехитрые пожертвования, предприятия и коммерческие фирмы делают благотворительные взносы. Наибольшую лепту в грядущее строительство храма Андрея Первозванного внесли фермерское хозяйство «Россия» и Челябинский коммерческий банк «Дорожник».

Возведение храма — не столько акт строительства здания, сколько воззвание к единению. Только тогда, когда весь народ, все общество сплотится вокруг святого дела, только тогда над Русью воссияет благодать Божия. И сбудется пророчество апостола Андрея Первозванного.

Пожертвования на храм: расчетный счет 701803 в Металлургическом филиале Челябинска, МФО 278735, корр. счет 700161013 в РКЦ ЦК РФ г. Челябинск, МФО 278003, получатель — православный приход храма св. Андрея Первозванного.

спецкардсчет (СКС) в банке и получить кредитную карточку, необходимо внести первый взнос. Его величина в каждом банке разная, диапазон колеблется от 10 до 500 долларов для валютной карточки и от 500 до 500 тысяч рублей — для рублевой. 6 банков не ограничивают клиентов определенной суммой первоначального взноса.

Практически все банки начисляют проценты на остатки суммы, лежащей на вашем СКС. Для рублевого счета они обычно бывают в пределах 40—100 процентов. Элбим-банк, Российский кредит, Орткард ИНТ и Кристалл-банк процентов на остатки не начисляют. По валютным карточкам размеры начислений составляют от 1,75 до 9,5 процентов. Максимальный процент дают АО Олби и банк Национальный кредит. Банк Гермес-центр выплачивает проценты натуральным продуктом — бензином.

При снятии со счета долларов США банки берут определенный комиссионный процент, кроме разве что Московского банка Сбербанка России. В Кредо-банке, Ордкард ИНТ, АО Олби, Мытищинском банке взимают 4—5 процентов, а Инкомбанк, Оптимум, Менатеп, Тверь-универсалбанк, Российский кредит, Технобанк, МДМ, МОСТ-банк, Мосбизнес-банк — от 1 до 1,5 процентов.

При снятии со счета наличных рублей наибольшую комиссию берет Кристалл-банк — 3 процента снимаемой суммы. Не взимают комиссионных за выдачу наличных рублей Автобанк, МОСТ-банк, Элбим-банк, Московский сбербанк.

При безналичных расчетах и оплате покупок большинство банков берут комиссию в размере от 0,1 процента (Элекс-банк) до 2 процентов (Гермес-Центр). Без комиссионных процентов работают Автобанк, Тверь-универсалбанк, МОСТ-банк, МДМ.

Вся вышеупомянутая информация касается кредитных карточек внутрироссийского пользования. Помимо них в стране имеют хождение международные пластиковые карточки ВИЗА и Еврокард/Мастеркард.

Карточку ВИЗА предлагают клиентам 11 банков. Еврокард/Мастеркард — два. Единственным банком, использующим все виды международных карточек ВИЗА

и Еврокард/Мастеркард, является МОСТ-банк.

Для открытия СКС определенного срока большинство банков начисляют от 1 до 10 процентов на остаток суммы на счете. Не начисляют процентов банки Оптимум, Российский кредит и Элбим-банк. Банк Менатеп начисляет проценты на второй год пользования карточкой.

При безналичных перечислениях и оплате покупок комиссия банков либо отсутствует (в МОСТ-банке, банке Оптимум, Тверь-универсалбанке и Элбим-банке), либо колеблется и Элбим-банке до 0,6 процентов (в Кредо-банке, Автобанке, МДМ и Технобанке).

По оценкам экспертов, наиболее популярными среди россиян являются карточки СТБ, Юнион-кард и МОСТ-кард.

СТБ, выпускаемая банком Столичный, имеет низкий первоначальный рублевый взнос (500 рублей) и широкую сеть магазинов в Москве, где обслуживается эта карточка.

Юнион-кард, выпускаемая Автобанком, имеет самый низкий первоначальный взнос для валютных карточек — 2 доллара.

Спецсчет держателя карточки МОСТ-кард ведется в долларах США, а автоматическая конвертация рублей в инвалюту происходит по высокому курсу и без взимания процентов. Сейчас МОСТ-банк совместно с ведущим французским банком Кредит-Мютюэль приступает к выпуску внутренних карточек в международном варианте. Это позволит владельцам новой карточки МОСТ-банка оплачивать покупки и услуги как в России, так и за рубежом — всюду, где принимаются карты ВИЗА или Еврокард/Мастеркард. Когда это произойдет, предсказывают эксперты, количество желающих стать клиентами МОСТ-банка резко возрастет.

Последние месяцы показали, что российские банки весьма активно ведут борьбу за клиента, предлагая ему все более выгодные условия. Так что зарубежным банкам придется сильно попотеть, чтобы внедриться в России и доказать, что они лучше наших, если, конечно, они действительно лучше.

Александр СКОБЕЛЕВ

Верное средство разбогатеть

О.Л.Д'Ор

Месяца два тому назад мои финансовые дела были в следующем положении.

За квартиру было заплачено за месяц вперед. Прислуга получила причитающееся ей жалование. Домашние расходы были также обеспечены солидной суммой на месяц вперед.

И, кроме всего перечисленного, в бумажнике у меня лежало 1500 рублей новыми сторублевыми бумажками.

— Что мы будем делать с этими деньгами? — спросил я жену не без гордости.

Жена задумалась.

— Хорошо бы домик купить! — мечтательно произнесла она. — Я так люблю иметь собственный дом.

— Да, недурно бы, — согласился я. — Но для дома, пожалуй, денег не хватит. Знаешь, сколько стоит в Петербурге земля?

— Сколько?

— В пассаже около трех тысяч сажень...

— Вот как? Пожалуй, не хватит денег. Разве...

Жена глубокомысленно наморщила лоб.

— Разве купить в пассаже полтора аршина земли. Выкопать яму и не огородить ее.

— Что же из этого выйдет?

— Выйдет следующее. Покупатели, боясь упасть в яму, перестанут ходить в пассаж, и магазиновладельцы из кожи вылезут, чтобы откупить у нас наш клочок земли. Слупим с них тысячу десять...

Идея жены мне понравилась, но внутреннее чувство мне подсказывало, что не так обернется дело, и я отверг мысль о яме.

— А знаешь что?

Блестящая мысль сверкнула внезапно в моей голове.

— Начнем играть на бирже. На

днях один офицер, имевший в кармане 500 рублей, выиграл полмиллиона. У нас полторы тысячи, значит, выиграем полтора миллиона. Недурно иметь полтора миллиона. А?

— Ты этого офицера видел? — спросила жена.

Я засмеялся.

— Н-нет, не видел...

— А кто-нибудь из твоих знакомых видел этого офицера?

— Н-никто.

— Вот видишь...

Все-таки, обдумав всесторонне вопрос о бирже, мы решили попытаться счастья.

II

На следующий день я зашел в самую популярную в городе банковскую контору и обратился к банкиру со следующими словами:

— Покажите мне бумаги.

— Вам какие бумаги нужны? — спокойно спросил меня банкир.

— Мне нужна такая бумага, которая сегодня продавалась бы по очень низкой цене, а завтра — по очень высокой.

— У нас все бумаги таковы! — с гордостью ответил банкир. — Других бумаг мы не держим. Какую прикажете завернуть?

И прежде чем я открыл рот, банкир нагнулся к моему уху и прошептал:

— Купите Плутиловские... Завтра на три тысячи рублей поднимутся. Это я вам по секрету сообщая.

— Откуда вы знаете, что поднимутся?

Банкир еще ближе придвинул губы к моему уху.

— Под строжайшим секретом сообщая вам: англичане раскупают все акции... Только вам я это сообщая... Купите Плутиловские. Бумага прочная. Вот попробуйте порвать...

Я попробовал рвать, и, действительно, оказалось, что это не так легко.

— Отрежьте мне пятьдесят! — при-

казал я.

Когда сделка была свершена, банкир сказал:

— Теперь вы лицо заинтересованное и ваш долг...

— Уже долг?.. Лишь только успел купить, а уже говорите о долге...

— Вы меня не поняли! — недовольным тоном ответил банкир. — Я говорю о нравственном долге.

— Это другое дело. Нравственных долгов сколько угодно. Говорите, какой у меня теперь нравственный долг?

— Баш долг убеждать всех ваших знакомых, чтобы они покупали Плутитовские...

— Зачем же?

— Какой вы непонятливый! — рассердился банкир. — Чем больше людей будут покупать, тем больше бумага поднимется в цене.

— Хорошо! — уныло произнес я. — Буду убеждать знакомых.

— Всем говорите, что бумагу англичане хотят раскупить всю.

— А это зачем?

Банкир вскипел и закричал:

— Какой вы глупый! Слух об англичанах хорошо действует на покупателя. Вот же вы купили, когда я вам сказал, что англичане покупают Плутитовские. Чем другие идиоты лучше вас?!

— Хорошо, буду говорить, что англичане...

— Слава Богу, понял. Теперь ступайте!

III

Нельзя сказать, чтобы я вышел из банкирской конторы в хорошем настроении.

— Здрав-ж-лаю, ваше-скородие! — услышал я вдруг за своей спиной.

Обернувшись, я увидел козырявшего мне городского.

Славный унтер отлично знал меня, так как в каждый праздник приходил поздравлять и получал на чай.

Встречал он меня постоянно радостно и козырял, желая здравствовать, хотя знал, что я военным никогда не был.

— Что, брат, зря стоишь тут! — сказал я с укоризной городскому. — Пошел бы на биржу играть...

Городовой почтительно улыбнулся.

— Никак невозможно мне иттить, — ответил он, прямо глядя мне в глаза. — На посту стою.

— На посту! От стояния на посту только поститься и будешь. Купил бы ты, брат, Плутитовских. Англичане не сегодня-завтра все раскупят.

— Англичане? Что ж, пусть раскупают. Видно, от Бога им это написано. А я ведь не англичанин...

Ни одного из знакомых не удалось

мне убедить покупать Плутитовские.

К вечеру они сильно понизились. Я потерял 500 рублей.

— Эх, разиня! — выругал меня на следующий день банкир. — Вам не на бирже, а в бабки играть. Продайте Плутитовские и купите Шарлатанских штук пятьдесят.

— Почему Шарлатанских?

— Почему? Почему? Эх, вы! Потому что Шарлатанские англичане скупают...

— Вы... вы... вы это наверное знаете?

— Не рассуждать! — закричал банкир. — Говорят вам, покупайте, так, черт возьми, покупайте!

Я повиновался.

IV

Не прошло и часа после сделки с Шарлатанскими, как на бирже началась паника.

Шарлатанские, как водопад, бешено летели вниз, увлекая в падении своем миллионы.

Я чувствовал, что если еще час будет продолжаться падение, — я потеряю все и, как выпущенная из лука стрела, я помчался в банкирскую контору. На пороге я крикнул:

— Продать! Скорее продать!

Банкир меня встретил ехидной улыбкой.

— А, явились, — сказал он, обливая меня презрительным взглядом. — Пришли считать барыши! Ну и везет же вам, батенька...

— Мне никогда не везло в игре! — виновато сознался я.

— Зачем же вы, черт возьми, полезли на биржу? — вскипел банкир.

— До какой бумаги не дотронитесь, она начинает катиться вниз, как с горы камень. Сколько у вас еще осталось на онкольном счету*.

— Кажется, 200 рублей.

— Так возьмите свои деньги и ступайте с Богом. Из-за вас разоряются тысячи людей.

Тут мое терпение лопнуло.

— Извините, — сказал я сердито. — Вы не имеете права так поступать. Если вы банкир, так не извольте лезть — покупайте мне бумаги.

Банкир увидел, что со мной шутки становятся плохи, и смягчил тон.

— Купите ренту, — посоветовал он.

— Если рента начнет понижаться, то вас нужно убить или подкупить, чтобы вы не играли.

Последние слова я наматал себе на ус.

V

Через два дня рента упала до стоимости бумаги...

* Онкольный счет — вид краткосрочного коммерческого кредита, который должен погашаться заемщиком по первому требованию кредитора.

Панику на бирже трудно было описать. Биржевики с плачем останавливали извозчиков, кондукторов конки, сутенеров и канючили:

— Добрый господин! У меня жена, дети, купите у меня ренту...

Когда я пришел в свой банкирский дом, меня встретили радостные клики:

— Слава Богу! Ваш онколь кончился!

— Не будете больше играть, и оживет биржа!

— Страна будет спасена от краха!

— Но у меня уже был обдуман план...

Вывув бумажник, я молча положил его на стол и спокойно заявил:

— Здесь у меня еще тысяча рублей. Хочу продолжать...

Говоря это, я думал: «Что, если попросят показать деньги? Ведь у меня тут ни гроша...»

Но тут произошло нечто невообразимое.

Банкир побледнел как полотно и едва слышно пролетел:

— Вы хотите резать биржу!..

Испуганная толпа онколистов окружила меня, стала на колени и, простерши руки, завопила:

— Пощадите! Не разорайте нас!

Я настойчиво повторил:

— Хочу играть!

Банкир и онколисты переглянулись и стали шептаться.

— Сколько? — гневно спросил меня спустя несколько минут банкир.

— Сто тысяч! — ответил я спокойно.

— И вы бросите игру на бирже?

— Даю слово!

— Отлично!

В тот же день сто тысяч были внесены на мое имя в банк.

Теперь уже больше месяца не играю. Только в редких случаях, когда мне становится скучно и я хочу развеселить себя, я беру тысячу рублей, отправляюсь на биржу и заявляю:

— Хочу играть!

Банкир вскидывает на меня безумно-гневный взгляд и берется за бумажник.

— Сколько? — спрашивает он, сжигая глазами меня.

Я называю сумму.

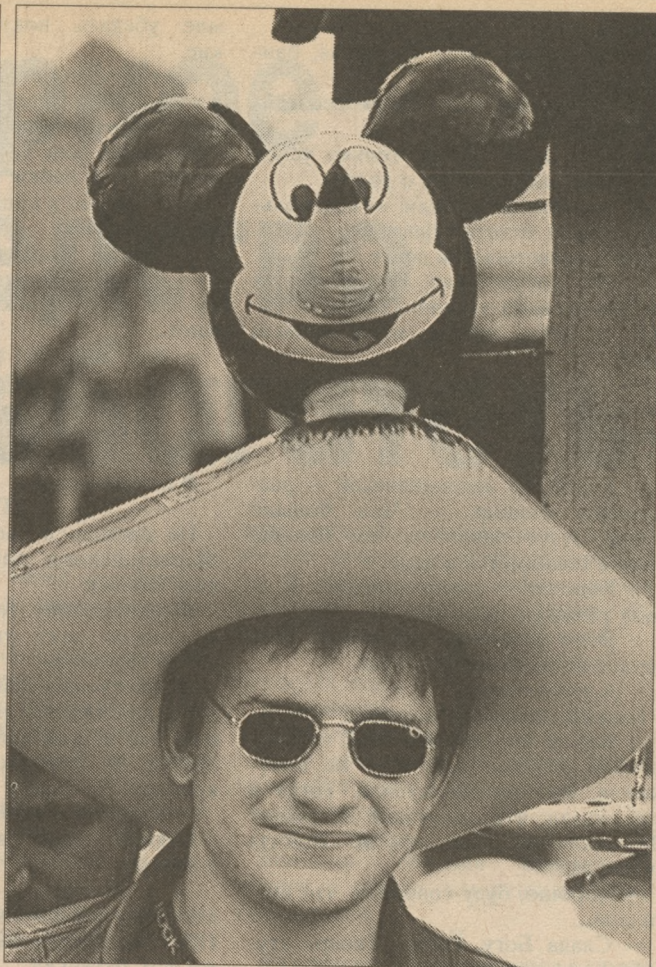
Банкир отсчитывает деньги.

Еще несколько таких нашествий на банк, и я буду миллионером.

Как видите, даже человек, которому никогда не везло в игре, может разбогатеть, играя на бирже...

Из книги «Смех среди руин», 1912 г.
Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

Тут русский торгует с китайцем

На этой Вавилонской ярмарке перемешалось все...

Елена УХОВА

Владимир ШИШОВ,
Юрий ШТУКИН (фото)

Честно скажу, не знаю, когда он открывается. Едешь мимо в автобусе, полусонный шофер затыкается первой утренней сигаретой, пассажиры зевают и не торопятся пробить талончики — а за окном уже пузырится в разноцветных ведрах холодная вода и опускают туда длинные колючие стебли роз, влажных росой цветника. Уже в алюминиевом баке спокойно остывают «га-рячие!» пирожки с картошкой, уже первый гамбургер — комом и отправляется черстветь на витрину с мятым ценником «1800», а главное — уже ставятся на землю тяжелые рюкзаки, останавливаются,

фыркнув, машины, и отовсюду (багажники, сумки, мешки) выглядывает разношерстное, таинственное, всецветное нечто, имя которому — товар, лимфа и кровь рынка.

Покупателей, даже в выходной, в такой час мало, это больше иногородние, которые с вечера продумали свой маршрут, или жители окрестных домов, вышедшие на легкую прогулку.

Но припекает солнце, уезжают на работу серьезные трудяги, за считанные четверть часа на станции метрополитена становится шумно, тесно, весело. Вагоны набиты битком, в немосковском говоре тонут пронзительные выкрики работницы эскалатора: «Держитесь за перила! Стойте справа, проходите слева!» И гремят тележки, и плачут дети, и бабульки посылают торговцев ко всем чертям. Пропал великий город, будто и не было на

свете! Пропали границы — Москва и Харьков, Ереван и Грозный, Иваново и Цзиннань — все перемешалось на этой Вавилонской ярмарке. Не закрываются двери с надписью: «Выход», и можно увидеть, как людская волна то нарастает, то слабеет, в зависимости от расписания поездов метро. Ошарашенный солнечной ясностью утра, шумом и пестротой окружающего, первооткрыватель рынка, прильвывая на гребне этой волны, растерянно смотрит влево... затем вправо... Два крыла, два рукава одной реки открываются его орлиному взору, и, заботливо поправив в нагрудном кармане куртки бумажник, он смело направляется... ну, скажем влево — не все ли равно. Разница лишь в том, что в левом крыле меньше гари и выхлопного дыма от забрызганных грязью грузовых машин, которые прямоком направляются в правое крыло. Глох-

нет мотор, а через пять минут висят на открытых дверцах фургона юбки и блузки, шарфы и рубашки, и, как елочные игрушки, кроссовки болтаются на шнурках.

В левом крыле под надежными навесами потягивают пиво уже утомленные солнцем продавцы, кружево серебрится, лайкра блестит, а покупатели стремятся мимо, дальше — туда, где уже кончились навесы, но еще тянется вдоль тротуара длинная очередь самоотверженных, с мочалками, колготками, ботинками в руках, в легких панамках от солнца.

Крепдешин гордо реет на ветру, и тихо накаляется от июльского полдня черной бархат маленьких капризно-строгих платьев. Покупатели толкают друг друга, тянутся к ярким жилеткам, трогают кожаные ремни, трут пальцами футболку («Женщина! Вас спрашиваю! Линяет или нет?») и теряют бдительность, к которой всех призывал охрипший к полдню страж порядка в пятнистой форме, — вот-вот скользнет в простодушный карман ласковая и ловкая воровская рука.

Два потока покупателей организовано и плавно плывут навстречу друг другу, но то тут, то там хочется задержаться в любопытном водовороте, поддержать в ладони прохладный хвост аквамаринового шелка, взвесить настойчиво предлагаемую (в такую жару!) шаль... Глаза про-

давцов блестят, пересохшие губы упрямо повторяют достоинства товара — время скидывать еще не пришло, торг идет неохотно... Но вот сильнее привлекает солнце, пустые пивные бутылки гремят под ногами... «Ну ни магу я питнадцать, пэрсик... Ни магу... Шестнадцать? О, шестнадцать только для тебя, только для тебя, носи на здоровье!»

Все смуглеет в полдень, смуглая узкая девичья ступня последний раз пробует на упругость кожу сандалий «за шестнадцать», и смуглый продавец водит хрустящими бумажками по остальным вещам, еще не проданным, — маленькое суеверие на удачу.

А меж рядами звенят тележки с пончиками и голубцами, бигмаком и сосисками. Что-то дымится на прилавке у продавца кожаных курток, и он смеется, и покупает «Советское шампанское», разносимое по рынку крикливыми армянками, просто так, за их чудесный, какой-то сливовый цвет глаз, за звон браслетов на горячих руках.

Рядом мелькают две пары палочек — китаец делит с русским пополам рыбу и рис.

Отчаяние появляется в глазах торговца бананами, когда он видит, что двое из милицейской машины направляются к нему. Нет у него никакой лицензии на товар,

нет и не было. На обед люди любят кушать фрукты, а лучший фрукт — банан! Разве нужна лицензия, чтобы это доказать?

...Запах дыма плывет над рынком, в левом крыле и в правом, запах кетчупа, жесткого шашлыка и курочек «гриль». Обедают заплатившие штраф и штраф принявшие, обедают нищие и цыгане, бомжи и владельцы киосков. Все!

Ветерок путается в складках полосатых юбок, и белая футболка раскачивается на самом верхнем шесте, словно флаг, — затишье, пауза, перемирие в борьбе труда с капиталом.

Не остановившись совсем, а только передохнув, поочередно, как цепное дыхание в хоре, торг с новой силой идет во второй половине дня.

Торгуют близ автобусных остановок, вдоль ступеней, ведущих на станцию метро. Шумно ругаются два конкурента, каждый крепко держится за ручку своего ведра с черешней, пока обоих, наконец, не спугнет грозный и внушительно мускулистый продавец роз такого диковинного, безвкусного оттенка, что лакмусовая бумажка в опытах на уроках химии вспомнится как нечто акварельное.

Горластая матрона настойчиво предлагает всем панталоны небесного цвета. Пятьдесят человек спокойно прошли ми-

мо, но у пятьдесят первой дрогнуло сердце, и она решительно дергает приятеля за рукав: «Миш...»

Запах ацетона и резинового клея витает теперь в безветрии над рынком — это приклеивают бережно и нежно к корейским, гонконгским и русским футболкам «made in USA», «made in Germany» и напыщенное «made in Great Britain» на какие-то невероятные, в зеленых попу- гаях, штаны.

От ацетона ли, от шампанского, продавец кожаных курток тянет за рукав хохочущую блондинку и рычит: «Все подарю! Что хочишь подарю!» — и предусмотрительно тыкает в стройный ряд дешевых

турецких помад.

Торговля идет хорошо, и цыганские дети бредут получать привычную мзду, твердя ровно и плаксиво: «Чтобы счастье было, чтобы деньги были, а не дашь — не продашь, ничего не продашь, все потеряешь...»

«Вам в самый раз, это как раз для полных, вы померяйте... Ах, на дочку? А на дочке еще лучше будет — так воздушно, самый писк... Вы померяйте!»

«Вы померяйте!» — бесконечный лейтмотив. Стоптаные туфли ставятся рядом, на твердом копытце платформы ступне высоко и легко...

«Вы померяйте!» — старая футболка летит в одну сторону, джинсы в другую, кто-то, зазевавшись, не успевает подать

платье, и продающие напротив душевые шланги и кухонные краны одобрително цокают языками. Девушка сама хватает испуганными руками бордовый кринолин, платье шуршит, и рядом говорят искренне и восхищенно: «Вам идет, вам идет удивительно...» — забывая о том, что все идет в 18 лет.

Тем временем блеск поддельных бриллиантов, позолоченной меди и турецкого серебра становится другим, потому что солнце спустилось ниже и близится летний вечер. С работы возвращаются разные люди, радостные и грустные, просидевшие весь день в кабинетах и колесившие по городу, но раз в неделю, да пройдет каждый остановку пешком, зайдя на рынок, окунувшись в причудливый, живущий особым ритмом мир.

Наступает «час последней вещи», когда торговаться нужно наверняка и твердо, зная, что сбавят. В этот час покупатели особенно придираются к неверной строчке, к любому пятну, и выиграть от этого можно от одной до десяти тысяч. В этот час сами продавцы просят взять то, что осталось, и говорят, где и когда они будут завтра.

В этот час оптовый покупатель — благодетель, и повесят потом ту юбку с кривой строчкой на важный манекен в серьезном магазине, прикрепив ярлычок «70\$».

Но затихает правое, потом левое крыло, разъезжаются машины, горят картонные коробки, банановые шкурки, скользкие и наглые, валяются на мостовой.

Поезда берутся штурмом, и так красочно, что Айвазовский, наверно, не стал бы маринистом, посмотри он на эту палитру одежды, румянца, загара, на этот девятый вал, который все же к девятому часу вечера спадает.

Последние израненные розы, которые никому сегодня уже не нужны, вынимают из нагретого за день ведра, а воду льют прямо на автобусные дорожки. Летний закат бросает на лужи оранжевый блик, и так вдруг пахнет Венецией, когда автобус с нежным плесканием подойдет к остановке. Останутся только неизменные торговцы лимонадом, пивом, горячими батонами, которым не холодно даже в суровые февральские вечера.

Есть особый штрих той поры — свечи, греющие цветы под стеклом в морозных сумерках, но ничто не сравнится с усталым трубачом, играющим так сочно и отчаянно, словно завтра рынка не будет, словно все здесь замрет без движения, словно эта нота — последняя нота прощания, от которой дрожит вечернее солнце на влажном тротуаре.

Петровско-Разумовское

Человеческий мозг «на форсаже»

Возможности человека если и не безграничны, то уж наверняка еще далеко не изучены. В очередной раз правоту этого утверждения доказал уругваец Энрике Ортега Салинас, установивший недавно новый мировой рекорд памяти, который, несомненно, войдет в следующее издание всемирно известной «Книги рекордов Гиннеса».

Перед многочисленными «зрачками» телекамера, в присутствии нотариуса и представителей фирмы Гиннеса он достаточно быстро запомнил и воспроизвел в правильной последовательности 320 цифр и выдал их с той же скоростью, с которой они появлялись из своеобразного лототрона.

Таким образом, от рук, а точнее, от головы 25-летнего учителя математики пал предыдущий мировой рекорд запоминания в 200 цифр, принадлежавший представителю другой латиноамериканской страны — Колумбии — Хайме Гарсиа Серрано.

Однако памятный Энрике Ортега Салинас не остановился на достигнутом и побил еще один мировой рекорд. На запоминание произвольной комбинации из 52 игральные карт молодой уругваец затратил всего 49,5 секунды, что на 6 секунд меньше результата предыдущего рекордсмена мира в этой дисциплине — англичанина Доминика О'Брайна, показанного им в Лондоне весной 1992 года.

В настоящее время Энрике готовит к выпуску второе издание своей книги «Секреты живого счетчика», в которой

С МИРУ ПО НИТКЕ

излагает разработанную им теорию быстрого запоминания колоссальных объемов информации. Пользуясь моей системой, утверждает Энрике, можно после определенных тренировок прочитать дважды главу любой книги среднего объема и затем повторить текст на память без ошибок.

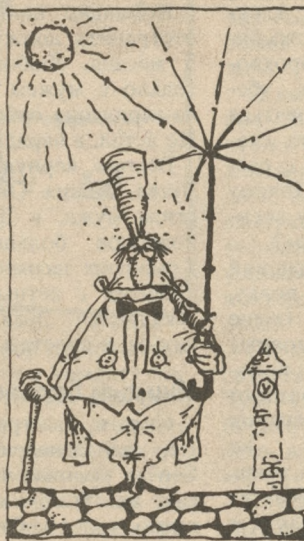
Молодой уругвайский рекордсмен-«меморист» (от испанского «мемория» — «память») не собирается успокаиваться. Как пишет информационное агентство ЭФЭ, он поставил перед собой цель запомнить и воспроизвести математический ряд из целой тысячи цифр. Более того, Энрике уверен, что у него получится и что это огромное для запоминания число цифр — не предел возможностей человеческой памяти.

В солнечный день — за загаром

Солнечные выходные дни многие англичане проводят на природе. Легкие на подъем отправляются к морю, другие заполняют многочисленные городские парки, чтобы насладиться свежестью зеле-

ных лужаек и хоть немного загореть.

Мода на «бронзу» сравнительно недавно поразила жителей Туманного Альбиона. До первой мировой войны британцы предпочитали оставаться бледнолицыми. Идеалом женщины считались не шоколадные от солнца красавицы, а дамы с цветом лица, похожим на нежный светлый лепесток английской розы. Состоя-

АЛЕКСАНДР ЗАЯЦ

тельные люди в качестве косметической уловки широко использовали белую свинцовую присыпку, стараясь придать коже особенную белизну, а городская беднота видела так мало солнечных лучей, что из-за нехватки витамина D это иногда приводило к заболеванию костной системы, прозванной немцами «английской болезнью».

После первой мировой войны строгие ограничения в кодексе поведения и одежды на пляже отступили, и молодые девушки бросились в погоню за солнцем. Модные журналы, романы и фильмы Голливуда стали воспевать прелесть и очарование загара. Еще позднее индустрия туризма и отдыха сделала солнце, по крайней мере, средиземноморских пляжей доступным практически для каждого. К середине 70-х годов купальные костюмы достигли микроскопических размеров, а салоны красоты стали предлагать новый вид услуг — искусственный загар. В то же время число заболеваний раком кожи возросло до 40 тыс. в год, а количество случаев обнаружения злокачественных опухолей удвоилось.

Тем не менее на сегодняшний день всего 5 процентов английских женщин говорят, что они предпочитают оставаться бледными и здоровыми, а 20 процентов представительниц прекрасного пола по-прежнему стараются поймав для загара каждый солнечный лучик. Вместе с тем возросло и осознание риска, поэтому в прошлом году, например, объем продаж солнцезащитной косметики в этой европейской стране достиг 90 млн фунтов стерлингов.

Купите на рынке немножечко манго...

Съесть три килограмма манго за четыре минуты — таково условие одного из забавных конкурсов, участником которого может стать любой посетитель фестиваля, ежегодно проходящего в июле в зале «Талкатора» индийской столицы. Праздник посвящен манго — уникальному творению природы, нареченному в народе королем фруктов.

В самом деле, какой еще плод может похвастаться столь изысканными формами? Среди 500 разновидностей — овальные и в виде морской раковины, пышные и «худосочные», размером со сливу, как «Моти дана», весом всего два грамма, и с приличную дыню, как привезенный фермером из Уттар-Прадеша «Ратаул», потянувший на два с лишним кило. Да и внутренним своим содержанием они различны: нежная, легко отстающая от косточки мякоть — в одних и волокнистая, упругая — в других.

Неповторимо манго и по вкусу. Сладкое, кислое, приторное, «хвойное» — при самых разнообразных сочетаниях этих и иных вкусовых оттенков.

В отличие от других тропических плодов манго щедро наделено витаминами: А и С, тиамин, рибофлавин,

ниацином, а также минеральными веществами. Известны и замечательные целебные свойства манго, рассказал любопытным журналистам один из организаторов фестиваля. По его словам, подтвержденным медиками, растертая в порошок косточка — эффективное средство от кишечных заболеваний и гастритов, кашлица и кожуры, смешанная с творогом, врачует при холере, а в сочетании с медом помогает при дизентерии.

Манго боготворят все, в том числе — экологи. Крона манговых деревьев вырабатывает кислорода в несколько раз больше, чем любое другое растение, а опавшие листья служат качественным удобрением.

Индия — далеко не единственная страна, где произрастает манго. На фестивале представлены фрукты, привезенные из Коста-Рики, Венесуэлы, Кении, Пакистана, с Ямайки. Но, по общему мнению экспертов, индийским сортам нет равных по изысканности вкусовой гаммы.

Так что если вам на рынке или в магазине попадается этот экзотический фрукт из Индии или любой другой страны, вместо привычных «немного ОЛБИ» или «бутылочки Херши» купите себе немножечко манго. Здоровее будете.

Взлетный тортик капитана Зуева

Последний раз наш боевой самолет угнали в 1989 году

Геннадий ЛИСЕНКОВ
Сергей БАБИЧЕВ

Тех, кто угоняет пассажирские лайнеры, называют воздушными пиратами, их судят и им дают срок. Тем же, кто угоняет военные самолеты, дают политическое убежище.

20 мая 1989 года капитан советских военно-воздушных сил Александр Зуев приземлился на истребителе МИГ-29 на турецком аэродроме, запросив политического убежища в США. Если пользоваться штампами тех дней, то можно сказать, что беглец был встречен с распростертыми объятиями. Почему же пилот решил на то, что у военных называется просто: «измена»?

В декабре 1984 года тогдашний главком ВВС поставил задачу полку, базировавшемуся в г. Цхакая (ныне г. Сенаки), «пересечь» на самолеты МИГ-29, машины четвертого поколения. Летный состав был разного уровня подготовленности, спарок (учебно-боевых самолетов) не было, и командование решило взять пилотов первого и второго класса из авиаполка в Вазиани. Так в Цхакая оказался Зуев. Он неплохо пел и играл на гитаре, участвовал в смотрах художественной самодеятельности. В 25 лет женился на дочери начальника штаба авиационной дивизии Жанне Баглай.

В июне 1985 года полк уже начал осваивать МИГ-29. А с 1986 года в части приступили к войсковым испытаниям самолета. Заместителю командира полка по летной подготовке Анатолию Антоновичу, чуть позднее ставшему командиром этого же полка, было поручено работать с группой летчиков по программе испытаний.

На этом присказка закончена.

Брак, любовь и самолеты

Основные же события начали разворачиваться с лета 1988 года. Зуев обза-

велся любовницей — жена техника. Командир, конечно, не мог этого допустить. Антонович пригласил на разговор с Зуевым замполита полка и командира первой авиационной эскадрильи. Зуев отрекся, а вот жена техника «грех прелюбодеяния» признала. Затем Зуев и его любовница вообще заявили, что любят друг друга, что он-де разводится с женой, а она — с мужем.

Командир полка принял решение отстранить донжуана от полетов на 3 месяца. Любовница его действительно с мужем развелась и вскоре из гарнизона отбыла, а Зуев остался. Не летал, в наряды не ходил.

Вскоре вернулась с сессии жена Зуева, Жанна. Она сказала, что простила мужа, и Зуев тут же заявил: подобное больше не повторится. Командир засомневался, но, когда и в беседе с летным составом первой эскадрильи Зуев пообещал исправиться, к полетам его допустил.

Мнимый больной

Спустя два-три месяца командир 1-й авиаэскадрильи подполковник Берзан доложил: Зуев часто опаздывает на службу, к полетам готовится плохо, ведет себя вызывающе. С тех пор он и начал «обрастать» взысканиями. Его то отстраняли от полетов, то допускали к самолетам. Вел себя Зуев нагло, частенько сыпал бранью. Командир приказал оформлять на Зуева документы для суда чести младших офицеров.

В беседе с начальником политотдела дивизии Зуев заявил, что будет увольняться. Собирается, дескать, поступать в экономический институт. На том и порешили.

— Честно признаться, — говорит бывший начальник политотдела дивизии полковник Виктор Прозукин, — я вздохнул с облегчением.

Кроме всего, было ясно, что и семью Зуеву вряд ли удастся сохранить. К нему отказалась вернуться уехавшая любовница. Жена Зуева еще в январе 1989 года уехала на сессию.

Денег он ей, беременной, не дал ни копейки. Она больше не вернулась к нему.

Видя безвыходность своего положения, он, видимо, тогда и решил удрать.

Май 1989 года — в разгаре учения. Весь «живой и боеготовый» летный состав — на самолетах. Забот всем хватало. Заместитель комполка подполковник С. Шатравко принял решение поставить Зуева дежурным по приему и выпуску самолетов. Антонович и сегодня считает своим упущением, что, подписывая приказ на дежурство, фамилии летного и технического состава проверил внимательно, а все другие — обеспечения — вскользь.

Но если для руководства полка назначение Зуева дежурным с 19 на 20 мая было делом будничным, то для него самого — одним из основных звеньев тщательно обдуманного плана.

Он ждал этого дежурства.

Криминальная кулинария

Зуев заранее накопил в окрестных аптеках снотворного снадобья, притворившись страдающим бессонницей курортником из Кобулет. Накануне времени «Ч» он приготовил слоеный торт, нашпиговал его изрядной порцией снотворного. Зуев заступил на дежурство утром 19 мая.

Свой торт с «сюрпризом» он привез в дежурное звено именно тогда, когда прибыла машина с ужином для личного состава. Объявив о рождении сына (Жанна действительно родила мальчика, но, правда, несколькими днями позже), он лично преподнес по куску торта каждому: механику, техникам, летчикам. Было это уже ночью, между десятью и половиной одиннадцатого. Лишь три человека не отведали отравы: два механика — один из них стоял на посту, а другой отсутствовал — и командир четвертой эскадрильи подполковник Владимир Петрухин, который готовил документы к предстоящим полетам.

Снотворное сработало безотказно. Отравление было сильным: утром следующего дня семь человек в тяжелом состоянии были доставлены в больницу.

Когда все заснули, в том числе и дневальный, Зуев, обрезав кабели сигнализации и связи, двинулся к стоянке дежурных самолетов.

Охрана самолетов состояла из начальника караула — старшего техника и трех механиков — часовых. Стоянка самолетов считалась постом, и подойти к ней мог только начальник караула или командир звена. Механики-часовые это знали, а потому, заметив офицера (это и был Зуев), рядовой Беляев приказал ему остановиться. Зуев ответил, что он старший на аэродроме и проверяет несение службы. Часовой Беляев, однако, дежурного по приему и выпуску самолетов на пост не допустил. Зуев повернулся и, отойдя, затаился невдалеке, зная, что в четыре часа утра должна производиться смена часовых.

Менять Беляева предстояло механику, который торт не ел. Он прос-

нулся и, поняв, что ему пора уже заступать на пост, зашел в комнату технического состава, а там все спят. Попытался разбудить старшего техника, затем — техника. Тщетно. Не смог взять и свой автомат — тот был в запертой пирамиде. Тогда механик принял решение самостоятельно идти на пост. Придя туда, он сообщил товарищу, что не смог разбудить техников. Беляев отдал сменщику свой автомат и направился в дежурное звено. На часах было 4.30.

Выждав, пока уйдет Беляев, капитан Зуев снова пошел к самолетам. Новый часовой, увидев его, сначала действовал, как и предыдущий. Офицер стал грозить ему трибуналом: поменялся, мол, без начальника караула, взял чужой автомат и т.д. Говоря, постепенно приближался к часовому. Тот растерялся. Но Зуев уже вплотную подошел к нему и ухватился за автомат. Началась рукопашная. Парень был покрепче Зуева, и тот стал стрелять по нему из пистолета и ранил. Часовой ответил ему длинными очередями из «калашникова»,

но, раненный, не смог толком прицелиться. Тут и патроны у обоих «дуэлянтов» закончились. Часовой бросился к дежурному домику поднимать тревогу. Зуев бросился к самолету. Снял заглушки с воздухозаборников, убрал колодки, сдернул чехол с фонаря, влез в кабину и запустил первый двигатель. Затем начал руление. Автоматически запустился второй двигатель. Всю эту информацию удалось почерпнуть из «черного ящика», фиксировавшего все манипуляции пилота. Дело в том, что через полтора дня после ЧП угнанный самолет с «черным ящиком» был турками возвращен советским властям в целостности и сохранности.

Чтобы помешать погоне, Зуев решил расстрелять самолеты дежурного звена. Сбросив подвесной бак, он разблокирует пушку, набирает высоту и заходит для атаки по земле.

...Дежурный пилот Владимир Петрухин проснулся от звука работающего двигателя. Бросился к телефонам — молчат. Техники спят. Летчик понял — угон. Схватил шлем, побежал к стоянке и вскочил в самолет.

И именно в то время как Петрухин вырубивал, Зуев нажал на гашетку пушки. Но на запасных самолетах — двойная блокировка оружия, а угонщик, отключив первую, забыл про вторую. Пушка не сработала. Все это зафиксировали приборы «черного ящика». Третье за неполные сутки покушение на жизнь людей не удалось.

Сегодня, в интервью некоторым средствам массовой информации, Зуев утверждает, что при осуществлении побега он старался избежать всякого кровопролития. Факты, как мы видим, говорят об обратном.

...Зуеву оставалось одно — включить форсаж, снизиться на малую высоту и уходить в Турцию. Через восемнадцать минут он там и приземлился. Взлетевший следом Петрухин не успел «достать» угоняемый МИГ.

Пилот Зуев — преступник или диссидент

Собственную версию этих событий, перипетии своей жизни авиационщик описал в автобиографической книге, судя по которой он считает себя диссидентом и не сомневается в правильности своих действий. Однако для его бывших однополчан это было откровением. Что-то никто не слышал от него высказываний, осуждающих «советскую коммунистическую систему».

«Я — американец!» — первые слова, произнесенные Зуевым в Турции. Америка действительно стала его

пристанищем. Но деяния, подпадающие под статьи Уголовного кодекса, Зуев совершил в России. А позже, за океаном, еще и поделился военными секретами с США, тогдашним нашим вероятным противником. Турецкий суд, перед которым предстал тогда Зуев по обвинению в воздушном пиратстве, его оправдал — счел аргументы угонщика убедительными. Впрочем, разве не тот же суд в свое время снисходительно отнесся и к убийцам Надежды Курченко — бортпроводницы угнанного в Турцию АН-24? В пору противоборства двух общественно-политических систем именно аргументы политического свойства были зачастую самыми весомыми. Даже на весах Фемиды.

Пилот Зуев очень пригодился американцам, так как те не сумели уговорить турецкие власти дать «посмотреть» не слишком хорошо им тогда известный МИГ-29. Если судить по книге американского астронавта Олдрина, Зуев в период подготовки к операции «Буря в пустыне» показывал пилотам ВВС США, на что способен этот истребитель в бою. Пентагон тогда заключил вполне официальный контракт с Зуевым и

очень высоко оценил его помощь. В том числе и деньгами. Информация беглого капитана помогла союзникам без особых потерь парализовать авиацию своего противника — Ирака. Астронавт даже назвал «Алекса» «секретным американским оружием».

Беглец сумел выпустить нечто вроде автобиографической книги — «Точка опоры», а сейчас консультирует бизнесменов, решивших делать бизнес с Россией...

Анатолий Игнатьевич Антонович, бывший комполка Зуева, хочет подать на него в суд за нанесение материального и морального ущерба. Сейчас он преподаватель кафедры аэродинамики летного училища в Чернигове. Ему 41 год, с летной работы не списан.

Если кто-то из российских юристов может оказать Антоновичу практическую помощь в тяжбе с Зуевым, его адрес — в редакции. Хочется, чтобы каждому выдавалось по делам еще при жизни.

Вместо послесловия

Жаль, конечно, что по вине угонщика не заладилась карьера его бывшего комполка — Антоновича. Но

после драки пятилетней давности кулаками махать, наверное, бессмысленно. Да и служит теперь Антонович в армии другого государства — украинского. Но хотели бы лишь сослаться на незыблемый закон практически всех армий мира: командир отвечает за все действия подчиненного. Угони американский военный летчик новейший самолет в Москву — уверены, пострадали бы американские полковничьи и генеральские головы!

Ныне Антонович хочет «достать» своего бывшего подчиненного с помощью судебного процесса — почему бы Зуеву не заплатить за порушенную карьеру?! Но, скорее всего, вчерашний капитан, сегодняшний житель славного города Сан-Диего выйдет сухим из воды — есть чем платить адвокатам.

Мы же утешим себя тем, что наши пилоты будут в дальних гарнизонах все так же летать, пить, играть в карты и соблазнять чужих жен... Лишь бы самолеты не угоняли.

А/О КанСтар
предлагает свои услуги по
изготовлению следующей продукции:

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский приборостроительный з-д
им. Казакова

Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

Столовый пер., 7

Тел. (095) 291-50-14

Быть стройным и здоровым
поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни.

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Не за горами — купальный сезон!
Подумайте о том, как Вы будете выглядеть на пляже.

Для желающих доставить удовольствие прекрасному полу — **НОВИНКА!**
СЕКС-КРЕМЫ!

У нас Вы также можете приобрести замечательные **ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ** для очистки водопроводной воды дома и на даче. Маленькое чудо в Вашем доме — **вибрационно-вакуумный ГИДРОМАССАЖЕР**. 15 секунд — и он подключен к Вашей душе!
БЛАГОДАРЯ ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ!

Фирма «Neway's» (США)
КОСМЕТИКА XXI ВЕКА

Приглашает к сотрудничеству распространителей

Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.

Дому Марины Цветаевой быть!

Дому-музею Марины Цветаевой — безусловно быть! Так я и думала сразу после окончания войны и говорила о Доме, ни на что не надеясь, не расставаясь с верой. Шаг за шагом я делала все, чтобы возродить Дом.

Более 30 лет своей жизни я положила на жесточайшую борьбу за него. Дом встал из руин. Много замечательного происходит в этом Доме. Он получил международное признание.

Я заверяю всех людей на этой земле: Дом будет жить всегда, подержанный тысячами рук и душ.

Глубокоуважаемый главный редактор! Я понимаю, что Вы должны были напечатать это письмо, подписанное известными людьми («Быть ли Дому Марины Цветаевой?», «Столица» № 25). А я, как руководитель Дома, обязана по всем пунктам дать на него свой ответ.

1) В письме: «Музей-квартиры Марины Цветаевой нет. И когда он будет и будет ли — неизвестно».

Отвечаю: Музей — есть. Квартира фантастическая архитектурно, интересная, цветастая. Уже сейчас она многое открывает в натуре поэта и ее судьбе. Она была создана ее руками. Производит сильное впечатление. Квартиру видели сотни людей и оставили свои записи. Сердце музея — рабочий кабинет Цветаевой — единственный за жизнь. Замечательны и детская, и «чердачный дворец» Эфрона, и гостиная. Экспозиция далеко не завершена, но уже очень интересна.

Все, что сделано, — чудо! Ибо никто не финансировал Музей, на его комплектацию не дано ни копейки. Он создан в условиях капитального ремонта, за неполных два года, без денег, моим горбом и ногами с помощью добровольцев. А мне 76 лет. Побойтесь Бога, господа!

2) Моя «концепция» Дома-музея взята авторами под сомнение.

«Концепция» была опубликована два года тому назад в 1-м номере за 1992 год «Московского журнала». Было время опротестовать, высказаться. Никто не возражал. «Концепция» была обсуждена и принята единогласно всеми членами Попечительского Совета РФК, значит, за нее голосовали и авторы письма М.Белкина и А.Саакянц. Можно ознакомиться с протоколом.

3) Должность Председателя Культурного Центра названа в письме беспрецедентной. Она действительно не очень удачна и возникла при особых обстоятельствах.

Я, Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, добилась юридического статуса Дома. Тогда я была совсем одна. Дом и я. И я добилась должностей для Э.С.Красовской и для Л.А.Мнухина и добилась их назначения на эти должности. Думала тогда, что мне самой, старой и больной, не обязательно быть официальным руководителем Дома, его администрацией.

Это было моей серьезной ошибкой, приведшей к серьезным последствиям. В Доме появились разного рода злоупотребления, и я в этих все чаще возникающих ситуациях не могла сказать своего «нет», не имела официального права на административное решение. Моя деликатность в этом вопросе обернулась уязвимым местом для меня. Ошибку надо было исправлять.

23 марта 1993 года было заседание Президиума РФК, который обсуждал мое самовольное «отстранение» от должности. Президиум принял решение назвать должность «Председателем».

В протоколе решения Президиума РФК записано: общее идейное научно-художественное руководство Домом осуществляет Председатель Культурного Центра «Дом Марины Цветаевой». Обязанности научного руководителя Дома утверждены за мной. Но и до этого решения независимо от протоколов с основания Дома я руководила всеми (кроме изданий Мнухина) научными программами Дома, в том числе Международной научной конференцией, чтениями, юбилеем «Лебединого стана» и «Перекопа» (100-летие Эфрона) и т.д. «Концепция», экскурсии, аннотации, тезисы, экспозиция и др.

4) Авторы письма беспокоит отсутствие коллегальности в Доме. Имеется в виду Ученый Совет Дома. Пока его нет. Нет финансирования, штатов — два научных сотрудника Совета не

составят. Мы приглашаем специалистов и советуемся. Надеемся, скоро будет и Совет.

В письме написано: «собственный вклад в научное цветоведение практически пока неизвестен». Речь идет обо мне. Есть ли у меня такой вклад? Не думаю и так не оцениваю свои 23 статьи о жизни и творчестве М.Цветаевой. Они закрыли многие белые пятна в ее биографии. Дом в Болшеве тоже нашла я, как и его обитателей, живших с М.Цветаевой, и впервые рассказала об этом.

5) На упреки я ответила. Теперь хочу сказать, что поводом для письма была не тревога за Дом, а «защита» Л.А.Мнухина.

Л.А.Мнухин в защите не нуждается. Он имеет в Доме все, что хочет: кабинет, компьютер с оператором, «день и ночь» (иногда допоздна) набирающим все его издания и публикации, штат, приглашенных библиографов, консультантов, переводчика, свободное расписание работы, частые и длительные поездки в Париж, Санкт-Петербург и др.

На эту автономию Л.А.Мнухина никто не посягает.

В парижском интервью, и не один раз, Лев Абрамович являет себя научным руководителем Дома, его администрацией. Это дает ему возможность официально, без оформления представлять всюду Дом. Он идет как официальное лицо в государственные и частные архивы, фонды, коллекции, библиотеки, получает ценнейшие материалы, право бесплатного копирования, дарения и т.д. Документально это не оформляется. И в этом случае невозможно отделить, где Дом, а где частная коллекция Л.А.Мнухина.

Кроме того, недопустимо узнавать только из газет, из его интервью о соглашениях и участии Дома в программах без документального оформления. Документы, увы, нужны для того, чтобы сотрудникам, в том числе и Л.А.Мнухину, защитить свою честь. Дому — свои интересы.

Н.И.КАТАЕВА-ЛЫТКИНА,

**Председатель Культурного Центра
«Дом Марины Цветаевой»**

ОТ РЕДАКЦИИ. Героев, как справедливо было замечено, надо убивать в последний день войны из-за угла, чтобы потом не морочили голову. И не превращались в суперпылесос, который, покончив с пылью, начинает жрать занавески и комнатных собак.

Никто не отрицает и не забывает заслуг Н.И.Катаевой-Лыткиной в спасении Дома Марины Цветаевой. Они заслуживают повести и даже, может быть, небольшого памятника.

Но время бульдозеров, слава Богу, прошло. Нынче от хозяев Дома требуется одно — чтобы музей работал.

А музей закрыт.

Работает лишь книжный киоск, архив-библиотека РФК плюс нечастые выставки да замечательные вечера. В цветаевские же комнаты можно попасть лишь по большому благу.

Мы напечатали первое письмо, чтобы развеять наивное умиление цветаелюбков по поводу Дома и его хранительницы.

Мы печатаем второе письмо, потому что Надежда Ивановна (впервые столь серьезно обвиненная) имеет право держать ответ.

Но не можем не прокомментировать тот факт, что ответ дан не по существу и состоит из широковещательных фраз.

«Музей — есть». Но его никто не видит.

«Концепция...» принята единогласно. Но с тех пор ни разу не обсуждалась, как было условлено.

«Злоупотребления». Какие?

«Нет финансирования, штатов — два научных сотрудника Совета не составят». Неужели Совет может работать только за деньги?

«На эту автономию Л.А.Мнухина никто не посягает». Однако в новом штатном расписании, предложенном Надеждой Ивановной к утверждению, его должности просто нет...

Спор можно длить долго. Мы прекрасно понимаем, что более или менее объективную картину удастся восстановить только тогда, когда в каждый номер мы будем печатать по отклику.

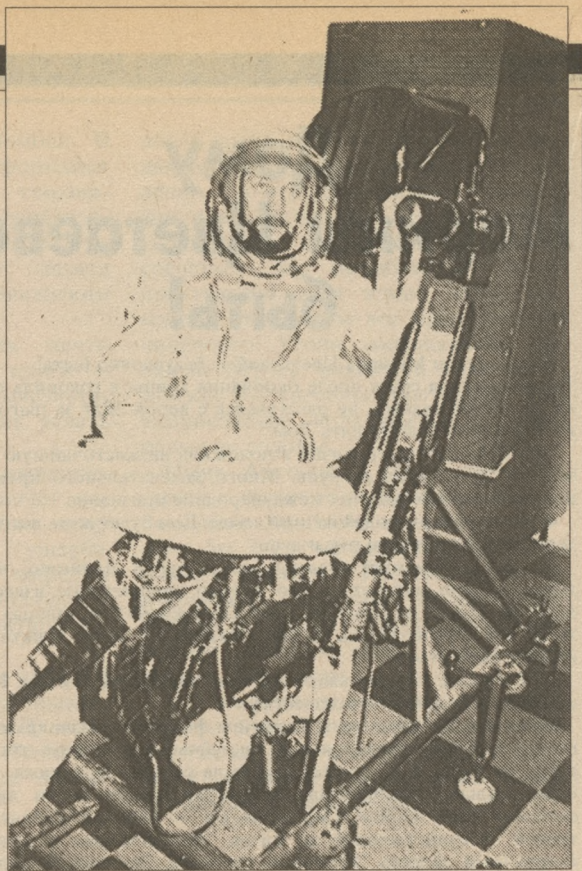
Но всякая склока вокруг имени Цветаевой отвратительна. Мы не хотим быть органом склоки. «Столица» свое дело выполнила.

В нашей стране каждый мог бы стать специалистом в области выживания и экспертом по сохранению собственной жизни. Однако книга с подзаголовком «Инструкция по эксплуатации жизни» готовится к печати только сейчас. Хилые пособия с банальными до смешного советами «не влезай — убьет» не в счет. О безопасности (исключая государственную) надо писать поэмы. Каждый способен совершить подвиг разведчика в жутких обстоятельствах отечественной действительности. Но не каждый может осмыслить закономерности этого подвига.

Автор книги «Спасение, выживание, безопасность», выдержки из которой мы публикуем, — русский путешественник Виталий СУНДАКОВ, он же действительный член международной Академии проблем сохранения жизни и основатель Школы выживания в Москве. Чтобы подтвердить свою практическую подготовленность и научиться не умирать в экстремальных условиях, Виталий Сундаков регулярно совершает путешествия, каждое из которых приносит ему очередную славу. Последнее состоялось в этом году в венесуэльскую сельву, где ему первому из белых людей довелось пообщаться с племенем яномами.

Инструкция по эксплуатации жизни

Виталий СУНДАКОВ

Однажды, и как мне казалось — навсегда, я пришел к выводу, что совет, каким бы мудрым изначально ни казался, давать стоит лишь тогда, когда о нем просят. Почему же я сейчас отступаю от правил, взявшись поделить собранными знаниями и накопленным опытом? Проще всего бы ответить, как дети: а потому! Потому, что сводки обычных городских новостей все больше напоминают сообщения с фронта, потому, что банальный вопрос «какживаете» незаметно трансформируется в актуальное «как выживаете», потому, что никого не трогают сообщения о гибели людей и их равнодушие друг к другу.

Кто знает, может быть, завтра специалисты по выживанию станут столь же необходимы обществу, как представители других важных профессий. Опасностей пока не убавляется. Кто виноват — политики, экономисты, история? Промышленные аварии, экологические катастрофы, стихийные бедствия, гражданские беспорядки, вооруженные конфликты...

***

В детстве мы все жаждали самостоятельности, нам хотелось все сде-

лать и все испытать самим, и мы сердились на многочисленные ограничения со стороны взрослых, упорно отстаивая свое право на принятие собственных решений. Но вот мы выросли, и оказалось, что уже привыкли надеяться сначала на родителей, затем на съезд или новую конституцию, на правоохранительные органы и спонсоров, «твердую руку», гуманитарную помощь, лотерею, импортные лекарства, Кашпировского, звездных братьев по разуму и невесты на что еще, но только не на себя — единственного, от кого реально зависят наше здоровье, благополучие, достаток, удача, счастье, жизнь.

Как же разорвать эту порочную цепь иждивенчества, на первый взгляд необъяснимого, ибо мы, как ни один другой народ, научились приспособливаться к любым, самым немудрым условиям жизни. Ох уж эта загадочность русского характера, сплав, казалось бы, несоединимых элементов, так точно отразившихся в народных поговорках. С одной стороны, «На Бога надейся, а сам не плошай», а с другой — «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». «Со мной этого никогда не произойдет», «мне это не грозит», «ничего страшного не случится» — эти фразы по праву заняли бы лиди-

рующие места при составлении списка высказываний чрезмерно самоуверенных людей накануне их безвременной кончины. Но это крайний случай. Чаще вполне уверенный в себе человек вдруг становится беспомощным, попав в нестандартное положение. Вроде бы и ситуация не из ряда вон, а как действовать и что делать — неизвестно. И вот уже маленький огонек растерянности разрастается до тех пор, пока не превратится во все пожирающее пламя паники и отчаяния, ослепляющее и толкающее на безумные поступки и того, кто попал в неожиданную ситуацию, и тех, кто находится с ним рядом.

***

Во всем мире существует культура предупреждения. Гораздо благоразумнее, предвидя жизненные осложнения, готовиться к ним заранее. Жизнь подобна мудрому мастеру, который не злоупотребляет нравоучительными беседами, а создает для своих учеников ситуации, требующие от них действия, стимулирует при этом и их потребность в приобретении знаний и навыков.

Если еще недавно многим из нас хоть как-то удавалось справляться или приспособливаться к эпизодически возникающим проблемам, не

имея специальных знаний, то теперь тревога за себя и за близких вынуждает копить эти знания заранее.

Сказавший, что мудрость — продукт знания, а знания — продукт необдуманных поступков, прав лишь отчасти. Прикладные знания — вещь, весьма необходимая для жизни, но не в обмен на нее.

***

О психологической готовности и характере опасности беседуют герои Карлоса Кастанеды. Они говорят о различных несчастиях, происходящих с людьми, которые можно было бы объяснить случайностью. Дона Хуана убеждали, что никто не в силах полностью контролировать ситуацию и управлять всем, что вокруг происходит. Верно, соглашался тот, но далеко не всякая случайность неизбежна. Надо думать и организовывать свою жизнь стратегически. Но ведь невозможно 24 часа в сутки думать и жить стратегически, возражал собеседник. Представь, что кто-то поджидает тебя с мощной винтовкой, снабженной оптическим прицелом. У тебя не будет ни единого шанса.

— Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то меня просто там не окажется, — ответил специалист.

А еще говорят, что случайность — псевдоним Бога...

***

Что такое безопасный стиль жизни? В двух словах, это возможность чувствовать себя удобно, комфортно в окружающем тебя пространстве — физически и духовно. Достичь этого можно с помощью определенных знаний и навыков.

Означает ли это, что, заучив некий свод правил и руководствуясь им, мы гарантированно избежим соприкосновения с невзгодами и опасностями? Нет, поскольку жизнь всегда

разнообразнее и непредсказуемее самых подробных инструкций, но вот относиться к невздам и опасностям мы, вероятно, станем несколько иначе.

Не усложним ли мы свою жизнь постоянным контролем за соблюдением этих правил? Но разве усложняет нашу жизнь, скажем, ежедневная личная гигиена? Напротив, привычка, доведенная до автоматизма, избавляет от многих сложностей в повседневной жизни.

Чего боялся Робинзон Крузо? Болезней и пожара. О пожаре в другой раз, а болезни в условиях природной среды напрямую связаны с гигиеной. Первое средство защиты от болезнетворных микробов — чистота. Идеально — ежедневная баня, теплая вода и мыло. Если условий для этого нет, держите в чистоте хотя бы руки и лицо. Следите за тем, чтобы ваша одежда была сухой и чистой, ежедневно вытряхивайте ее, сушите на солнце и на ветру. Чистить зубы совсем несложно и без зубной щетки — ее заменит веточка ели или сосны, если разжевать кончик. Мыло или столовая соль с водой заменяют зубную пасту. Если нет ни того, ни другого, в ход пойдет древесная зола из кострища, которая к тому же обладает прекрасными бактерицидными свойствами. Эстеты прибавляют к золе сухие листья мяты и блаженствуют. Почему такое внимание к зубам? Потому что в одном грамме зубного налета содержится 100 миллиардов микроорганизмов. Они способны спровоцировать 40–80 заболеваний: ревматизм, острый и хронический нефрит, желудочно-кишечные заболевания, болезни кожи и глаз, эндокринные нарушения...

В качестве мыла можно применять траву, которая называется собачье мыло или мыльнянка. Ее легко узнать по продолговатым листьям и белым цветкам, собранным на вершине стебля пучками по 5–7 штук. Используют высушенный и измельченный корень, которым мо-

ют только руки, — растение токсично. Применяют и гриб-трутовик, растущий на стволах лиственницы, отмывают любую грязь ягоды бузины.

Перевод санскритского текста четырехтысячелетней давности гласит: «следует очистить загрязненную воду, кипятя ее, выставляя на солнце, либо охлаждая в ней раскаленное докрасна железо. Воду можно фильтровать, пропуская через глину и песок». Все правильно. Для обеззараживания воды в нее опускают кристаллы марганцовки, пантоцид, таблетки активированного угля. Свежие ягоды красной рябины помогают сохранить воду.

Весьма условно опасности можно разделить на два вида: природного и социального происхождения.

В числе первых — стихийные бедствия и целый ряд разноплановых проявлений естественной жизнедеятельности природной среды, лишь субъективно опасных по отношению к человеку (молния, лавина, холод, болото, ядовитая и токсичная фауна и флора).

А вот перечень опасностей социального происхождения занял бы не один десяток страниц. Главная причина опасностей такого рода — сам человек. Его поведение, деятельность и мораль, где любая социальная опасность (войны, безработица, криминальные преступления, экологический вандализм, аварии, катастрофы) — продукт и следствие влияния или взаимодействия этих, увы, сугубо «человеческих» факторов.

Скажите мне, что тема полового голода как сильнейшего стрессора

надуманна, и я скажу, сколько вам лет. Что является основной темой фантазий в армии, экспедициях, просто в одиночестве? У всех ли граждан причина поездки в санаторий или дом отдыха только в пошатнувшемся здоровье? А чего боится женщина, возвращаясь домой? Не несчастья вообще, а конкретного, того же, что и мужчина, попавший в места заключения, — насилия.

Один профессиональный путешественник использовал любопытный «барометр» для измерения полового голода. Отправляясь в длительную экспедицию, он включал в команду женщину, чья привлекательность, мягко говоря, была сомнительной. И как только обнаруживал в себе непреодолимое желание жениться на ней, стратег понимал: пришла пора сворачивать поход.

Половому голоду подвержены на первый взгляд благополучные семейные пары, а не только те, кто оказался в изоляции — в армии, в местах заключения, в длительной командировке, вследствие потери постоянного партнера, будучи инвалидом... Это стрессор, перечень причин которого может занять не один лист. А может быть выражен одним лишь фактором: отсутствием желаемого партнера.

Те, кто полагает, что половой голод присущ только мужчинам, ошибаются. Журналист И.Мастыкина описала случай, когда на усмирении бунта в женской колонии бросили роту солдат. Вместо того чтобы присмиреть при виде оружия, заключенные женщины с криком «Мужики!» бросились на оцепление. Солдаты дали залп в воздух, но похотливых бунтарок это не остановило, и оцепление сняли.

В качестве профилактических мер по предупреждению развития стрессора полового голода у нас отмечены две: бром, который, возможно,

кое-где добавляют еще в еду и питье, и животрепещущие телерепортажи из горячих точек планеты, показываемые на ночь. Это тоже действует по методу клин клином: другой, информационный, стрессор снижает действие первого.

Важно понять, что стрессор полового голодания живет в головах, а не под нижним бельем граждан. «Воображение всему виной», — сказал поэт. Перестаньте думать о сексе и рисовать себе смелые картины. Если воображение не поддается усмирению, лучше заставить его заняться творчеством.

Заставьте себя переключиться: продумайте детали предстоящего похода или любой деятельности, проанализируйте причины, помешавшие вам реализовать какие-либо планы, далекие от сексуальных. Мысли об интимной близости посещают человека, когда он собрался отдыхать. Так вот, если сна нет, встаньте и займитесь какой-либо работой. И естественно, стоит отказаться от фильмов, эротической литературы и душевных разговоров на эту тему.

Для того чтобы не дать развиться половому возбуждению после пробуждения, не надо долго нежиться в теплой постели или спальнике, следует контролировать местонахождение своих рук, исключить из рациона пищу, содержащую животные белки, увеличить физическую нагрузку. Нейтрализующе действует отвар из мяты, но во всем должно быть чувство меры: потенции он не способствует.

Провоцируют половой интерес чрезмерно мягкая постель, горячая ванна, красный и черный цвета, небольшая доза алкоголя, определенные запахи и музыка. Вы сами знаете свои слабые места и, следовательно, в силах продумать «антиэрогенную» индивидуальную политику.

Не войны и эпидемии, не стихийные бедствия и экологические катастрофы собирают сегодня и ежедневно самый обильный «урожай» из человеческих жизней, а «война колес» и «кухонные баталии», жажда легкой наживы у одних и беспечность других.

По последним данным (1993) Всемирной организации здравоохранения, только в результате несчастных случаев на планете ежегодно погибает три миллиона человек. Половина жертв — результат транспортных аварий и разбоя.

Английский журнал «Обсервер мэгэзин» привел сравнительную таблицу опасностей, критерием в которой служит количество несчастных случаев со смертельным исходом на сто тысяч человек в год. Список возглавляют мотоциклисты — 2000 случаев, за ними идут любители подводной охоты — 400, потом автогонщики — 120, стрелочники на железной дороге — 90, шахтеры — 24, водители автотранспорта — 17 и альпинисты — 14.

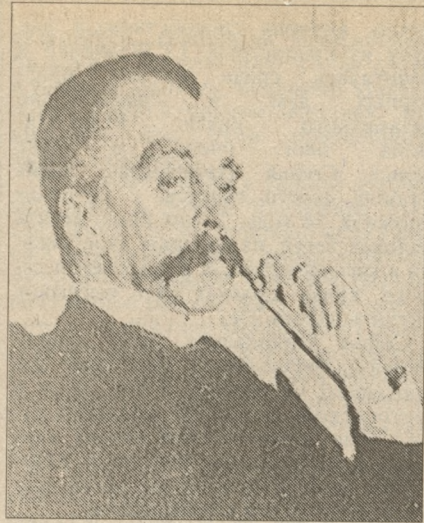
Согласно этой публикации, вероятность гибели человека от удара молнии составляет — 0,01, падающего самолета — 0,002 и метеорита — 0,00006.

Что же касается уровня травматизма в спорте, то, например, французские врачи считают, что первенство здесь держит регби, за ним дельтапланеризм, мотоциклетный спорт, футбол, альпинизм, парашютизм, велоспорт, гандбол, конный спорт, горнолыжный спорт, бокс, дзюдо и, наконец, карате.

Самой опасной из всех гражданских профессий небезосновательно считают во всем мире профессию шахтера. Крупнейшая в мире катастрофа на шахте произошла в апреле 1942 года в Китае, когда взрыв унес жизни 1572 человек.

Каждая страна, отрасль, вид человеческой деятельности имеют свою статистику. Задача книги по безопасности — изложить базовые предписания по безопасной жизнедеятельности в расчете на человека любой ориентации, профессии и возраста. Наивно полагать, что, внимательно изучив книгу, можно стать экспертом. Но для решения проблем собственной безопасности она может стать неплохим подспорьем. Сделайте привычкой выполнение хотя бы одного правила, которое не только убедило вас в своей целесообразности, но и пришлось по душе. И вы приблизитесь к цели на шаг, значение которого может стать неопределимым. Как говорил Фридрих Ницше: «Я научился ходить; с тех пор я позволяю себе бегать».

В.А.Серов. Портрет князя В.М.Голицына, 1906 (ГИМ)

Гражданин Москвы

«Мы почитали его главным и по прежним заслугам, и благодаря его врожденному аристократизму. Как он держал за обедом ложку, как совал и раскладывал карты для пасьянса! Его тонкие, унаследованные от предков, никогда не знавшие физического труда пальцы двигались медленно... Небольшого роста, с белыми усами на тонком, сморщенном лице, в неизменно лиловой бархатной ермолке на лысой голове, он на фоне портретов предков производил на гостей большое впечатление...»

С.М.Голицын. Записки уцелевшего

Алексей БУТОРОВ

Мода снова вводит в нашу разговорную речь забытые, а в иные года отечественной истории и вовсе смертельно опасные слова — губернатор, городской голова, городская дума. Время покажет прочность или наносность этой моды, а пока, вероятно, стоит приглядеться к тому, что и кто скрывался за этими словами в недавнем сравнительно прошлом.

В старой Москве только один человек бывал на двух весьма противоположных, если не сказать враждебных, друг другу должностях губернатора и Городского Головы — князь Владимир Михайлович Голицын. Долголетняя его служба нашему городу была оценена весьма высоко — среди немногих жителей Белокаменной он получил одно из самых авторитетных званий — Почетного гражданина Москвы. И, вероятно, один только он из почетных граждан Москвы был насильно выселен большевиками из бесконечно любимого города, который он не покидал на долгое время в продолжение почти полувека.

Голицыных в Москве в иные времена было немало, есть они, к счастью, и теперь, а потому, дабы отличить одно семейство от другого, им давали прозвища. Владимир Михайлович вел свое происхождение от младшей и самой многочисленной ветви рода — Алексеевичей. В городе их звали Петровскими Голицыными или Голицыными с Покровки. Первое прозвище — по главной их подмосковной усадьбе — Петровскому. В советское время усадьба эта от чего-то получила название Петрово-Дальнее. Понятнее было бы какой-нибудь «Орттруд» или колхоз имени Чемберлена, но загадки советской топонимики придется историкам разгадывать не менее трудно, чем угрофинской. Второе прозвище оп-

ределялось местом главной их городской усадьбы — дом на Покровке — сильно перестроенное творение знаменитого В.И.Баженова — и ныне украшает бывшую улицу Чернышевского, хотя каких только заведений не напихано в него нашим «счастливым временем».

Дом этот построен был для знаменитого И.И.Шувалова — основателя Московского университета, одного из пращуров князя Голицына. А кого только не было среди его прямых предков. Любопытно, что более чем многочисленное потомство князя, несмотря на все лихолетье, исчисляемое теперь несколькими сотнями, тоже насчитывает в своих рядах множество интересных людей — от известного художника Иллариона Голицына и до первого, уже «перестроенного», предводителя дворянства. (А чтобы занять этот пост, согласиться, нужны известного рода и смелость, и дворянская гордость.)

В.М.Голицын родился в Париже в 1847 году. И позднее родители его часто брали младшего сына с собой за границу на лечение. В Париже юному князю удалось встретиться с убийцей Пушкина Дантесом, а супруга поэта была близкой приятельницей его родителей. В бумагах семьи долгие годы хранился последний прижизненный портрет Натальи Николаевны, лишь совсем недавно вошедший в иконографию окружения поэта.

Будущий Городской Голова Москвы получил превосходное домашнее образование, а в Московском университете — специальность ботаника. Специалистам известны научные труды в этой области знаменитого будущего общественного деятеля городского самоуправления. Систематические занятия развили многие черты характера князя, так необходимые государственному деятелю, — умение обобщать раз-

личную информацию, общаться с людьми самого разного склада и хорошо разбираться в них, доводить до конца раз начатые дела. А если к этому добавить врожденную порядочность, скромность, справедливость и бесконечную любовь к Отечеству, к родному городу, то получится портрет почти идеального государственного человека. Таковым князь, видимо, и был, если судить по той травле и ненависти, какую ему довелось испытать при жизни, — кто же любит идеалы, кроме идеалистов?

Первые годы чиновничьей карьеры князя (а она началась летом 1869 года) пришлось на годы весьма патриархального управления «второй столицей» князя В.А.Долгорукова, считавшего своим долгом чуть ли не ежедневно объезжать город, как много позже генеральные секретари при вступлении в должность посчитали долгом своим встретиться с рабочими завода бывшего господина Гужона. Однако порядок в городе в те патриархальные времена был.

Став чиновником, князь Голицын не поехал служить в Петербург, как полагалось делать людям его круга, а по приглашению московского Городского Головы, известного либерального деятеля князя В.А.Черкасского, занял должность столоначальника 1-го стола 1-й экспедиции канцелярии Распорядительной Думы, которая позднее была переименована в Городскую управу. Управа относилась к власти исполнительной.

Здесь я позволю себе прервать рассказ о чиновничьей карьере князя и сказать о том, чего, увы, читатель не найдет на этих страницах, просто для этого не хватит места. И Владимир Михайлович, и его дети, и его внуки оставили бесценный свод мемуаров о русской жизни XIX столетия. Понятно, что обширнейшие воспоминания

нания князя посвящены прежде всего московской жизни. Он до тонкости расписывает и быт, и нравы, и бюрократическое устройство первопрестольной столицы Российской Империи, уделяя особое внимание становлению городского властного самоуправления. Кроме небольшого отрывка, опубликованного мною в «Московском журнале» в 1991 году, этот интереснейший рассказ о нашем городе остается недоступным читателю.

Служба в Распорядительной думе была недолгой, но она позволила князю хорошенько познакомиться со всем механизмом городского хозяйства второй столицы. Он перешел в Московскую дворцовую контору, но одновременно занял общественную должность гласного Московской Городской Думы.

Городская Дума — орган городского самоуправления. В нем многим либеральным деятелям того времени, и князю Голицыну в том числе, виделся путь «прогресса умеренного и постепенных преобразований». В известной степени ожидания такого рода оправдывались, но большинство либералов-западников старались не замечать творившихся рядом с этим «постепенным прогрессом» революционных буиностей, приведших позднее к большевистскому преобразованию общества.

Владимир Михайлович был на редкость деятельным человеком. Наряду со службой он занимался благотворительностью: организовывал помощь раненым в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии; в начале 1880-х годов назначен был попечителем 1-й Градской больницы, для которой так много сделали представители его семьи.

В марте 1883 года князь Голицын назначен был в число «главных начальствующих лиц города» — на пост московского вице-губернатора, а спустя четыре года, 14 мая 1887 года, стал губернатором второй столицы. Любопытен перечень всех «главных начальствующих лиц города», перечисленный в путеводителе по Москве 1882 года. Их всего восемь:

1. Генерал-губернатор князь

В.А.Долгоруков.

2. Губернатор: действительный статский советник В.С.Перфильев.

3. Обер-полицмейстер: генерал-майор А.А.Козлов.

4. Главный начальник и командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии граф А.И.Бревен-де-ла-Гарди.

5. Губернский предводитель дворянства граф А.В.Бобринский.

6. Председатель Губернской Земской управы Д.А.Наумов.

7. Начальник губернского Жандармского управления генерал-лейтенант И.Л.Слезкин.

8. Митрополит Московский Макарий.

Сравнительно небольшой «государственный аппарат». Есть с чем сравнить: сегодня разговоры о переполнении чиновничьих контор становятся общим местом. Хотя можно вспомнить и о том, что ведь и все население тогдашней Москвы размещалось в 15 958 домах.

В своих неопубликованных воспоминаниях сын В.М.Голицына Михаил рассказывает о том, что после переезда семьи в дом губернатора на Тверской «...отец был занят буквально целыми днями то один, то с кем-нибудь из чиновников, ему подчиненных, то с просителями, то, наконец, на заседаниях многочисленных присутствий, председателем которых он состоял по должности; мы отца видели почти только за обедом».

Однако в губернаторском доме бывала почти вся Москва. Тут молодой К.А.Коровин написал портрет жены князя. Портрет этот несколько поправил В.Д.Поленов, чем сильно обидел Коровина. Полотно это хранится в Третьяковской галерее и когда-то даже выставлялось.

В жизни Владимира Михайловича семья играла огромную роль. 19 сентября 1871 года он обвенчался с Софьей Николаевной Деляновой, внучатой племянницей основателя Лазаревского института, приходившейся родной племянницей известному министру просвещения Н.Д.Делянову. Такой брак сына фрейлины императрицы Луизы Трофимовны Бара-

новой, которая способствовала выкупу из крепостных Т.Г.Шевченко и почиталась среди первых придворных дам, и сравнительно незаметного князя М.Ф.Голицына был очень в духе семьи. Софья Николаевна очень любила своего супруга, с которым прожила 54 года. У них было десять человек детей, из которых двое умерли в младенчестве. А в год смерти самого князя прямых его потомков насчитывалось 75!

Софья Николаевна была художницей-любителем. Она даже расписывала снесенный теперь храм в Петровском, лазила по лесам под купол. Она передала свой талант многочисленным своим внукам и правнукам, многие из которых стали профессиональными художниками.

Софья Николаевна, как и ее супруг, держались преимущественно артистической и художественной среды, хотя, разумеется, были представителями самого высшего московского света. Уже после октября 1917 года, посещая знаменитую актрису Малого театра, хорошую свою знакомую Гликерью Николаевну Федотову, Софья Николаевна услышала от нее, люто ненавидевшей большевиков, слова: «Теперь при большевиках даже кошки лезут как-то особенно сильно». Таков был этот круг.

В доме Голицыных бывали и А.А.Фет, и поэт К.Р. — великий князь Константин Константинович, и многие другие деятели культуры. Сохранились письма князя к Марии Гавриловне Савиной.

Друзья никогда не оставляли в беде семью Владимира Михайловича. А беды были частыми гостями в их доме. В конце 1891 года на пост московского генерал-губернатора был назначен великий князь Сергей Александрович, дядя императора Николая II и сосед Голицыных по подмосковному имению. Он был хорошим приятелем Софьи Николаевны, однако это обстоятельство нисколько не помешало появлению в газетах весьма неожиданного сообщения о назначении князя губернатором в Полтаву, что было,

разумеется, серьезным понижением по службе. Вместо того чтобы ехать в далекую Полтаву, Владимир Михайлович ушел в чистую отставку, лишившись при этом придворного звания камергера.

Этот факт привел в уныние многих знакомых и друзей Владимира Михайловича. Он же спокойно купил новый микроскоп, дабы вновь заняться любимой ботаникой. Впрочем, без общественной работы жить он не мог, а потому в 1894 году Московская Городская Дума избрала князя на должность Почетного мирового судьи, а несколько позднее — председателем второго участка Пресненского попечительства о бедных.

В 1897 году проходили очередные выборы гласных в Московскую Городскую Думу. В их числе был и князь Голицын. Весной того же года, вскоре после убийства несчастного Городского Головы Н.А.Алексеева, Владимир Михайлович был избран главою местного самоуправления второй столицы. Выборы прошли самым блестящим образом — он пользовался в Москве большой популярностью, многие сочувствовали князю, видели в нем жертву бюрократического царского произвола. «Сам он был очень доволен погрузиться в работу, которую он любил, а его редкое умение общаться с людьми самого разнообразного склада ставило его со всеми в хорошие отношения», — вспоминал сын Голицына.

Дважды, в 1901 и 1905 годах, сроки пребывания в Думе князя путем выборов, всегда почти единоголосных, были продлены. А ведь если вспомнить о тех временах, то можно с уверенностью сказать, что они были далеко не самыми счастливыми в истории России, более того, революционное брожение, откровенный раскол русского общества на правых и левых весьма напоминал современную ситуацию. Один из тех, кого сегодня можно было бы по должности уподобить князю Голицыну, уже в добровольном порядке «слетел» с высокого поста Московского самоуправления. Время и образ действий покажут — каков нынешний наследник должности князя Голицына,

каково отношение к нему москвичей, сколько сроков пробудет он в должности.

Новый Городской Голова энергично взялся за порученное ему городское хозяйство. Когда князь покинул свой пост, то говорили, что он получил город с керосиновыми фонарями и водой из уличных фонтанов, а оставил его с электрическим освещением, водопроводом, канализацией и телефонной сетью.

Очень много внимания и времени требовали от князя и чисто представительные функции — он произнес весьма либеральную речь, приветствуя царскую фамилию на коронационных торжествах, с восхищением и искренней радостью приветствовал героя русско-японской войны капитана Руднева. А сколько еще было торжественных приемов, обедов и встреч! Сколько времени отнимали они от забот по сложному городскому хозяйству!

Была еще одна забота у князя — и почетная, и хлопотная, и обгаженная газетными писаками. Он был первым после смерти своего хорошего знакомого, П.М.Третьякова, попечителем галереи братьев Третьяковых, нынешней Третьяковки. Он и известный собиратель И.Е.Цветков неуклонно стояли за точное соблюдение завещания П.М.Третьякова, согласно которому вся экспозиция должна была остаться неизменной, т.е. со шпалерной развеской картин, а новые закупки должны были быть сделаны только у художников, придерживающихся реалистического направления. Против Голицына стояли дочь собирателя А.П.Боткина, И.С.Остроухов, художник и коллекционер, а также В.А.Серов.

Спор решила вынужденная отставка князя с поста Городского Головы. Князь всегда относил себя к немногочисленному отряду подлинных конституционалистов, за что подвергался нападкам и справа и слева. Вот как вспоминает об этом сын Городского Головы: «Ает перенес много волнений, которые отразились на его здоровье; забастовка под влиянием крайне левых грозила прервать ход

работы городских учреждений... так называемые черносотенные элементы — невежественные купцы, мелкие лавочники, реакционные газеты и тому подобное стали травить отца, считая его одним из виновников происшедшего; он не выдержал и, к великому удовольствию группы поправивших гласных во главе с братьями Гучковыми, подал в конце ноября в отставку». Заменял его Н.И.Гучков.

Московская Городская Дума избрала князя Почетным гражданином города. Диплом на это звание был исполнен Л.Бакстом и пожертвован князем в Третьяковскую галерею. В.А.Серову был заказан портрет бывшего Городского Головы. Некогда в Думе было собрание портретов наиболее видных ее деятелей. Теперь полотно это хранится в Историческом музее, разумеется, в глубоких запасниках. Может быть, при очередном денежном вливании в музей нынешняя Дума позаботится о портретах деятелей прежней, дабы хоть так показать, что родилась она не на пустом месте «демократии и гласности»?

После отставки в жизни Владимира Михайловича было еще много добрых и полезных для Москвы дел. Была и гражданская война, и аресты 70-летнего «врага народа», и высылка из города, и насильственные смерти многих родных, близких...

В тихом уездном Дмитрове, в черте города есть село Подлипичье, а в нем церковь иконы Казанской Божьей Матери. 29 февраля 1932 года последний из прежних Почетных граждан Москвы скончался в Дмитрове. На погосте Подлипичья он нашел свое последнее упокоение. Когда же несчастный Дмитров стал одним из центров ГУЛАГА, то территория кладбища была застроена домами для его служащих. Могила была скрыта. Может быть, нынешняя Дума найдет возможным установить хотя бы символическое надгробие князю Голицыну рядом с храмом, дабы тем самым отдать дань уважения и своей собственной истории?

Роза над прудом

Алексей ДИДУРОВ

Родина моя московская — Антропов пруд... Раньше, в детстве моем, его обступали хибары с палисадниками и хрущевские пятиэтажки. В густой сирени тех палисадов ночные птахи энергично дискутировали с собратями, откликавшимися в листве тополей вокруг пруда. Теперь там, где кособочились деревянные домики, высятся билдинги кооператива Минобороны и вместо птах всю ночь до рассвета, проснувшись ни с того ни с сего, взახлеб надрываются сигнальные пищалки «тревоги» в бесчисленных «жигулях», «москвичах» и «волгах» обитателей стройбатовских типовых шедевров.

Антропов пруд — маленькая страна моих страстей шекспировского накала и такого же жанрового разнообразия. Начать с того, что лет до тридцати я приходил на рассвете в теплое время на пруд писать стихи. И для этого устраивался на той скамье, на которой в разное время сиживал с разными дамами своего сердца. И дело не только в том, что любой пруд как бы традиционно предназначен для любовных свиданий и поэтических экзерсисов, а в том, что Антропов пруд — место многосюжетное, таинственное, магическое, роковое.

Его история не для «Мурзилки»: до революции купец Антропов, как рассказывали дворовые наши старухи, вырыл его под плавучий ресторан и отправил-таки ресторацию в путь по зеркалу вод, но посетители, упившись, взялись тонуть, и градоначальник приказал заведение закрыть. Закрыли. Купец Антропов, вгрокхав в плавучий кабак все состояние и не окупив затрат, последним, как капитан с судна, идущего на дно, гордо шагнул в воду в запредельном подпитии и утопился на глазах пристава и рассчитанной по совете obsługi ресторана. С тех пор пруд получил у окрестного люда прозвание «Антропова яма».

В тот год, этак лет тридцать пять назад, когда мы с матерью въехали в здешнюю «хрущевку», городские власти учинили Антроповой яме чистку и обустройство. Воду спустили. Вся ребятня округи сбежалась глядеть на это невиданное зрелище: по-

дну в резиновых сапогах до яиц ходили менты с баграми, лопатами, граблями и носилками (пруд к тому же был оцеплен) и собирали несметные сокровища — человеческие черепа и кости, револьвер, стеклоплату всех времен и народов, обувь, какие-то части каких-то механизмов... Трудились с утра до вечера. На следующий день берега, такие удобные для нашего вождения самодельных лодок и кораблей, ловли пивок и купания, стали цементировать. Через неделю к пруду, окантованному по кругу брусками бетона, подъехала цистерна, и два мужика из шанга запустили в пруд мальков.

Спустя два месяца на берегах плечом к плечу встали рыболовы. Их штрафовали, разгоняла милиция — безрезультатно. И тогда на пруду появилась Она... Не прошло недели — берега обезлюдели, даже мальчишки — даже! — приближались к пруду с оглядкой. Милиционер, забредая иногда в аллею вокруг водоема, скучал и конфузился, прерывая своим прохождением поцелуи парочек на скамьях. А причиной была Она.

Лет шестидесяти, с крупным, сильно бывшим в употреблении лицом, но со следами, что называется, большой красоты, обозначенной дешевым, но умелым макияжем (тогда этого слова не знали, сказали бы «умело наведенным марафетом»), всегда с выражением воинственным, с тяжким, сумрачным взглядом, в котором клубилась бездна, эта женщина поражала воображение еще и своим телом — жестко сплетенным в маленькие узлы мышц, легкоатлетически усушенным, прицельно стремительным, как древний боевой механизм из жгутов, прутьев и кожи. Целью этого «живого оружия» было обезлюживание водоема. Боевыми средствами — неженский бас, страшные ругательства, безжалостное рукоприкладство.

Мы скоро потеряли счет побитым или сброшенным в воду рыбакам, добыткам планктона, судомоделистам и просто тем, кто, лирически перекурив над водами, бросал в небезащитную волну окурков. Борьба этой старухи за идеальную чистоту пруда имела видимый, поверхностный предлог — на берег она выходи-

ла не одна, а вела за собой на ошейнике гуся. Пасла гуся на воде — на длинном поводке. Но истинная причина ее битвы за Антропову яму оказалась глубже — она лежала на дне. И поведали мне об этой причине бабки моего двора, всезнающие ветеранки района: «Это Роза. Балерина. Она с любовником мужа убила, на части распилила и в Антроповой яме по частям в мешках утопила. И теперь боится, что всплывут». Бабки мне рассказали, что Розу в округе лет сорок никто не видел с тех пор, как управлялась с супругом. Но как-то она проведала, что пруд решили очистить. Ко дню очистки Роза не послела, слава Богу, но теперь — охраняет. И ведь знает, что дно чистили, ничего против нее не нашли, а все равно боится: помешалась. А властям она выгодна — и порядок на пруду, и платить ей не надо.

Кое-кто из нас, мальчишек, и некоторые взрослые разводили рыбок, требовавших планктона. Я, мечтавший в детстве стать моряком, время от времени мастерил какой-нибудь линкор, фрегат и даже придумал подводную лодку без винта. А мой сосед по кличке Буратина просто, уйдя из дома, питался рыбой, выловленной на крючок в Антроповой яме. Старая балерина перешла дорогу многим. Мы решили ее пунуть.

Придумали так: в пять утра, когда Роза первый раз выводит гуся на воду (я, как певец рассветов на Антроповой яме, это засвидетельствовал), мы все, пацаны двора, раздевшись догола, залезаем в пруд. Славка Гаврикин, наш толстяк, как не умеющий плавать, стоит на «атасе»: при появлении старухи дает нам знак, мы ныряем и держимся как можно дольше под водой. За это время Роза подходит к берегу и мы, разом всплыв, бросаемся к ней из воды как мужья-утопленники.

Решено-заметано. И вот под бледным небом июньского рассвета нагишом стоим по шею в холоднотой, остывшей с ночи, парящей туманом воде пруда. Нас — семеро смелых. Гаврикин же в кустах, где спрятана наша одежда, высматривает Розу на аллее, по которой она обычно идет до воды. Мы стоим уже минут двадцать. Посинели губы, свело че-

ЛАРИСА ПАНКРАТОВА

люсти, поламывает суставы. Розы нет. Сил тоже нет. Силен ангел старухи, ее гений-хранитель: в этот день она вообще на пруд не пришла.

Вместо нее судьба посылает нам... стайку школьниц-выпускниц в белоснежных платьицах, волшебный сонм юных фей, сальфид, атласных снежных бабочек-хохотушек: «Мальчики! Какая прелесть — вы, наверное, моржи? Спортсмены? Вот настоящие мужчины! А мы от наших убежали — они противные, перепились, — а идите к нам! У нас вот шампанское охлажденное». (Это при том, что от пребывания в студеной воде по самый подбородок даже наши слезы, полившиеся вдруг струями из

глаз, вопреки физиологии — ледяные!) «Мальчики, ну что же вы! Нам скучно! Выходите к нам!» — щебечут выпускницы, хлебая из горла охлажденное, как было сказано, шампанское. А из кустов толстяк Гаврикин сигналил нам хлопками ладоней по плечам и, надувая щеки, дует в щепоть со страшными глазами. Мы просекаем: погоны, свисток — мент идет! Девочки, вам скучно? Сейчас вам станет весело и интересно. По команде одного из нас: «Раз—два—вперед!», с нечеловеческими трубными звуками из глоток, синие и осатаневшие, бросаемся к берегу, на выпускниц — ведь за ними в кустах одежда. Феи каменеют, немеют на се-

кунду, спустя которую спящую еще округу оглашает пронзительный невыносимо, исполненный смертного ужаса девичий многогорлый визг. И на него, напролом через кусты (где наша одежда и уже отсутствует, испарился толстяк Гаврикин) вылетает милиционер.

Бледный от недосыпа, сам перепуганный и изумленный, молоденький милиционер выдыхает мне в лицо табачный запах своей первой утренней сигареты: «Стойте!» Я изгибаюсь, как белый парус под боковым ветром и огибаю мокрым боком лоящие руки стража порядка... И вот ветер затвердел словно наледь на лице, а асфальт теркой зачистил по голым моим подошвам... За спиной мне в ушные перепонки прицельно выстреливают буравчики трелей милицейского свистка... Спасибо, спорт! Спасибо, тренер мой, изволивший меня, дурака, долгим и нудным бегом на разминках! Я бежал лучше, чем молодой рыцарь порядка. И убежал от него. И остановлен был только изумленными взглядами ранних, досыпавших на ходу прохожих, — возможно, они решили, что я им снюсь: посреди ослепительно светлеющего города голый и чумной от погони.

Я понял, что меня повяжут, как психа. И дунул обратно на пруд. И бежал теперь, по-моему, быстрее, чем от мента. И там, на пруду, я осознал, что московские девушки — светоч добра и квинтэссенция милосердия: мое барахло лежало там же, в кустах, а рядом валялась чья-то заколка с клубничкой пластмассовой и недопитая бутыл шампанского. Девушки были здесь, они здесь прятались, ветка обломанной сирени вырвала у кого-то из них заколку из волос — и они не утопили мои брюки и трусы в пруду!.. Так слава им, и да воздастся им по милости их!

...А покусился на старую Розу все-таки только один человек из всего района. Он ударом сбросил ее в пруд, когда она на него спикировала — за брошенную в воду опустошенную бутылку: это был Слива-младший, приблатненный ровесник мой. По рассказам видевших, сбита в пруд сядя балерина ни слова обидчику не сказала. А взяв психанувшего гуся на руки, стоя по пояс в воде, успокаивала его такими словами: «Тихе, тихе, не бойся, я с тобой! А этот черножопый, клянусь тебе, будет у меня кормить рыб на этом дне!»

С того дня Сливу-младшего никто даже близко от пруда не видел ни разу. А почему Розу другие не трогали, хотя толстовство в округе популярностью не пользовалось, — сказать затрудняюсь. Злая была старуха, грубая и драчливая, а вот не трогали — и все. Дамы часто загадочны, это я рано понял. И наше к ним отношение тоже не без тайны...

Свято место

Калеки живут своей собственной, непонятной жизнью

Ксения МОЛДАВСКАЯ

Вся московская история моей семьи связана с церквями. И вовсе не потому, что мои родственники ходили туда молиться. Как известно, большевики использовали культовые сооружения под различные «социальные нужды». При этом демонстрировалось незаурядное чувство юмора: в церкви Николы в Берсеневе помещалась редакция журнала «Культурно-просветительная работа», где трудился мой отец; в церкви Троицы в Листах расположились мастерские скульпторов, и бабушка лепила там с окрестной шпаны счастливое детство, образа нового времени. А вот церкви Покрова в Рубцове «повезло» совсем по-другому. Она осталась домом, но не Бога на земле, а художников, которые были счастливы уж оттого только, что есть у них собственный, хоть и крошечный, угол. Там родилась моя мама.

При таких невероятных ипостасях церковей и жизнь у них была самая невероятная.

В алтаре этой самой церкви проживала моя мама первые двадцать лет своей жизни. Храм, поделенный на множество комнатушек и мастерских художников. Никаких, естественно, удобств. Во дворе — железная дорога. В свободном пространстве под куполом скульпторы лепили циклопические фигуры, символизирующие счастье и благополучие. Здесь же и умирали эти фигуры после отливки. Вокруг гигантской кучи мусора в причудливых сочетаниях стояли безрукие, безногие и безголовые скрипачки, балерины, летчики, солдаты. Казалось, эти калеки живут своей собственной, непонятной жизнью. Жильцы запоминали расположение этих фигур, чтобы не вписаться в какую-нибудь из них ночью в абсолютной темноте: пять шагов вправо, на шестом — скрипачка, надо поворачивать, шаг влево, немного вперед по обочине развалин героя-летчика...

В подвале церкви в небольшом закутке жила чудом сохранившаяся монашка. Монашка пускала к себе квартиранток — девочек из деревни, и они вместе стегали одеяла, зарабатывая на пропитание. Девочки с головой бросались в городскую жизнь

и вскоре уже лучше коренных горожанок разбирались в дарах городской культуры, знали в лицо всех артистов и наизусть все песенки из кинофильмов. Постепенно каждая такая квартирантка рожала сколько-то младенцев и куда-то исчезала. А вскоре появлялась новая жиличка, и опять они вдвоем с монашкой стегали одеяла, чтобы прокормить себя и все появляющихся новых детей.

В колокольне была квартира скульптора Коли. Напившись, он вешался на балке, специально подгадывая к возвращению жены с работы. Жена приходила, при помощи соседок снимала Колю с веревки, приводила в сознание, а тем временем все дворовые дети с радостными криками «Коля повесился! Коля повесился!» взбирались по лестнице. Но однажды жена задержалась на работе. На профсоюзном собрании. Так и задохнулся Коля в петле.

Мама жила в ризнице алтаря. Крошечная комнатка, в которой с трудом умещалась семья: бабушка, дедушка и мама. Мама спала до двадцати лет на детской кроватке, к которой приставляли табуретку (во время дождя на этой табуретке прекрасно умещался тазик для капавшей с потолка воды), бабушка — на узенькой кушетке, чуть не уже ее самой, а дедушке, вернувшемуся с войны, а потом наезжавшему из длительных командировок, где он проектировал и строил светлые социалистические города на урановых рудниках, приходилось ставить раскладушку под стол, расположенный в середине комнаты. Окошко-бойница семнадцатого века, находившееся приблизительно на уровне второго этажа, было слегка расширено, так что мама, когда ее запирали одну дома, втягивала туда на веревке подружек, таких же глупынь лет десяти, как и она сама. Масштабы жилища не позволяли иметь собаку, поэтому у мамы жили: кошка, уж, еж и черепаха. А мыши жили сами по себе.

В этой комнатке часто бывали гости. Приезжали иногородние друзья, которых надо было оставить ночевать, выискивая в жилище еще кроху свободного пространства. Заходили скульпторы, чьи мастерские были в той же церкви: чайку попить, трешку стрелнуть, обменяться новостями, рассказать анекдот. Все они, во исполнение соцзаказа, создавали

возвышенные образы счастливого детства, здоровья, счастья и изобилия. Натурщиков находили тут же, среди нищей послевоенной безотцовщины, точнее — среди той ее части, которая хотела заработать денег, не нарушая закона. Надо сказать, что дети того пролетарского района в общении со скульпторами открыли для себя совершенно новую жизнь, настолько удивительную и непохожую на виденную дома, что хотелось попробовать пожить ею. Многие из них это желание подтолкнуло потом к поступлению в институты.

Рядом с церковью стоял бывший дом священника, естественно, более приспособленный для жилья. Там был туалет. Жильцы — местная аристократия: директор школы и ее муж, учитель рисования — больше заботились о быте, чем скульпторы, всю жизнь проводившие в мастерских среди глины, каркасов, камней, бывших, настоящих и будущих скульптур. В этом доме на окнах висели (невиданная роскошь!) занавески...

Все это — и дом, и церковь, и их жильцы — составляло единое целое. Двор. Уникальное сообщество, уже непонятное моим ровесникам. А сколько писали о таких московских дворах Рыбаков, Окуджава, Нагибин и многие другие москвичи.

В конце пятидесятых церковь наконец расселили, сделали там репетиционное помещение Юрловской капеллы. Мы с мамой приходили туда в какую-то из суббот, просили сторожа впустить нас внутрь. «Я тут родилась», — сказала мама. Сторож пригрозил спустить собак.

А еще спустя несколько лет все церковные здания стали возвращать верующим. В церковь мы с мамой теперь попадем, но никогда больше маме не войти в свое детство — в алтарь.

«Невеста Невестная»

Тайны девы Марии

В наши дни ни один культ не имеет характера столь массового, как тот, которым окружена Дева Мария. Вера в сверхъестественную силу Богородицы, подогреваемая ее частыми явлениями различным людям, создала ореол святости и непостижимости. Образ ее окружен благоговением, толпы паломников тянутся к связанным с нею святым местам. Но кем же была она на самом деле?..

«Невеста Невестная» (то есть невеста не в обыденном, земном, а в таинственном, необъяснимом смысле) — так поется в церковном гимне. Перед озаренным божественной благодатью ликом Девы Марии падают ниц сотни тысяч людей. Бедная палестинская девушка признана Богоматерью на большей части планеты. Мать Божья на протяжении вот уже двух тысячелетий остается главной загадкой христианства. Тем не менее к людям, почитающим Деву Марию в силу семейных традиций, присоединяются сейчас полчища молодежи: из всех идеалов старины новое поколение готово воспринимать только этот, расплывчатый и ирреальный, образ.

Такое поклонение весьма приветствуется Ватиканом, который руководит единственной в мире конфессией, насчитывающей больше последователей, чем последователей: римский папа еще раз доказал свою способность быть провидцем: там, где католическая Церковь по той или иной причине начинает терять поддержку образованных слоев населения, выручает Дева Мария, благодаря которой удается сохранить основной контингент простых верующих. Это еще более укрепляет и без того твердые убеждения нынешнего главы католической церкви, духовного сына Богоматери Ченстоховской, главной польской святыни, почитаемой всем христианским миром. В юности, в годы второй мировой войны Иоанн Павел Второй был отправлен на принудительные работы на заводы Солвея (химические заводы в Бельгии. — Э.Д.) и там дал обет посвятить свою жизнь Деве Марии. Его девизом стали слова одного из самых последовательных приверженцев Богоматери

святого Луи-Мари Гриньона Монфорского: «Totus tuus» («Все тебе»). Вся дальнейшая деятельность папы была подчинена этому принципу.

«Самое изумительное чудо в том, — иронизирует по поводу Девы Марии один ученый-рационалист, — что лишь благодаря ей сегодня заполняются католические храмы». Тем интереснее проследить истоки этой популярности, особенно если учесть, что подобных попыток до сих пор вообще не предпринималось.

Матери Иисуса в Священном писании уделено всего несколько строк, в евангелиях и посланиях святых апостолов, самые ранние из которых принадлежат святому Павлу. Их создание относится примерно к пятидесятым годам нашей эры. Впрочем, в отношении Марии ап. Павел был не слишком многословен. Нам приходится довольствоваться только таким сообщением: «Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» («Послание к Галатам», IV, 4,5). Трудно найти в этой фразе то, чего

в ней нет: выражение «который родился от жены» можно толковать по-разному. Некоторые богословы утверждают, например, что святому Павлу не было известно о непорочном зачатии.

Евангелие от Марка, написанное в шестидесятых—семидесятых годах нашей эры, тоже не изобилует сведениями о Марии. Святой Марк лишь дважды упоминает ее. В одном из эпизодов он излагает события, происшедшие во время проповеди Иисуса в синагоге в Назарете. Люди отнеслись к Иисусу с недоверием и стали насмехаться над ним: «Не плотник ли он, сын Марии...» (VI, 3). В стране, где любой юноша — прежде всего сын своего отца, фраза эта звучала весьма оскорбительно. Основная идея святого Марка ясна: Мария, как и все прочие люди, сотворена из крови и плоти, и материнство ее достойно восхваления только потому, что произошло оно по милости Божьей, снизошедшей за искреннюю ее веру.

Чтобы перейти от Марии из Назарета к Деве Марии, следует обратиться к религиозной литературе более позднего периода — к Евангелиям от Матфея (приблизительно семидесятые годы нашей эры) и от Луки (восемидесятые годы). В благоговении от Матфея нужно обратить внимание на следующий момент: святой евангелист Матфей рассматривает рождение Иисуса как рождение Мессии, Спасителя, делая ссылку на книгу пророка Исайи (VII, 14), написанную за семь веков до Рождества Христова: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (от Матфея, I, 23). Это предсказание, цитируемое Матфеем, происходит из так называемой «Септанта», перевода на греческий Ветхого Завета, который был осуществлен Птолемеем Филадельфийским в 283-м или 282 году до нашей эры. Оригинальный же текст на иврите выглядит совершенно иначе. «Се, девушка во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил». Оказывается, что Исайя употребляет древнееврейское слово «almah», что означает «девушка, достигшая

половой зрелости», а не «betwolah», которое означало бы «девственница». Однако в «Септанте» слово «almah» переведено как «девственница» («parthenos»).

В начале девятнадцатого века Уильям Генезиус обратил внимание богословов на это принципиальное различие, и в церковных кругах разразился скандал. Сейчас эта проблема трактуется Ватиканом следующим образом: если семьдесят два ученых автора «Септанты» еще за два века до рождения Христа перевели «almah» словом «parthenos», значит, так тому и быть.

Как бы то ни было, святой Матфей добавляет, что «Иосиф принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего» (I, 24—25).

Евангелие от Луки дает более полное представление о жизни Марии. Лука рассказывает о ней так, словно бы он сам (или кто-то очень ему близкий) был очевидцем описываемых событий. Именно в Евангелии от Луки подробно излагается история Благовещения архангелом Гавриилом, описываются посещения Девой Марией ее двоюродной сестры Елизаветы и Введение Богородицы во Храм.

Выражение «дева, обрученная мужу» (I, 27) дает нам повод предположить, что Мария была простой, без сомнения, очень юной девушкой (в то время у евреев возраст невесты был обыкновенно двенадцать лет). Вероятно, это была бедная и скромная девушка, которую могли выдать замуж против ее воли. Как и все в ее положении, она жила только одной надеждой — иметь ребенка. Именно на это обстоятельство указывает евангелист, рассказывая о Елизаве-

те, которая, будучи бесплодной, жила «в поношении между людьми». В отличие от греческой цивилизации древнееврейская отнюдь не приветствовала девственность. Идеалом еврейской женщины всегда считалась мать, родившая кучу детей.

В истории с Марией Бог позволил нарушить им же заведенный в избранном народе порядок: были опрокинуты устои традиционного религиозного общества, ниспровергнуты и патриархат, и матриархат, впервые с момента сотворения мира право слова получила женщина. Если верить Луке, Мария была первой по-настоящему свободной женщиной, и чудо непорочного зачатия она познала исключительно за свою безграничную веру, а не в силу Божественного предначертания, как утверждалось ранее.

Согласие Марии исполнить волю Божью излагается таким образом: «Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову Твоему» (от Луки, I, 38). Богословы обозначают подобное проявление веры латинским словом «Fiat!» («Да будет так!»). «Fiat», собственно, и есть отправная точка всех теологических изысканий, имеющих отношение к Марии. Согласившись поверить в немислимое, Мария стала одним из незыблемых постулатов христианского символа веры.

В обыденной жизни Мария страдает так же, как и любая другая мать. Повествование Луки о Деве Марии заканчивается следующей сценой: «Когда же Он (Иисус) говорил это, одна женщина, возвысивши голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие. А Он сказал: блаженны

слышавшие слово Божие и соблюдающие его» (от Луки, XI, 27—28). Иначе говоря, дар Марии происходит не от биологического закона, а от беспрекословного соблюдения слова Божьего.

Уже в разработанном виде данные о Марии мы находим в Евангелии от Иоанна (100 год нашей эры). Иоанн предпочитает вообще не поднимать вопрос о непорочном зачатии и, более того, — ни разу не называет Деву ее именем. По мнению исследователей, происходит это оттого, что личная жизнь Марии представляла для евангелиста куда меньший интерес, чем ее значение как символа. Поэтому прежде всего следует обратить внимание на эпизод, известный как «брак в Кане Галилейской» или «первое чудо Христа в Кане». «И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте» (от Иоанна, II, 3—5). Далее происходит чудо: вода в шести сосудах превращается в вино. И здесь возникает вопрос: почему Иисус называет свою мать женщиной? Второй раз он употребит это выражение, опять же обращаясь к ней, уже будучи распятым на кресте. Католические толкователи Евангелия полагают, что слово «женщина» является прямым намеком на то, что Мария ведет свое происхождение от Евы. Отец Рене Лорентен, эксперт Вселенского Церковного Собора, член Римской Академии, занимающейся изучением вопросов «мариологии», разъясняет: «Приводя целый ряд подтверждающих его предположение

деталей, святой Иоанн подводит нас к той мысли, что Дева Мария есть новейшее соответствие Евы, концептуальное творение Господа, которое должно возвестить приход Слова Божьего».

Из этой посылки исходит католическая доктрина святого Ирения (130—202 гг. н.э.), утверждающая, что «клубок непокорства Евы был распутан послушанием Марии». Иначе говоря, все то, что запутала женщина Ева своим неверием, неверием Богу, распутала своей верой Дева Мария. Доктрина эта отразится в догматическом Уложении 1964 года: «Смерть дана нам Евой, а вечная жизнь — Девой Марией».

Разумеется, у протестантов есть своя версия происшедшего в Кане. По мнению профессора богословия Элиана Кювильера, «между Марией и Иисусом не было отношений мать—сын... Мария была призвана изменить устои всего общества: она уже не Мать Мессии, но как дочь Израиля, поверившая в Мессию, мать всего христианского мира».

В любом случае для понимания роли Девы Марии в христианской религии история «первого чуда» очень важна. В свадебном пируестве святой Иоанн увидел глубокий символ — союз Бога с человеком через посредство Христа. С этой точки зрения ясно, что Мария, обращаясь к Сыну с просьбой наполнить пустые сосуды, выражает волю людей. «Желание помочь людям в Кане есть знак и начало ее заступничества на небесах», — подытоживает Рене Лорентен.

Понятно, что сведения о Марии, почерпнутые из Священного писания, отрывочны и немногословны: некоторые библейские стихи

упоминают о Марии настолько вскользь, что «мариологи» полагают их вообще «ненужными». Откуда же в таком случае являются чудесные биографические подробности, которыми изобилуют страницы детских катехизисов? Ничего загадочного — на протяжении многих веков христиане пытались воссоздать недостающие, но важные, на их взгляд, эпизоды. Среди произведений подобного рода особенно выделяются так называемые «апокрифические евангелия», объявленные отцами Церкви «крайне недостоверными».

В «Протоевангелии от Иакова» в деталях описывается рождение Марии. Также из этого произведения можно узнать о том, что родителей Марии звали Анна и Иоаким, что Иосиф был вдовцом и отцом нескольких сыновей от первого брака, что повивальная бабка Саломея «своим перстом» проверила девственность Марии после родов, что святой Иоанн приютил мать Иисуса в Эфесе (город, куда апостол удалился после Вознесения Иисуса на небеса). Все эти подробности должны были заполнить пробелы в канонических евангелиях.

«Евангелие от ПсевдоМатфея» написано по канонам романтической греческой красоты: «Ее лицо сияло, как снег под солнцем: с трудом люди могли задержать на нем взгляд... Каждый день она питалась лишь тем, что получала из рук ангела». Совершенно очевидно, что авторами этих сочинений двигало лишь одно желание — обожествить Марию.

Какое место занимает Дева Мария в сознании жителей самой, пожалуй, католической страны

Европы — Франции? Последний опрос общественного мнения, проведенный 12 мая этого года газетой «Монд», показал, что только 24 процента французов считают себя глубоко верующими и еще 24 — полагают себя верующими «по традиции». Однако 51 процент опрошенных верят в Воскресение Христово, а пятьдесят всерьез считают, что можно излечиться от многих болезней, совершив паломничество в Лурд (святое место во Франции. — Э.Д.). Это весьма показательно. В Страшный Суд и во Второе пришествие верить трудно — они напоминают о мимолетности и трудности бытия. Гораздо легче поверить в Марию — от нее ждут сиюминутного успокоения, утешения и исполнения желаний. Лучшее тому доказательство — тысячи французов, пробирающиеся через охваченные войной Боснию и Герцеговину, чтобы попасть в местечко Медгоре, где произошло последнее по времени явление Девы Марии.

Даниэль Эрвье-Леже, специалист по социологии религии, объясняет постоянство поклонения Деве Марии католиками тремя факторами. «Во-первых, значение того, что делала Мария, с течением времени отнюдь не уменьшилось. Как и прежде, человечество нуждается в защите — а история не знает большей заступницы, чем Божья Мать. Во-вторых, Мария выполняет функцию, условно говоря, «идентификации». Особенно это заметно во Франции, где, в принципе, не существует единой Девы, один большой образ распадается на множество локальных. Так появились, в частности, Богоматерь Парижская и Богоматерь Бельгийская. В век, когда все стремится к объединению и есть реальная опасность потерять традиционные культурные ценности, поклонение Деве Марии приобретает характер политический. И в-третьих, вера в спасительную миссию Марии усиливается в последние годы потому, что в западном мире растет недоверие к «научной» медицине. И если раньше чудесное исцеление считалось доказательством спасения души, сейчас в нем видят исключительно практический смысл».

«De Marie nunquam satis» («О Марии никогда не говорят достаточно») — эти слова святого Бернара, кажется, актуальны и по сей день.

Максим БУЛЬБА,
Эдуард ДОРОЖКИН
По материалам зарубежной печати

ской, но впоследствии никто из них не посвятил себя танцам. Старшая — Ольга — была единственной, кто сохранил русскую фамилию, она работает режиссером на телевидении. Три младшие взяли сценические псевдонимы — Одиль Версуа (Татьяна), Элен Валье (Милица) и Марина Влади — и стали драматическими актрисами. Однажды они даже сыграли вместе в чеховских «Трех сестрах», что само по себе как бы напрашивалось.

Марина в три года уже выступала на сцене, в девять лет озвучивала радиопередачи, в одиннадцать снялась в первом фильме — в «Летней грозе» у Жана Жере, а триумфальная «Колдунья» по повести Куприна в шестнадцать лет сделала ее знаменитой везде, включая Россию. Однако, по сути, как киноактрису у нас ее знают больше понаслышке, хотя за сорок

«Вишневом саде» и французскую писательницу Габриэль-Сидони Колетт в спектакле «Голубой источник», а также в нескольких телефильмах), на западе имя Марины Влади украшает обложки книг. Первой была известная нашим читателям повесть о Высоцком, за ней последовали «Рассказы для Милицы» (1989) и «Коллекционер из Венеции» (1990). А в 1993 году вышел в свет ее роман «Путешествие Сергея Ивановича», посвященный «нашей» войне в Афганистане, в котором криминальная, документальная и лирическая линии прихотливо переплетаются. Итог каждой главы этой книги подводит стихотворение Высоцкого.

Мы беседуем с Мариной Влади в баре напротив театра «Дону», где через пару часов начнется ее спектакль «Голубой источник». Она совсем не изменилась: те же чудесные светлые волосы, рассыпающиеся по плечам, та же милая улыбка, то же, сразу захватывающее вас, обаяние. Марина говорит по-русски без единой ошибки, но время от времени вставляет французские словечки и в конце концов, с досадой тряхнув головой, признается: «Совсем разучилась говорить по-русски — практики нет».

В последние годы она не снимается («В кино же почти ничего нет для женщин моего возраста, сейчас снимают только девчонок», — смеется Марина), делит себя между театром и литературой. Кем же она сегодня себя ощущает — актрисой или писательницей?

Актрисой я стала не по призванию, а силой обстоятельств — родившись в театральной семье. Истинным призванием стало писательство, хотя пришлось оно довольно поздно, в 45 лет. Но теперь оно превратилось в страсть и интересует меня больше, чем театр. А профессия актрисы никогда не поглощала меня целиком — жизнь матери, жены, любовницы всегда была для меня важнее. Писательская же работа связана с моей личной жизнью намного теснее. Чтобы писать, я должна проникнуть глубже внутрь себя, нежели когда нахожусь на сцене. В актерской игре, даже трагической, всегда есть элемент детства, забавы. А когда пишешь, нужно исчерпать свою боль, чувства до конца. Пишу я довольно легко, но много времени уходит на обдумывание. Размышляя над будущей книгой, прохожу в день по десять километров, стаптывая башмаки. Пишу только ручкой, поэтому могу работать везде — в кафе, гостинице, само-

Марина Влади: «Как всякая женщина...»

Актриса за письменным столом

Представлять Марину Влади нашим читателям вроде бы не надо — ее супружеская жизнь с Высоцким и повесть об этом «Владимир, или Прерванный полет» известны практически всем. Скорее, стоит представить ее семью.

Мать Марины Влади родом из Курска, но выросла в Петербурге, где окончила Смольный институт. Покинув Россию, она стала танцовщицей. Отец Марины — коренной москвич, до войны учился на инженера-технолога и занимался в авиационном спортклубе. Во время первой мировой войны был летчиком, воевал во Франции. После войны, оставшись за границей, семь сезонов пел в Опере Монте-Карло. Потом стал скульптором, но продолжал интересоваться техникой и даже изобрел в 1941 году устройство для быстрого снижения самолетов, что было очень важно при ведении воздушного боя. У них было четыре дочери: Ольга, Татьяна, Милица и Марина Полякофф. Все они учились в балетной школе «Гранд-опера» у М.Кшесинской и О.Преображен-

лет в кино Влади снялась более чем в восьмидесяти фильмах. А ее театральные и телевизионные роли здесь вообще никто не видел. Так и остается она на родине своих родителей юной колдуньей и недоступной парижанкой из песен Высоцкого.

В прошлом году Марине Влади исполнилось 55 лет. Об этом можно писать и говорить не обиняками — менее всего она склонна скрывать свой возраст. Ее личная жизнь также по-прежнему открыта: трое сыновей (от разных браков), предпочитающих жить с ней, а не отдельно, и муж, Леон Шварценберг — один из крупнейших в Европе онкологов, помогавший и многим деятелям искусства из России.

Внешне Марина Влади тоже очень открытый человек — простая, по-русски милая женщина, без косметики и вызывающих нарядов. На вопрос, что ей помогает держать форму, она отвечает: работа в саду, диета, спорт и то, что недавно бросила курить.

Помимо ролей (за последний год она сыграла в театре Раневскую в

лете, на любом клочке бумаги.

Все эти новейшие аппараты, якобы помогающие сэкономить время, ненавижу. К тому же время, отданное черновикам, я не считаю потерянным. Замысел книги — как вино, которое должно перебродить, как фрукты, которые должны вызреть на солнце. Каждую книгу пишу примерно три года. Писательская работа дала мне невероятную свободу, которой я никогда прежде не знала, ибо профессия актера — это все, кроме свободы, и я всегда страдала от того, что не могла быть себе полной хозяйкой. В кино, например, никогда не знаешь, что из твоей работы выйдет, бывают ситуации, хотя и редко, когда сделанное тобой не уз-

наешь, и тебе становится стыдно. Когда ты наедине с ручкой и листом бумаги, весь мир — твой. И я могу коснуться таких вещей, о которых никогда не могла бы говорить вслух...

У Марины открытый дом: свои дети, дети сестер — «на круг» их четырнадцать, коллеги, друзья, журналисты... С их приходом все диеты нарушаются. Что ни говори, гостеприимство — вещь сердечная и, чтобы хорошо готовить, надо и самой любить поеть.

— В России у меня всегда был открытый дом, да и здесь я полюбила гостей, часто устраивала праздники, обеды. Но после смерти в 1988 году сестры Милицы, человека очень мне близкого, что-то во мне сломалось. Теперь чаще хочется отдохнуть, подумать, посидеть дома, побыть одной. Вообще же, я очень люблю готовить — русские, итальянские, японские блюда, обожаю грузинскую кухню.

В ранней молодости Марина Влади была активной феминисткой, боролась за равноправие женщин. Однако, несмотря на обилие сыгранных ролей, главной для нее оставалась роль жены и матери. Она — женщина до мозга костей, и равные права ей нужны были только для того, чтобы иметь свободу от них отказаться.

— Зрелая часть человечества — это женщины. Что касается личного выбора, я всегда жертвовала карьерой, часто отказывалась от работы, чтобы быть, например, с Володиёй,

когда надо было просто спасти его. Но если не брать такие экстремальные ситуации, то и в другой, более спокойной моей жизни — а у меня их было несколько, — я предпочитала иметь детей, а не сниматься. Будучи молодой актрисой, в расцвете карьеры, я бросала работу на полтора года, сама кормила детей, занималась ими, как всякая женщина.

Последний раз Марина Влади была в Москве два года назад. Она с болью говорит о том, как много надежд, связанных с переменами, не состоялось, как шокирует ее то, что наряду с новоявленными богачами многие из тех, кто занят интеллектуальным трудом, выброшены на обочину.

— Глубокие человеческие чувства, всегда составлявшие прелесть моих человеческих общений в России, уходят; люди больше всего живут сегодняшним днем, озабочены тем, как выкрутиться, как прокормиться. Плакать хочется, когда на Западе показывают порнофильмы, снимаемые в России, где девчонки за доллары делают черт-те что. Но я не пессимистка и не допускаю, что Россия погибнет и развалится. Русские и бывшие советские — я оговариваюсь не случайно, ибо, несмотря на глобальную разобщенность, единство все же существует, — конечно, гораздо культурнее и интереснее, чем, скажем, американцы. Сравнительно с человеческой жизнью, наверное, переживаемый кризис будет долгим, но в истории это всего лишь краткий миг...

Светлана ЛОМИДЗЕ

Париж

ИТАР-ТАСС

Плоть как торжество духа

**«В честь русского балета Сергея Дягилева»
Труппа Анжелена
Прельжокажа (Франция)**

Сколько «Дягилевъ-центровъ» ни заводи, а все равно только французская труппа имеет право в наших палестинах на честь «Русских сезонов». Прельжокаж действительно поставил спектакль-хommage («в честь...»), а не спектакль-монумент («памяти...»). Тут видится поэтическая концепция во всем, даже в холодных числах. Три премьеры дягилевских «сезонов», выпущенные с шагом в шесть лет, хронологически переставлены: по краям — «Парад» (1917) как последний и решительный скандал предреволюционной эпохи и интеллектуальный ритуал «Свадебки» (1923), а в центре — популярнейший концертный кунштюк «Призрак розы» (1911). Иначе: по краям — Сати и Стравинский как высшие достижения музыки XX века, а в центре — веберовский романтический дивертисмент двухсотлетней давности. Или: по краям — ансамбль как главное действующее лицо спектакля, а в центре — легенда об уникальных солистах. И так далее. Каждый сюжет в целом в комментариях не нуждается, как, впрочем, и в повторении. Последнее очень важно для спектакля Прельжокажа: постановщик знает, помнит, но не пытается

Анжелен Прельжокаж
в балете «Парад»

повторить. Он как бы вытянул из прямой линии событий три вершины треугольника и сделал свою концепцию-конструкцию невероятно устойчивой. Заодно избавился от словесных деклараций очевидного: спектаклей 1911—1917—1923 годов нам никогда не увидеть, потому что никакие археологические изыскания, воспоминания современников, фотографии и медиумические опыты до сих пор не вызвали хотя бы призрак ушедшего времени. Ни призрак Нижинского, ни призрак розы. Люди, умевшие так двигаться на сцене, сочинять музыку и воспринимать зрелища, увы, умерли. Живые умеют по-другому. А чтобы живое искусство не походило на труп, придавленный мемориальной доской с датами в скобках, даты эти, следуя примеру Прельжокажа, надо переставлять. Тогда не трудно будет призрак скандала начала века облечь плотью салона конца века, призрак утраченного танца оживить плотью вечного экзерсиса, а призрак немодной томительной страсти представить как вполне современное томление плоти. Ведь вообще-то плоть — единственно возможный материал для хореографа. Плоть живого тела и плоть искусства, состоящая из очевидных банальностей и скрытых от глаз трудностей — но не из страха перед ними. Творческая свобода албанца из Парижа вызвала в России одобрительное недоумение. Здесь все еще мучительно выбирают и никак не могут выбрать свободу.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Похвала школе

**«Париж глазами
Геннадия Глахтеева»
Галерея «АртА»**

«Володя — ты молодец!» — размашисто пишет Мстислав Ростропович в книге отзывов. Окружающие счастливо улыбаются. Дело происходит в провинциальном Оренбурге на открытии выставки «Париж глазами Геннадия Глахтеева» в галерее «АртА». Похвала относится к владельцу галереи

Г.Глахтеев. Окна, х/м, 1993 г.

Владимиру Ольхову, сумевшему на родной земле организовать выставку художника, понравившегося даже избалованной парижской публике. Свет, парижские мосты, магнетическое состояние влюбленности в Вечный город и женщину — вот содержание тридцати холстов, теперь принадлежащих «АртА». Ольхов, наверное, чего-то не понимает в сегодняшней жизни. Собирает в коллекцию не салонные натюрморты и открыточные виды исторических мест или модных авангардистов, а плохо продающихся на нашем рынке художников. Делает их персональные выставки, издает каталоги, достает холсты и краски. Сейчас у него пятьдесят работ Г.Глахтеева, Ириды, Г.Резановой, А.Ханина, Е.Ерохина, А.Власенко — тех, кто составляет костяк школы, названной искусствоведами Оренбургской. Сам Ольхов уже год ходит учиться искусству к Г.Глахтееву. Новое время, новые нравы, господа. Галерейщиками не рождаются, ими становятся. В нем (кстати, бывшем директоре школы) заложена огромная тяга к прекрасно-неожиданному, к тому, что может удивить, потрясти, стать главной целью в жизни. И получается, что понимает он больше многих специалистов. Ведь над его галереей всегда светит живое солнце.

Д.ЛИВИНГСТОН

Светская хроника

**«Лимита»
Россия—Франция,
реж. Д.Евстигнеев**

Рабочее название картины было другим — VIP, т.е. «очень важная персона». Перемена названия — точная ретроспектива перемены участи «прослойки». Так что меланхоличную грусть навеивает недавний крошечный инцидент в журналистской тусовке, когда далеко не юный автор модной газеты, получив в жизни аккредитацию ВИПа, от счастья сменил свою фамилию на эти три веселые буквы. Авторам «Лимиты» такое никогда не пришло бы в голову, поскольку им не надо было проходить всех ступеней перемены участи, а «новыми русскими» их сделала знаменитая фамилия родителей и дата рождения. Они имели бы такую аккредитацию в жизни в любом случае, как пушкинский Гринев — офицерский чин. Тем трогательней то, что сын великого актера Евгения Евстигнеева понимает роль безымянных иногородних лиц разной национальности в становлении нынешней верхушки отечественного middle class. Конечно, это роль в массовке, однако известно, что массовка даже в самой элитарной тусовке отлично играет короля при наличии отсутствия такового. Но вот сыграть драму массовка не может. Несмотря на то, что в создании сценария

принимали участие П.Луцки и А.Саморядов, а оператором был С.Козлов, т.е. признанные лидеры нашего молодого кино, Денису Евстигнееву все же не удалось сложить сюжет и создать сколько-нибудь стройное по композиции зрелище. Вышел ряд более или менее удачных клипов и зарисовок. Первая попытка хорошего оператора стать режиссером окончилась неудачей, поскольку (помимо прочего) нельзя рассказать связную полнометражную историю, не преодолев косяноязычия трехминутных клипов. Поэтому единственное, что запоминается, это — самодовольное лицо Игоря Верника, непристойно-хамский жест в танце, поставленном Аллой Сигаловой, и черный сарафанчик Кристины Орбакайте от лучшего богемного кутюрье Павла Каплевича. Для клипа и светской хроники — достаточно. Для кино — нет.

И.Л.

Яблоко, которое может упасть

Выставка Ульяны Колесовой «Синяя рыба»
Галерея на Солянке

Характерная деталь (будто метафора всего эстетического принципа художницы): фон большинства работ — как бы монохромный, но всякий раз пробиваются сквозь него почти незаметные цветные блестящие... Живопись Колесовой представляет тот лагерь в современном искусстве, который находится в наиболее сложном, чтоб не сказать — двусмысленном, положении: не желающий ни повторять до бесконечности пройденное («Не Васнецов, не Шишкин...») — делилась тоской с немногочисленными посетителями служительница галереи), ни осуществлять пресловутый «прорыв», приводящий сегодня лидеров художественного авангарда к отказу от живописи как вида искусства. Эти работы вполне традиционны в своей вполне традиционной и изящной фигуративности, легко прочитываемой композиции цвета (иногда, пожалуй, слишком прямолинейной — как в «Вертящемся стуле»), в

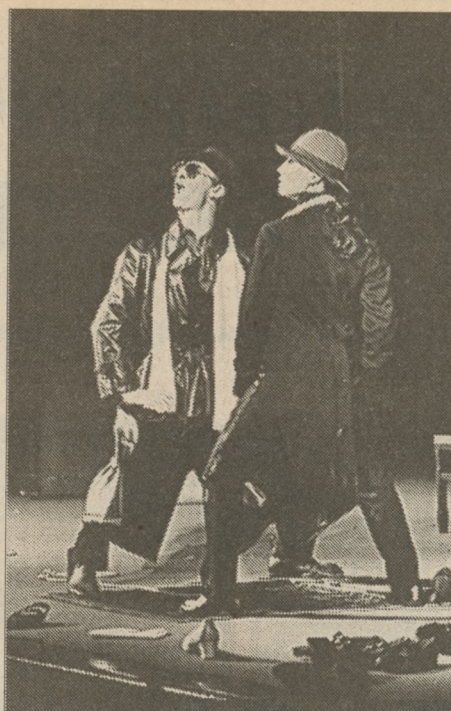
своем — страшно сказать — гуманистическом пафосе («Маленькая птица и большая клетка», «телефонный» диптих). Такая традиционность в сочетании с присущим Колесовой образным лаконизмом позволяет, сохраняя стилистическую цельность, абсорбировать разные манеры: от вполне реалистической, с легкой примесью примитива («В ожидании хорошего») до нарочито-игрового примитивизма шаржевого толка, в духе всеинтеллигентски популярных картинок Курицына в «Сегодня» («Животные, выходящие из поля зрения»), от почти символизма («Дракон») до почти концептуализма («Лифт», «Летчик и космонавты»). Лучшая, пожалуй, — в композиционном, цветовом, образно-стилистическом отношении, — работа выступает и в качестве программной. «Яблоко, которое может упасть» — сильная метафора самоощущения художника на исходе второго тысячелетия от Рождества Христова, в постперестроечной России.

Итар ТАССОВ

Все холоднее холода

Гастроли Грузинского театра им. Ш.Руставели

Знаменитая тбилисская труппа месяц давала представления в помещении театра им. Вахтангова. Из четырех я видел два, оба — поставленные самим Робертом Стуруа, оба по Брехту. Сопоставление «Кавказского мелового круга», легендарного, девятнадцатилетней выдержки, с совсем новым «Добрый человек из Сычуани» поучительно и печально. Это — сопоставление счастливого воспоминания об ушедшей молодости, мгновенно пробежавшего по времени, и встречи с молодостью сегодняшней, кое-как дотащившейся через пространство из точки А, где война ускоряет память о мире, в точку В, где мир роковым образом позабыл о том, что разум, добро, справедливость — суть не правила, но исключения,

Сцена из спектакля «Добрый человек из Сычуани»

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН («СЕГОДНЯ»)

требующие ежеминутного усилия. «Круг», в котором Стуруа, художник Алекси-Мехишвили и композитор Канчели вернули условной брехтовской Грузии ритмы, интонации и краски своей родины, оптимистичен. Мироощущение спектакля — такое же искрящееся и пенное, такое же пламенно-золотистое и терпкое, как дар виноградной лозы: никто не трезв не только на сцене — содержимое бутылки, к которой то и дело прикладывается гениальный Рамаз Чхиквадзе (Аздак), шибает в голову даже сидящим далеко от рамп. В этом опьянении — залог справедливого, «соломонова» мироустройства, где добрые движения души непременно вознаграждаются. От спектакля остается редкостное по нынешним временам чувство внятности смысла, изливающегося столь неудержимо и естественно, что о «приемах» даже как-то неудобно говорить отдельно. Иное дело «Добрый человек». Спектакль не то чтобы цитатен, но та же лепка многолюдных мизансцен, тот же набор телесных иероглифов — gestus-ов, та же эксцентричная подача голоса плюс музыкальное сопровождение, заимствованное из старых спектаклей,

незамедлительно обращают на себя внимание, как бы оттягивая его от постижения смысла. И постижима ли вообще история о тягостном раздвоении человека, которого не могут исцелить ни глуповатые боги, ни тем более шибко умная толпа, только и знающая что мотаться и мельтешить, вымогать и клянить, угнетать и подличать? Нино Кварадзе (Шен Те-Шуй Та) — протагонист не менее восхитительный, чем Чхиквадзе в «Круге»: от ее тонкой, гибкой, неправдоподобно подвижной фигурки нельзя отвести глаз. Только вот вспоминаешь о раблезиански знойных, дородных и громогласных «хороших» героях «Круга», и становится ясно, как холодно должно быть Шен Те, этой чернильной снегурочке, костенеть в пиджаке Шуй Та. Мир, где нужно, но невозможно «быть хорошей и, однако, жить», не понятен ни ей, ни самому Стуруа. Все, что они могут, — это не петть беспросветную брехтовскую «Песнь о дыме»: «Все холоднее холода, к которым он уходит. Вот так и ты пойдешь за ним»...

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Дневник У.

Рекламная полоса

К итогам театрального сезона

Сцена из спектакля «Борис Годунов»

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (СЕГОДНЯ)

Один из критиков, завершая обозрение предыдущего сезона на столичных сценах, вывел мрачный прогноз: из театральной Мекки Москва очевидно и неуклонно превращается в театральные Помпеи. Столь апокалиптическая перспектива заслуживает безоговорочного порицания. Не потому, что масштабы упадка определены неверно — и нынешний сезон явил тому блистательные доказательства, — но поскольку само сравнение как тенденциозно, так и претенциозно, а значит, формулировка требует корректировки.

Ведь плод раздраженного Везувия — мертвый город, а царящая на столичных подмостках суматоха может сравниться разве что с сегодняшней толчеей в Лужниках. Есть, правда, залы, где гулкие шаги одиноких зрителей тревожат напоминанием о криминогенных улицах, но существуют и переполненные партеры. Можно, конечно, попасть на спектакль, в котором пульс еле ощутим, однако нередки и постановки с лихорадочным его биением. Словом, «здесь все есть, коли нет обмана», и даже последний наличествует в неограниченном количестве.

Театр и в самом деле трансформируется, но не в музей, а во что-то более энергичное и демократичное. Представить, во что именно, будет легче, если приглядеться к наиболее характерным образцам его продукции, которые привлекли широкое внимание (и достаточные инвестиции) в минувшем сезоне.

«Что в имени тебе моем?» — примерно так звучит девиз целой группы зрелищ. Ответ на этот вопрос заключен в цене на билеты, значительно превышающей разумные пределы, — предполагается, что за такую сумму предлагается нечто в высшей степени оригинальное.

Ностальгия по монархии давно уже обволакивает некоторую часть постсоветского общества, на что подмостки откликаются многочисленными историями из жизни коронованных особ. Кроме того, по-прежнему интригующей и волнующей представляется частная жизнь знаменитостей прошлых лет. Когда обе волны соединяются, рождается девятый вал: Екатерина Великая в воплощении не менее великой Галины Вишневской.

Общность дам подчеркивается прежде всего роскошью непрерывно сменяемых нарядов — от официально-парадных туалетов до изящного и привлекательного неглиже. А в знак величия прямо в зрительской стрелает специально установленная для того пушка. Наконец, параллель подчеркивается и музыкальной фразой, которую поет Екатерина над трупом молодого любовника, — эти секунды, безусловно, лучшие в зрелище, ра-

стянутом на часы.

Конечно, императрица, да еще влюбленная, — благодатный материал для каждой актрисы, желающей продемонстрировать свое понимание российской истории и количество платьев; в минувшем сезоне появились, кажется, сразу четыре Екатерины. Но все же образец, данный на мхатовской сцене, можно считать непревосходимым: звонкость актерского имени в сочетании с тривальностью результата дали контраст выразительнейший.

Не следует, однако, полагать, что в пристрастии к коронованным особам сцена забывает о своем род-

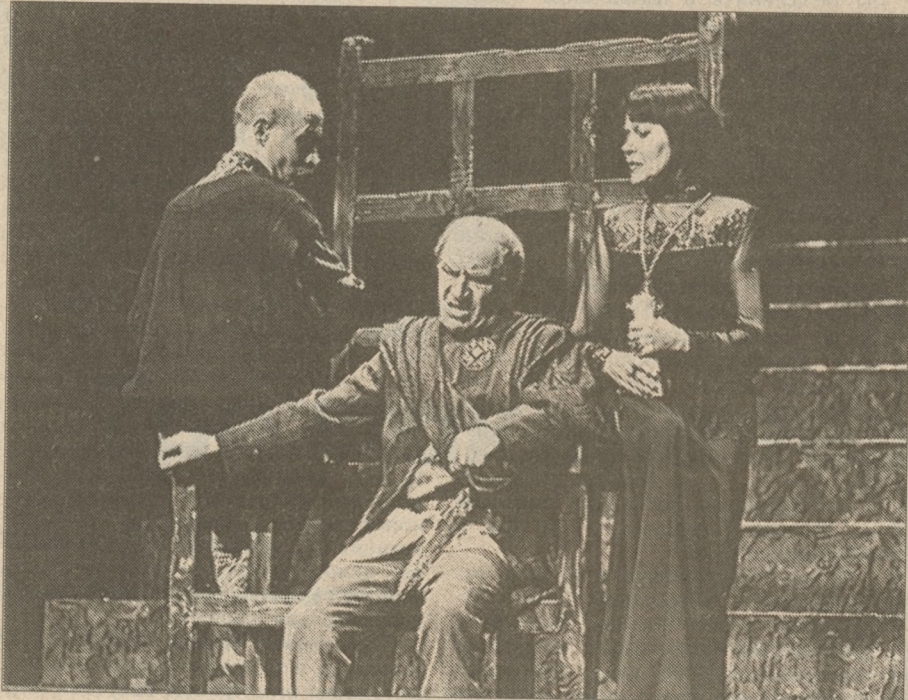
красивая жизнь и не случилась, но дворянское достоинство сохранено.

Надо признать, что сцепление обстоятельств ни в малейшей степени не соответствует действительности, однако ни драматурга Александра Галина, ни театр это не смущает. До истины ли тут, когда предоставлен шанс выжить из публики, имеющей весьма смутное представление о княжеских порядках, сочувственную слезу. В результате даже популярные и любимые артисты кажутся участниками сельской художественной самодеятельности.

В жизни, как известно, слезы смешаны со смехом или чередуются

того мужчины на исключительно женское собрание. Автор не питал особого уважения к организаторским и мыслительным способностям представительниц прекрасного пола, но не в силах был отказать им в обаянии. В спектакле дамы выглядят настолько унифицированными, что даже самые игривые, пикантные, гривуазные и прочие подробности не вызывают отклика зрительного зала. Веселье на подмостках оборачивается унынием по ту сторону рамы.

Похоже, чтобы развеселить народ, мало одного желания — требуется еще и умение. Нужны собственные

Сцена из спектакля «Гамлет»

Сцена из спектакля «Береника»

ном соотечественнике-современнике, тем более — современнице. Есть и им место под софитами, для них тоже изыскивается возможность поблестать в модных нарядах, равно как и пострадать в новых экономических условиях. Самый назидательный тому пример — «Титул» в «Современнике».

Уже сюжет настраивает на трогательный, душе- и сердцещипательный лад: некая княгиня, сохранившая документы о своем знатном происхождении на протяжении темного советского периода, теперь, когда можно не скрывать причастности бывшей элите, вынуждена продать титул, чтобы обеспечить достойное существование дочери. Сделка не состоялась, и расстроенная дочь покидает любимого, но необеспеченного итальянца, чтобы начать новый жизненный этап с более благополучным в финансовом отношении немцем. Маме везет больше — хотя

с ним. Сцена готова откликнуться и на такой социальный заказ под лозунгом типа «Пусть нам лешие попляшут, попоют». Хотя лешие, разумеется, как и прочая нечисть, совершенно необязательны. Напротив, желательны произведения классические, в соответствии с потребностями модернизированных.

Рецепт достаточно прост — берется, допустим, Аристофан, о пьесе которого «Праздник Фесмофор» у простого зрителя представление весьма смутное. Помните, что древние греки в комедиях пели и плясали, — значит, переведя на язык конца XX века, выходил у них мюзикл. Поскольку их музыка, в отличие от текста, не сохранилась, надо написать свою, и пусть исполнители хором или соло выпевают древнегреческие строфы с фальшивыми микрофонами в руках под фонограмму.

В Аристофановой комедии суть интриги — в проникновении переоде-

мысли и нестандартный способ их выражения — иначе не помогут даже самые знаменитые авторы. Как это произошло и в Вахтанговском театре, где прославленная «Опера нищих» Брехта-Вайля, несмотря на участие в спектакле молодых, энергичных, динамичных актеров, вызывает лишь зевоту до раздиранья скул.

Но было бы непростительной ошибкой полагать, что столичная сцена рассчитана только на обыкновенного зрителя, ищущего развлечения или жаждущего поглазеть на знаменитостей. Наоборот, в меню наличествуют и яства для интеллектуалов, изыски для гурманов духа. Способ их изготовления тоже не отличается сложностью.

В Театральном центре имени Ермоловой эксперимент произведен над пушкинским «Борисом Годуновым» (для подтверждения подлинности взято натуральное название —

«Комедия о настоящей беде...»). Точнее, не над одним Борисом, но и его соперником Гришкой Отрепьевым. Постановщик подметил удивительное совпадение, до тех пор никому, по-видимому, не приходившее в голову, — оба противника, и тот, кто занимает трон на момент действия, и тот, кто воссядет на него позже, не имеют законных прав на российский престол. Оба самозванцы, конец обоих бесславен.

Раз так, то мысль, пришедшая в режиссерскую голову, должна обрести на сцене чрезвычайно определенную форму — чтобы никому не удалось предположить нечто более сложное

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН («СЕГОДНЯ»)

Сцена из спектакля «Чайка»

в российской истории и в поэтическом творении. На сей случай пушечный залп заключен в самом решении: Гришку и Бориса играет один актер — с избавлением от сцен, тому мешающих, и введением длинного и подробного эпизода с переодеванием и преображением. В упрек постановщику следует поставить лишь незавершенность идеи: ведь среди персонажей «Бориса...» есть и другие, сумевшие посидеть на троне, — к примеру, Марина Мнишек. Так что для полного эффекта стоило и ее присоединить к той же компании, дав сыграть тому же актеру. Впрочем, это говорит лишь о перспективности избранного театром пути.

Наряду с ошеломляющими открытиями театр не гнушается и просветительской миссии, предлагая своим посетителям чрезвычайно наглядные изложения знаменитых шедевров. Самым выдающимся образчиком здесь явилась «Чайка» в той по-

ловине Таганки, что именуется Содружеством ее актеров: даже колдовское озеро оказывается тут вполне натуральным водоемом.

К слову, по результатам сезона абсолютно непонятны распри, сотрясавшие, да и продолжающие раздражать некогда единый театр. Поскольку премьера второй его половины — «Живаго (Доктор)» — показывает совершенно тот же, чисто иллюстративный подход к столь, казалось бы, несхожим авторам, как Чехов и Пастернак. Право, при всей условности постановки Юрия Любимова и детальности режиссуры Сергея Соловьева их спектакли вполне можно было бы объединить в нечто типа «Доктора Чайки». Эстетическая ценность обоих произведений нисколько бы не пострадала.

И все же более многообещающим выглядит стремление к адаптации шедевра: в столь стремительное время мало у кого хватит терпения вчитываться или вглядываться в полномасштабные полотна. Комикс — великое изобретение цивилизации — позволяет за считанные минуты пересказать интригу любого тома, а то и нескольких. Театр пока еще робко, но все активнее перерабатывает драматургическую продукцию, стремясь помочь зрительскому пищеварению. Академические группы в этом отношении явно отстают: сократили в Малом театре сцены из «Волков и овец», но на большее не решились. Выкинули несколько эпизодов из «Бориса Годунова» — на том и остановились.

Новые театры берутся за дело решительней и энергичней. Особо отличается Театр Антона Чехова, в просторечии именуемый антрепризой режиссера Леонида Трушкина. Ранее он уже переделывал «Сирано де Бержерака», однако теперь масштаб неизмеримо вырос — до Шекспира. «Гамлет» в «версии» (специально начертано в афише) Трушкина потерял множество персонажей (рационализация) и текста, превратившись в полуторачасовое зрелище. Правда, и здесь постановщик застревает на подороге: если есть силы избавиться от тени отца Гамлета, то почему бы не изъять и самого датского принца? Но не будем торопить события — носящий славную фамилию театр еще не раскрыл всех своих потенциалов.

Все вышеперечисленные типы сегодняшних представлений не обязательно сохраняют свою видовую чистоту — встречаются и симбиозы. Просветительская тенденция мирно уживается с блеском актерских имен — как в совместного производства «Ужине» (партнеры — чеховский МХАТ и театр Табакова, а конкретно сам Табаков и Джигарханян). Взамен песен и плясок можно продемонстрировать сногшибатель-

ные костюмы — как в спектакле Мастерской П.Фоменко «Как важно быть серьезным», ради такого случая заполучившей подиум Дома моды Зайцева, а заодно и одного из его учеников-модельеров. Или даже суперсовременные иномарки, что происходит при исполнении «Тачки на колесе» (независимый проект) в специально арендуемом автосалоне.

Излишне упоминать, что на качество зрелища все это никак не влияет, упаковка — разных колеров, блеска и стоимости — покрывает примерно одинаковое содержимое. Совершенно безразлично при этом, идет ли речь о заслуженном стационаре с освященными гениальными фамилиями традициями, или о театре, известном лишь единственным спектаклем. «Плач в пригоршню» во МХАТе имени Чехова ничем принципиально не отличается от «Византии», идущей в каком-нибудь Театре Луны. «Шизофрения, как и было сказано» в некогда популярном Театре Сатиры свободно рифмуется с «Деревом превращений» полупериферийного экспериментального театра Спесивцева.

Когда-то советский театр приспособился к системе, напоминая айсберг со своими блестящими гранями и сверкающими вершинами. Под демократическим жаром громада стала таять, обнаруживая грязь и наращивая мутные потоки. За ними трудно рассмотреть грядущую физиономию сцены, хотя с уверенностью констатируется нынешняя ее ориентация на формулу «числом поболее, ценою подороже» (имеется в виду стоимость посещения, а отнюдь не художественная ценность).

Существуют, правда, еще отдельные лица, а то и целые компании, памятующие о театре как искусстве. Им — Петру Фоменко и Алексею Левинскому, Борису Мильграму и Климу, Сергею Арцибашеву и Сергею Женовачу (недостающих вписать), равно как и создателям «Береники» в Российском Молодежном или «Молитвы» в «Человеке» (необходимое добавив), обязана столичная сцена сохранением цепи времен и надеждой. Но это — немногие могикане, на которых наступает новая цивилизация.

Театральная Москва преобразуется не в руины или музейные экспозиции. Скорее — в рекламную полосу газеты, где каждый хвалит свое дело и свой товар в меру умственных и финансовых возможностей.

А за достоверность рекламы газета, как известно, ответственности не несет.

Алексей ПЛАВИНСКИЙ

У Владимира Новикова в русской литературе — странная репутация. С одной стороны — доктор филологических наук, придиричивый буквоед, автор фундаментальных исследований о пародии, о Тьяньнове, первой литературоведческой книги о творчестве Высоцкого... С другой — анфан террибль, любимый автор «Синтаксиса», остролов, циник-парадоксалист, разрушитель репутаций. Попасть под горячую (скорей, ледяную) руку Новикова — значит хуже, чем под колесо истории. Авторитетов для него нет.

Если вдуматься, противоречие тут кажущееся. Просто как филолог-профессионал Новиков работает с текстом. Не с репутацией, не со знаками престижа и не с литературными штампами. Он, кажется, один из немногих читателей среди русских писателей. Писателей — ибо Новиков умеет излагать свою сложную, извилистую мысль изящно и просто, без терминологических изысков, без ориентации на своих. Опыт такого беспристрастного прочтения нескольких «священных текстов» он и предлагает читателям «Столицы».

Цикл эссе Новикова называется «Три стакана терцовки». Название отсылает к опыту Абрама Терца — еще одного академического филолога, отваживающегося просто и весело высказывать собственные мысли о «нагом теле текста», как определил это Новиков. Не сомневаемся, что эссе Новикова о кумирах сегодняшнего литературного истеблишмента разозлят многих. Автор на это шел сознательно. Первый текст посвящен Венедикту Ерофееву. Второй — Бродскому. Третий — Николаю Рубцову, канонизированному противоположным литературным лагерем.

Людям нервным, мрачным и глупым чтение эссе Новикова не рекомендуется. Кроме терцовки существует еще много других напитков. Например, лимонад «Липовецкий» или кислое молодое вино «Курицынандали».

Д.Б.

Три стакана терцовки

Владимир НОВИКОВ

Выдуманный писатель

(О Венедикте Ерофееве)

«За последние годы все те, кто хоть сколько-нибудь следит за движением отечественной словесности, столкнулись с явлением столь же невероятным, сколь и неизбежным: Венедикт Ерофеев стал признанным классиком русской литературы».

«Были уже верующие, еще не было Евангелия. Но оно должно было появиться, и оно было написано. «Москва — Петушки», автор Венедикт Ерофеев, текст с начала и до конца поэтический и эзотерический».

«Я бы назвала поэму «Москва — Петушки» гениальным русским романом второй половины XX века».

«Венедикт Ерофеев — гениальный писатель счастливой участи, не часто выпадающей на долю творцов такого калибра. Он сумел впрессовать в свою небольшую поэму национальный характер и историческую судьбу народа...»

Ну, кто больше?

Гений — раз, гений — два, гений — три! Продано!

Вы давно перечитывали «Москву — Петушки»? Только честно.

А я вот только что закончил чтение — и не помню уж в который раз. Пока вы развлекались, без труда накручивая развесистые комплименты, я работал с текстом. Нелегкая работа, должен сказать. Текст в тяжелом состоянии: до летального исхода еще не дошло, но композиционная динамика почти отсутствует, главы-близнецы механически сменяют друг друга. За двадцать с небольшим лет сильно износился язык, обветшал, индивидуальных авторских словосочетаний и конструкций не сохранилось: уходят в прошлое вместе со временем написания. Что-то еще говорили про смех. Может быть, и была

смеховая пульсация когда-то, но сегодня комический эффект отсутствует.

В общем, чтобы проехать вместе с автором этот недлинный маршрут, периодически приходилось делать тексту искусственное дыхание, отдавая свои последние силы. Должен со всей ответственностью предупредить: долго он не протянет.

Понимаю, что жуткую непристойность ляпнул. Разом всем настроение испортил. Никто теперь водиться со мной не станет. Эх, Собакевич я, Михайло Семенович! Поднял свою недостойную руку на единственную, быть может, литературную святыню своего же собственного круга.

Конечно, сделав над своей совестью усилие, я тоже мог бы попробовать играть вместе со всеми в культ Венички Ерофеева. Поднадужившись, можно родить еще большую похвалу его поэме. Но нужно ли это кому-нибудь? Уверен: когда мы честно обмениваемся эстетическими оценками, на какой-то миллиметр к истине приближаемся. А там, глядишь, не только в литературной области, но и в сопредельных сферах врать станут меньше.

Обращаясь к тексту, стараюсь соблюдать принцип, что называется, презумпции невиновности. То есть исхожу из приоритета положительной оценки, читаю любовно, перевоплощаясь в автора, как в близкого мне человека. И, если полюбить не удастся, я испытываю боль, поскольку ответственность авторскую принял на себя.

Я, конечно, вникал в оценки и высказывания апологетов, пытаясь путем вживания в чужую точку зрения согласиться с нею. Что же ставилось Ерофееву и «Москве — Петушкам» в плюс?

1) Жанр поэмы; 2) библейские мотивы; 3) Веничка; 4) водка; 5) смеховая культура. Аргументы все интересные, давайте в них разбираться.

Действительно, поэмой «Москва — Петушки» названы с вескими основаниями. Произведение разворачивается не фабульно, а интонационно. Абзац эквивалентен строфе, фраза —

стиху. Для конца шестидесятых — начала семидесятых годов это было достаточно экстравагантно. Но кто сказал, что поэзия лучше прозы, а поэма — лучше повести или новеллы? Всякий синтез прозаичности и поэтичности, всякое построение на грани прозы и стиха должно оцениваться по тому, какой эффект автор из этого смог извлечь. Мне кажется, в «Москве — Петушках» «поэзность» и «поэтичность» выполняют по отношению к прозаической структуре примерно такую же функцию, какую в футболе — игра руками. Поскольку связь между эпизодами, картинками, сценками часто механическая, не более сложная и богатая, чем последовательность железнодорожных станций, — все композиционные проблемы решаются время от времени чисто волевыми поворотами на себя, на лирического героя.

А тот в свою очередь удивительно верен себе: каким был в начале, таким остается к моменту своей литературной гибели. Движения в глубину, к большей открытости и откровенности в «лирическом» сюжете — нет.

В «Москве — Петушках» образ автора задан сразу, и в процессе чтения о нем как о человеке нового не узнаешь, а изобразительный план небогат просто потому, что у автора отсутствует такое качество прозаика, как наблюдательность. Но на нет и суда нет.

Что и говорить, «Москва — Петушки» включают в себя богатую и разнообразную цитатную мозаику. Текст противостоял тоталитарному режиму не только политически, но и культурно: советская государственная литература к цитатности отнюдь не тяготела. «Чукча не читатель, чукча писатель». Писателей-читателей режим не любил.

Венедикт Ерофеев — читатель безусловно серьезный. В «Москву — Петушки» вмонтирована маленькая цитатная энциклопедия, и совершенно закономерно, что она стала предметом филологического изучения в западной славистике: много читал интересного на сей счет. Но цитатность произведения подлежит еще и оценке с точки зрения ее собственно художественной эффективности. Как же работает цитатный материал у Ерофеева?

Цитата здесь ни на минуту не забывает, что она цитата. Она не подвергается переосмыслению, ее невозможно принять за собственное слово автора. Каждый цитатный камешек в мозаике оценен в единицах престижности, причастности к культурным контекстам. Никакой забывчивости или небрежности. Очень, я бы сказал, трезвое отношение к цитатам. Они являются в нужный момент, чтобы автора-героя вдруг не приняли за кого-то не того.

Читая это первый раз, проникаешься необходимым почтением: да, автор не алкаш какой-нибудь, а носитель культуры. Но возникает ли в результате этой игры новая смысловая перспектива? Нет, при повторном чтении травестирование уже выглядит плоским, уныло-заданным. Дальше разгадывать нечего, потому что не было загадки, многозначности. Цитаты в «Москве — Петушках» — не цикады, а, скорее, коллекция умерщвленных насекомых.

Это относится и к ветхозаветным, и к евангельским подтекстам поэмы. Конечно, она писалась в те времена, когда религиозность в атеистическом советском обществе и государстве являлась криминалом, когда даже передовая вольнодумная интеллигенция была очень слабо охвачена христианским просвещением и число людей, знающих, что такое «лама савахфани», составляло ничтожный процент населения нашей необъятной страны. Тут нельзя не отдать должное Ерофееву и его библейской подкованности, и его нонконформизму. Но, отдав это должное, тут же уместно поставить два вопроса: что нового и ценного содержит религиозная рефлексия автора и насколько она оказалась эффективной в собственно художественном плане? Отечественная критика просто сменила опознавательные идеологические знаки, и само наличие в тексте религиозных мотивов гарантирует ему входение в самый престижный литературный контекст.

И вот уже отличник политической и литературной учебы М.Липовецкий предлагает такую гипотезу: «Герой Ерофеева, отождествляющий себя с Христом, объективно вызван к жизни великой традицией русского реализма XX века»...

«Объективно» — и все тут. Да еще разрядкой — против разрядки, как говорится, нет приема. И под «идейное содержание» подводятся все необходимые художественные особенности: «цельность и осязаемость авторского взгляда», «богатство смысловых потенциалов» и даже «слово Венички, самоценное и самодостаточное». Примечательно, что в качестве самоценного слова приводится следующий пассаж: «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу... Чтобы по ней подыматься, надо быть жидовской мордой, без страха и упрека, надо быть пидорасом, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я — не такой». Критик убежден, что «ерофеевская фраза не потеряет блеска и парадоксальности, если даже все позабудут; как звали по имени-отчеству главного большевика». Если же не впадать в экстаз, то особенного блеска в этой фразе и сейчас не ощутишь. Амбициозно-эгоцентрический напор есть, но довольно хаотичный: швыряется автор грубыми словами, однако точный эмоциональный удар нанести не умеет — бьет в пустоту.

Ну ладно. Речь о другом, и прежде всего о том, что для художественной литературы как искусства религиозные мотивы — материал, подлежащий претворению. И евангельская фабула — материал, который непросто впести в новый сюжет, и «лама савахфани» — материал, который в новую речевую структуру надо ввести органично. Большая (а может быть, и большая) часть литературных «евангелий» суть произведения посредственные или слабые. Можно даже привести пример бездарного евангелия — «Мать» Горького. Там ведь Ниловна явно спроецирована на Богородицу. Павел Власов — на Христа, и — пересчитайте-ка число его соратников на суде — их ровно двенадцать!

Конструктивный стержень «Москвы — Петушков» — сравнение молитвы с алкогольным бредом (или бреда с молитвой). Прием сам по себе парадоксален, хотя не исключительно нов: не говоря уж об архаических корнях, у Венички есть такой предшественник, как Семен Мармеладов (не без резона, замечу, отодвинутый Достоевским на второй план, а то своим трагическим монологом он рисковал надоесть читателю — при всем гуманном сочувствии и т.д.). Прием нормальный, но разворачивается он уж больно монотонно и безоттеночно. Разве что розовое крепкое смеяется кубанской. В своем назойливо педалируемом молитвенно-алкогольном экстазе Веничка ни на минуту не забывает о производимом впечатлении. Вот он подраживает читателя «стигматами святой Терезы»: непосвященных это призвано ошеломить, но, если знать, что такое стигматы, то апелляция к ним кажется довольно нарочитой, и особенно — когда она в итоге выводит все на тот же стакан и «бутерброд, чтоб не стошнило».

О степени искренности и глубины религиозного чувства Венедикта Ерофеева судить не нам. Но о степени мотивированности и композиционной прочности сравнения «Веничка = Христос» говорить очень даже можно. И, по-моему, оно просто не подготовлено композиционным движением поэмы, в которой вообще маловато драматизма, а без него и евангелие не евангелие: у этого жанра тоже есть непременные признаки. На свое «распятие» Веничка выходит *ex machina*, из той самой «машины-машины», которой обозначается с давних времен художественная немотивированность финала произведения. Нет, это не полная гибель всерьез, очень даже понарошку.

А был ли Веничка, существует ли он? Не без удивления читаю я у некоторых зарубежных коллег, что в России народ читает Веничку как пророка, сотворяя из него такую же легенду, как из Есенина и Высоцкого. Не знаю, откуда они это взяли. По моим наблюдениям, в электричках и метро «Москву — Петушки» не читают: для нашего транспорта и нашей жизни нужно что-то более сюжетное. Сомневаюсь также, что имя Ерофеева что-либо говорит абсолютному большинству настоящих потребителей кубанской и зверобоя. Поймите правильно: известность в народе для меня вовсе не является позитивно-оценочным критерием, но я за точность социологическую. «Москва — Петушки» — произведение, корнями связанное не с массово-демократической культурой, а с культурным сознанием образованного слоя. И образ Венички надо оценивать в рамках этой культуры, не приписывая ему несуществующего фольклорного колорита.

Человек, вышедший на Савеловском вокзале, выпивший стакан зубровки, а потом на Каляевской стакан кориандровой, вызывает интерес своими относительно парадоксальными раздумьями: «царь Борис убил царевича Дмитрия или наоборот?», несколько необычными в устах простого советского алкоголика словами «тщета» и «эфемерность», а также употреблением совершенно элитарного междометия «о». Задана некоторая таинственность образа повествователя. И это смещение, это расхождение между автором и героем могло бы сработать — при определенном условии. А именно — как средство конфликтного вторжения в жизнь других людей. Так работает двойственный образ Гоголь/Чичиков у одного из предшественников Ерофеева в жанре прозаической поэмы. Да и в Евангелии с точки зрения структурной большую роль играет динамическое противоречие в образе Христа: сын человеческий/сын Божий.

В «Москве — Петушках» контраст «алкоголик/интеллектуал» никаких сюжетных пружинок не заводит. Просто едут вместе автор и герой, примерно одинаково воспринимающие, так сказать, окружающую действительность. Одинаково не интересующиеся другими людьми. Все собеседники, собеседники и попутчики Венички — однообразный человеческий материал, и для него самого и для автора. Я отнюдь не инкриминирую ни автору, ни герою безразличия к людям. Эти люди у меня самого порой вот где сидят — ни видеть, ни слышать никого не хочется. И такое настроение тоже может быть литературной темой. Особенно если свой эгоцентризм и равнодушие к другим подать броско и гиперболизированно.

Но тогда — при чем тут Христос? За что ангелы Господни, обернувшись демонами, вытывают ему в горло не то шило, не то отвертку? Не за что было Веничку убивать, если исходить из внутренней логики сюжета.

...Вопрос о художественной роли водки в ерофеевской поэме решался по-разному. Одни исследователи подходили к нему примитивно-социологически: мол, широкая трагическая картина народного пьянства в условиях бесчеловечного советского строя. Другие интерпретаторы копали глубже, усматривая в водке некую метафизическую сущность, исходящую из самых глубин бытия, которые никогда не откроются трезвенникам и умеренно пьющим.

Мне трудно присоединиться к какой-либо из этих точек зрения, поскольку сам не испытываю к алкоголю ни большой любви, ни большой ненависти. Для меня водка — всего-навсего один из фабульных мотивов «Москвы — Петушков». Мотив, претворенный довольно прямолинейно, а местами просто задушно.

«Смеховая культура»... Употребляя такое красивое выражение, мы как бы имеем в виду, что это нечто более ценное и высокое, чем просто смех. Между тем дело обстоит несколько сложнее. Бывают смеховые культуры очень локальные и примитивные, состоящие из шуточек небольшого кружка, компании, где все хорошо понимают друг друга, много смеются, но ни одного настоящего остроумца там нет, как нет ни одной остроты, пригодной для выхода в более широкий контекст.

Ерофеевды чуть что сразу вспоминают книгу Бахтина о Рабле. Действительно, некоторые комические конструкции «Москвы — Петушков» восходят к архаическим структурам. Скажем, Веничкины рецепты коктейлей: «Ханаанский бальзам», «Слеза комсомолки», «Сучий потрох» и прочее. Здесь явно просвечивает пародийный принцип древнерусских «лечебников», комических рецептов итальянских и французских ренессансных поэтов, где соединялись компоненты реальные и явно несуразные. В общем, корни хорошие, благородные, но плоды... Коктейли Ерофеева удивительно натуралистичны и однородны: пиво, шампунь, тормозная жидкость. Грешный человек, сам я ни шампуня, ни тормозной жидкости не пробовал, но, кажется, это все действительно пьют наши соотечественники. В чем же, извините, гротескность?

Может быть, я скучаю, потому что читаю один на один с текстом, а для этой книги нужна компания. Я ведь и до Электроуглей зевал, слушая исследование об икоте как доказательстве Божьего величия, с привлечением Канта и вождя мирового пролетариата. «Мы — дрожащие твари, а она всеильна», икота то есть. Многие смеются. А по-моему, икота и Божье величие

пришиты друг к другу совершенно механически, без новых смысловых оттенков. Архаические смеховые структуры ведь могут возобновляться в разном качестве — под знаком возрождения и под знаком вырождения.

Нет, Венедикт Ерофеев — не Рабле, он другой. Он типичный остроумец соц-арта. Его смеховая культура держится за контекст, сотканный из информационного потока второй половины шестидесятых годов: с Моше Даяном и Ольгой Эрдели, Евтушенко (Евтушкиным) и Луи Арагоном, Гомулкой и легкой елкой. У автора хватило изобретательности подклеить к этому коллажу царя Соломона и Гете, Достоевского и Булгакова, но это тоже культурные этикетки, бумажки, выцветающие со временем.

Пафос ерофеевского остроумия у меня спора не вызывает, выбор объектов тоже. Вызывает сомнение степень таланта и творческого остроумия. Вот автор, скажем, издевается над Солюхиным, пробуждающим и у меня тоже исключительно негативные эмоции. Посмеемся вместе? «Мой глупый земляк Солюхин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики!» Увы, просто грубо и — плоско. Ерофеевское слово не крылато, оно крепко привязано к ситуативному контексту.

Вот мы и подошли к разговору о «ситуации Ерофеева».

Ситуация Ерофеева — это щипок из топора. Вокруг «Москвы — Петушков», послуживших топором, заварились густые литературные щипки — и теперь уже неважно, что было вначале, важен итог, результат. Так?

Нет, не так. Поскольку щипки оказались жидкие. Открытые Венедиктом Ерофеевым пути обратили прозу к творческой расслабленности и вялости. После «Москвы — Петушков» многим стало легко писать. Оказывается, можно обойтись без мук и прозрений фабульного изобретательства, а долдонить на десятки и сотни страниц квазилирический монолог, подверстывая в него все что ни попадя: анекдоты с бородой, услышанные по телевизору новости, случайные цитаты из лежащей на столе книжки. Оказывается, можно обойтись без деталей и красок, навязывая читателю свое настроение жесткой диктатурой авторской речи и не очень заботясь о том, насколько настроение передано. Оказывается, можно выглядеть остроумным, не давая читателю ни разу от души рассмеяться.

Широкое распространение получили и интертекстуальные коктейли ерофеевского изобретения. Парочка евангельских цитат (самых ходовых, ни в коем случае не неожиданных), одна-другая бесконечно избитая реминисценция из «Гамлета» или «Фауста», Маркс с Лениным, «Правда» с «Известиями», Гоголь с Булгаковым — и все это читатель должен пить большими глотками. Если у Ерофеева в начале семидесятых годов слияние подобных жидкостей несло в себе некоторую горечь и остроту, то двадцать лет спустя такая цитатность — это унылая и безвкусная бурда.

А главное в постерофеевской прозе — взаимоуничтожение автора и героя. Пытаюсь по-своему еще раз сыграть в Веничку, нагружаю прозаики тексты своими паспортными именами-отчествами-фамилиями, пытаюсь придать видимость сюжета своим бедным и однообразным биографиям, но при этом крепко храню в тайне свои жесткие жизненные установки, глубокое безразличие к окружающим и к миру. Самораскрытие не происходит, поскольку нет честной исповеди. Нет и перевоплощения в другого человека, сотворения живого персонажа, для чего требуется самоотверженное творческое усилие. В итоге получается эдакий обобщенный «совок»: не то придирающийся интеллигент, не то амбициозный бомж.

Образ автора, построенный по модели люмпен-интеллигента, изначально несет на себе печать фальши. Это хитрая уловка — взять на себя все права интеллигента, а обязанности — люмпена. Причем если у Ерофеева люмпен-интеллигентство было литературно-игровой утопией, то у нынешних его эпигонов — это не более чем спекулятивная поза, неоконъюнктурный штамп.

Культ Венедикта Ерофеева, культурный образ Венички отразили нашу глубокую духовную усталость, опасность творческой немощи, в которую мы все охотно и часто впадаем, но которую, по-моему, нет резона оправдывать, а тем более эстетизировать.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ФИНИШ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Паук Афанасий решил в честь мухи Домны Ивановны сменить технологию, т.е. довести число дыр до минимума, т.е. плести кружева особой плотности типа фриволь.

Но мухе Домне Ивановне, известной скандалистке, такое дело не понравилось, когда скорость свободного полета сокращена и приходится то и дело отплевываться, снимать с бюста и с усов что пристреляло.

Кому нужен этот бесконечный финиш, рвешь грудью, рвешь эти якобы финишные ленточки, тем более что таких финишей паук Афанасий мечтал завести сколько захочется, квантум сатис: как выражалась аптекарь гадюка Аленка, насыпая в прошлый раз пауку Афанасию в его отхаркивающую микстуру порошок рвотного корня, с мудрой улыбкой при этом: в количестве сколько захочется.

Сказано-сделано, муха Домна Ивановна, хоть и мать и прабабушка, не стала звать детей, взяла проблему на грудь, прошла на брющем маршруте, и всю фриволь как рукой сняло.

При этом отважная летчица еще и песню пела «За городом Горьким», имея в виду только начало строки, а именно букву «з», зzzzzz и т.д., и исполняя все на мотив ноты «до» басового ключа.

Паук Афанасий, как всегда, наблюдал за полетами из противотанковой щели, пока муха Д. не удалилась, сквернословя, вся в пуху, перьях и отрепьях.

— А ведь если ее одеть, — думал паук Афанасий, — во фриволите, в тюль, запеленать и посадить в угол как куклоку, и обнять!

И опять у него пошла вожжами горячая слюна, и он сплел себе арфу, хотя играть не умел.

И он под тра-ля-ля исполнил популярный народный танец «Зарекалась свинья».

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

***

Бывало выйдешь из трамвая,
Бурлит вокруг тебя Москва,
Гремит музыка половая,
Живые скажут существа.
Цыганы шумною толпою
Толкают тушь по семь рублей,

Еврей пугливый к водопою
Спешит с еврейкою своей.
Дитя в песочнице с лопаткой
На слабых корточках сидит,
А сверху боженька украдкой
За всеми в дырочку следит
Озонную.

***

Меня спросили на иврите:
— Вы на иврите говорите?
А я в ответ на чистом идиш:
— Ты че, в натуре,
сам не видишь!

От публикатора

Владимир Леви в первую очередь — психолог, практикующий врач, но он и автор трех десятков книг, стихов, романа. Писатель, художник, музыкант.

...Перед отъездом своим в Израиль (не насовсем — трижды тьфу) Леви оставил мне замечательную толстую папку. Нечто вроде дневника почти за тридцать лет. Мне крайне трудно было отобрать для публикации пятнадцать машинописных страниц из этой огромной, сложной и действительно сознательной жизни. Так, чтобы ясно было и время, и воздух, и «психология», и состояние автора... Давно замечено, что всякий текст Леви обладает целебными свойствами. Подтверждаю. Папка греет ощутимо, сияя ровным светом.

Леви в своих текстах, менее всего рассчитанных на публикацию, предвосхитил многое, о чем мы только-только, робко-робко догадываемся сейчас. Абсолютное знание себя в конечном итоге обеспечило ему и ряд безошибочных попаданий в наши общие болевые точки. Впрочем, при чтении предлагаемых дневниковых записей у каждого возникнут свои соображения. Как бы то ни было, психология психолога не может быть неинтересна. Как и замечательная, трудная, в итоге счастливая жизнь уникального человека.

Эти фрагменты составляют обширный цикл, частично вошедший в недавний трехтомник Леви. Общее название папки — «Профилактика смерти». Как всегда: рецептов — нет. Надежда — гарантируется.

Наталья БЕЛЮШИНА

Владимир Леви

Левитация

15.VII.62

Мне скоро 24. Что я есть и что буду дальше?
Я лежу один на траве, солнце светит мне в глаза.
В утомленной голове тают мыслей голоса...
Я хотел бы отдохнуть...

29.10.62

Встреча в Ленинской с редактором «Молодой гвардии». Толпа и милиционеры с теткой у входа. Тип: «Окуджава выступил, сейчас будет выходить, Вознесенского нет, ну и все». Наверху стоял, на спинках двух стульев... Рыжебородый поэт Ник. Панченко: «Голова ты моя, голова, булава ты моя, булава». Художник Илья Глазунов: «Мой план — стать членом Союза художников». Спустившись вниз, за кулисами увидел Окуджаву: курчавая голова, огромный лоб, короткий нос, усики, синий пиджак, ковбойка, узкие брюки, грубые ботсы без шнурков. Краткие фразы — уверенным резковатым голосом, с живой жестикующей. Сначала с каким-то типом, потом окружили несколько дам, по их тону и узнал Окуджаву: «Нет, вы очень хорошо читали...» — «Сегодня просто не мог петь». (Его просили, но он сказал, что нездоров.) Дамы усадили Окуджаву за стол и заставили что-то им писать. Подбежали другие. «Вы уже опоздали...» Потом вывалился народ, окружили одевающегося Окуджаву. «Смотри, вон Окуджава стоит»...

Курил и смотрел на окололитературных молодых. Сегодня какая-то особенная нервная решительность, признак усталости.

Почувствовал этот кусочек массы — молодого литературного потребителя. На сером промелькивают и умненькие физиономии. Нервно-красивая дева и ее вороватый, приплюснутый молодой человек.

С одной стороны, ищущий щекотки и оглушения литературный потребитель, с другой — государственный цербер, которому подавай все новые интеллектуальные З (дубы? зубы? — неразборчиво в рукописном варианте...). И где-то в стороне, из уголка — маленькая воображаемая «элита», хотя и завистливая, но моя. И в это мне надо втиснуть...

3.XI.64

Сажу в кафе «Молодежное» на улице Горького.

На сиренево-сером полотне белые квадратные щиты, между ними висящие фонарики, половина из которых не горит. Дым. Легкие столики. Сидят, пьют, дымят. Шахматы. Есть пижоны с трубками и бородами, есть демонстративно обшарпанные, есть серенькие и благовоспитанные. Девушка с тонким личи-

ком курит сигарету в громадной длины мундштуке.

Обособленно компания кавказцев.

Одна компания притащила к себе громадного гривастого бородатого старика. Говорил крещендо, наконец начал что-то судорожно выкрикивать. К нему подходили **обходительно**. Вдруг ушел.

Чувствую темные силы писательства. Во что-то это должно вылиться... Уже близко...

Кафе придает женщине загадочное очарование. Каждая школьница кажется гейшей. Мужчина, наоборот, низводится до какого-то среднего, куряще-пьющего уровня, с явственно уловимыми черточками официанта.

28.8.66

Преодолеть ученичество — все сложнее. И в науке, и в искусстве, и в жизни. На ученичестве застрял даже такой талант, как Олеша. Ему не дало развернуться завистливое восхищение перед литературными авторитетами, та самая «проклятая скованность» (встречи с Алексеем Толстым). Оттого все его вещи производят впечатление многообещающих начинаний. Масса великодушных проблесков, чудесные литературные мелочи. Метафоры и сравнения, почти всегда на редкость удачные, производят, однако, впечатление упражнений, демонстрации, редко достигается НЕЗАМЕТНОСТЬ СРЕДСТВ. Метафора — самоцель, как красивый футбольный удар.

Художник заставляет забыть, что произведение НАПИСАНО. Пианист — что ИГРАЕТ. Это и есть гениальность.

7.IV.66

Чудовищное одиночество.

9.IV.67

Ташкент.

В первый раз живу в роскошном номере-одиночке. Это произошло по шучьему велению министра здравоохранения Уз. ССР.

В чайхане, в старом городе, сначала чувствовал себя страшно скованно, не знал, как сесть...

В узких улочках восточного города бродил, как Гулливер. Дети и старики вежливо здороваются. Дворы неожиданно глубокие, с узким крытым кривым проходом. Землетрясение — ничего не сделано.

В чайхане — лозунги на узбекском звучат устрашающе: ЯША-СИН ПАРТИЯ ХАЛКИНИНГ БУЮК БИРЛИНГИ.

21.IV.67.

Ташкент.

Пытаюсь рисовать. Диафрагирую прищуром, так создается целостность, резкость, исчезает подавляющий хаос деталей. Доверять интуиции, беглости взгляда, отпускать себя...

Две девушки сели поодаль. Одна в обтягивающих трико, с фотоаппаратом. Поглядывает. Сделал вид, что рисую ее... Интересное отношение к человеку, что-то рисующему, пишущему... его немного боятся, чувствуют зависимость от него: маг, имеет непонятную власть. Но привыкают скоро.

Арык быстро и сосредоточенно несет мутные воды. С животными криками купаются юнцы. Воробьи старательно выклеивают что-то из кучи нечистот.

Мы с девушкой очень долго смотрели друг на друга. Было нечто сказано этим взглядом — и ничего, как всегда. На партнеров в этой извечной игре неотразимо действует резкое чередование внимания и полного пренебрежения.

Пора трогаться. А, собственно, почему пора? Поезд уходит в 10.30. Какая сила гонит нас иногда куда-то?

Спокойно верить — спокойно, раз навсегда, решенно. Такая вера располагает людей. А все портит самоутверждение, идущее от самоневерия.

1970

НОЧНОЙ ПРИПАДОК ОПТИМИЗМА

Уже вполне видны очертания гибели Белой Цивилизации — тщеславной, лживой, жадной, онанистической. Черно-желтые будут долго еще воевать, утрясаться, распределяться на планетке, облучать и кушать друг друга, покуда не образуется всемирное тоталитарное правительство, которое наведет стабильность техническим геноцидом. Править будут японцы, работать — китайцы, обслуживать — индомалайцы, развлекать — латиноамериканцы, отходы обрабатывать — негры, думать — два-три уцелевших еврея.

1.II.73

Искренность, правдивость — только условие. Лев Толстой — просто НОРМАЛЬНЫЙ писатель. Как трудно — не лгать!

Вот с чем надо разобраться — с подсознательной адресовкой.

Из «Охотминимума» (о воспитании собак):

«Смолоду задержанная собака крайне неохотно поднимает дичь. Постепенно все меньше свистите и командуйте». Продам за 10 копеек журналу «Семья и школа».

Машинка требует более строгого выбора слова. И вычеркивание с нее — действие более серьезное, нежели вычеркивание с пера, — не косметический каприз, а хирургическая операция по прямым показаниям.

Напечатанная мысль перед тобой — без одежды почерка, свистяще-голая.

12.IV.73

Не обличать, а исследовать. Обличений достаточно. Кто знает, догадывается — согласится, кто чувствует вину — обозлится, колеблющийся утвердится в подозрениях — вот и все, а серое месиво останется серым. Необычность самого факта высказываний правды вслух — вот что вызывает восторг перед самиздатом; это же, жалкими крупными просочившееся сквозь фильтры цензур, родит визги истощенного читателя. А ведь правда — просто вода и воздух. Честность — только материал. Обличение как самоцель болезненно и чем-то — а именно необъективностью — ставит обличающего вровень с обличаемым.

Эти строчки пишу в момент очередного острого столкновения с проблемой неспособного ближнего. В дом с криком «спасите» ворвалась душевнобольная девочка... Сказала несколько слов: «Я не знаю, как дальше жить... Я ничего не знаю...», назвала свое имя — и впала в ступор: ни ответов, ни вопросов, никакого контакта, ничего. Мертвенная застылость. Не надо психиатри-

ческой квалификации, чтобы понять, что это тяжелейшая шизофрения; наверняка уже бывала в больницах, наверняка инвалидность: и телосложение, и лицо, и выражение — все к одному, все об одном...

23 сент. 1973. Чертаново

Что такое три моих первых книжки? Сыгранная роль. Западная. Одной ногой в капкане. Кажется, придется отрывать с мясом.

Ощущение своей недоделанности, дефективности, немощности.

До сих пор все еще мучаюсь, думаю, соображаю, как жить и работать. Никак не пойму, чего же мне не хватает: смелости, риска или, наоборот, мудрого самоограничения?

Наверное, и того и другого. Но есть и чувство какой-то ведомости судьбой, вера есть. Писать ли о невеселых сложностях личной жизни? Кому это нужно? Только мне самому — как материал.

Март 74-го

Борюсь с лирикой. Жуть подкожная! «Вот какой я хороший» — кричат, шепчут, надрываются, намекают, подразумевают... Вот какой я хороший — тем, что не боюсь сказать, какой я хороший! Вот какой я хороший — тем, что признаю, какой я плохой! Вот как я прав признанием неправоты! Вот как умен — признанием глупости! Я хорош! Я хорош! Я хорош! — главная и, кажется, единственная мелодия всякого, кто так или иначе говорит о себе.

Истины, истины без границ! Не хочу нравиться, не хочу сердить, не хочу производить своею персоной совсем никаких эффектов. В своих писаниях чем дальше, тем больше, с ужасом и отвращением обнаруживаю позера — то поглубже, то поближе к поверхности. Когда писал, не замечал. Почему же теперь (прозрев?) так озверел против этого дурачка? Не потому ли, что им остаюсь и опять хочу быть лучше себя? Не получится! Стоит открыть рот, как уже перед кем-то оправдываешься, стоишь пискнуть, и уже убеждаешь кого-то в своем богоподобии.

Декабрь 74-го

!Свободен!

!Помни каждую минуту!

!Прожить минимум 70 лет! (Еще 35.)

Быть все оставшиеся 35 — здоровым, бодрым, ясным, подвижным.

Таким — проститься и уйти самому.

1974 г.

Я слабый врач. Не плохой, а именно слабый. С легкой душой скидываю часть вины на общее положение: знаний мало, методы примитивны, средств почти нет. Я не являюсь исключением. Я только добросовестен. Удачи редки. Не кудесник, не чародей. Не хочу никого разубеждать. Допускаю, что где-то неподалеку работает волшебник, врач-гений. Признаюсь, быть таким волшебником мне никогда не хотелось. Главная моя врачебная вина — недостаточность фанатизма. Когда чудеса происходили, заслуги моей в них было не более чем в сотворении хорошей погоды.

1984 г. ДОПОЛНЕНИЕ: Не вполне справедлив к себе: писал, видно, в депрессии. Бывали и случаи, когда спасал.

Но спасителем был все же не я...

19—20.IV.75. 1 ч. 25 мин. ночи

Зажатое графоманство. Все время пишу что-то — и не пишу. Гнусная смесь лени и страха. Сексуальный импульс обычно это состояние обрывает, запускает поток.

Сегодня убил паука, огромного, серо-черного, по подозрению тарантула. Дело происходит в Коктебеле, где мы живем с Максимом 20-й день краду в комнате у обрыва — и море рядом. Потолки щелявые, пауков много. Паук, которого я вознамерился

убить, полз по потолку как раз над спящим Максимом. Я попытался достать его палкой — он упал на Максима и побегал по одеялу, я чуть не потерял его — а Максим, к счастью, не проснулся... Вдруг увидел, что паук спокойно сидит на сером одеяле и ждет. Он, очевидно, всерьез рассчитывал, что на сером-то уж я его не замечу. Взял в руки салфетку (брезгливость!) — и после еще нескольких препирательских его пробежек сбросил на пол и раздавил. Заодно прибил еще одного на стене, поменьше. Ну, разошелся, живоубивец!

Должно что-то произойти. Вчера видел во сне покойницу — тетю Лену, она почему-то интересовалась, сколько мне лет, я обнаружил, что 38 (а не 36 с половиной).

1975

Я жил до сих пор и живу пристойно-благополучной жизнью, которую все явственнее ощущаю позорной. Лень и трусость составляют ее интимную основу, настолько интимную, что у меня никогда не болит голова. Я почти всегда хорошо себя чувствую. Я никогда не испытывал великих страданий. Я никогда не предпринимал великих трудов, а если и предпринимал, то не оканчивал. У меня достаточно гибкий и широкий набор приспособлений для того, чтобы быть довольным собой и делать окружающих довольными мной. Этой простой и доступной цели я подчинил свою одаренность. И я делаю это достаточно хитро для того, чтобы и у окружающих, и у себя самого поддерживать непрерывное впечатление, что я способен на нечто большее. И ведь я действительно способен на нечто большее, я только не делаю это большее.

Вывесил на просушку мысли. Одну оторвало ветром. Пошел искать, а она уже на чужой веревке. Скандал.

Накопил нестерпимую злобу к своей посредственности. Хуже всякого сквернословия — пошлость среднего разряда, пристойная, проходная — вот от чего дохнет дух.

Все, что болтается между ребенком и гением, надлежит спустить в унитаз.

1 мая 76-го

Чтобы узнать, любишь женщину или нет, погляди на нее утром, только-только проснувшись...

1978

Две правоты, две страшные правоты не могу примирить. Правоту искусства и правоту жизни, дебелой плебейки с помоями в печени.

5.XII.78

Дни сыплются в пропасть. Мне уже сорок.

Закончил четвертую подцензурную книгу. Странно ясно стало вдруг, что вся литература, все вообще написанное — не более и не менее как разговоры мертвых с живыми. Буквы — крючки, которыми мы цепляемся за вечность. Эй вы, слышите? Мы хотим быть с вами!.. Эй вы, слышите?!!

Закон выживания — там, на полках — тот же, что и тутошний, телесно-мирской. Кто живет, тот и живет. Кто любвеобильнее, тот умножится.

Знаю — буду жить долго, нервом моим будут цитаться многие. Эй вы, слышите?!! Не бойтесь, мы ничему вас не научим. Нам просто хочется поговорить.

1978. Париж

Париж одновременно и единит с миром, и обособляет. Здесь ты есть ты, потому что и все вокруг — со своими самостями.

Иногда говорю себе: держи голову гордо! Выпрями спину, смотри людям в глаза и выше! И здесь, в Париже — стократ. Если уж говорить об аристократии, то ты аристократ из аристократов. Представитель деревнейшего из ныне живущих племен, соль земли и соль соли, священник первосвященников. За тобой прогнанная сквозь строй веков сила духа и воля к жизни, атомно уплотненная кровь. Пергамент и пепел твоя родня. Ты

уже был взрослый и израненный, когда только рождалась Европа. Ты помнишь Египет и Вавилон. Ты где-то сам то ли распинал, то ли не распинал Христа. Что тебе эти триумфальные арки? — Игрушки.

Но игрушки-то как раз эти вот мысли. Кто я и что я? Капелька жизни, брызга вон из того фонтана: вылететь, оторваться, упасть, исчезнуть... Сердцевиной души чувствую себя всему и всем равным. Любви моей достанет на многих...

Все очень просто. Человечество — организм. У организма есть — ну, должны быть — мозги. Я клетка этого мозга, одна из клеток, вырабатывающая некие вибрации, где-то в лобно-височных долях — за мыслями... Так себя сознавая, легко понимаю неизбывную свою потребность в изысканном аскетизме, теперь четкую, как никогда: «Ничего лишнего плюс «то самое чуть-чуть». А левитарность — ну это так, комплекс...

Встал, пошел. После записи чувствуешь себя укрепленным.

Прошел мимо удивительной скульптуры. Их тут, в парке, много, и каждая — по да на, — это они умеют, французы.

Диана или какая-то нимфа с собакой. Вся изысканность и гармония. А на голове — птица, голубь живой. Но так сидел, что показался деталью, венцом — удивительно точно сел. И, по моему, сам это сознавал... Действительно хорошо, **правильно** сделанные и поставленные статуи голуби никак не портят (московский Пушкин), а обживают — уютно, легко. Московский же Марк кажется обосранным с головы до пьедестала.

Париж 78 ЖЕНЩИНЫ

Многими соблазняется глаз, но никем душа (или некое ее представительство, заключенное, по слухам, в предстательной железе). Два или три раза, впрочем, пронесился ветерок и начинали дрожать струнки.

Она была, кажется, китайка или какая-то камбоджеская, может быть, и японка, не самой свежей молодости, пожалуй что и под тридцать. Но такая гармония была разлита во всем ее существе, аура такой готовности к пониманию, такое тонкое сияние внутренней улыбки, что... Носик у нее был не плоский, а выступающий, с изрядной горбинкой, и глаза, при монгольском строении век, округленные, как оливки. Чуть увядшими лепестками — губы.

И маленькая фигурка столь соразмерно стройна, что размер исчезал, по золотому сечению...

Париж. 78. Искусственный свет

Тут характеры у всех четкие, определенные — от и до. Даже у русских, не изживших еще до конца русское, — чего-чего, а этой расхристанной российской мягкосердечности, этой широты души сквозь рваные штаны — ни-ни, ни следа. Видно, социальный дух действует прямо из атмосферы — на глубинное, бессознательное... Эгоизм совершенно рефлекторный, машинообразный — и никто ни на кого не жалуется. В порядке вещей. На этом железном фоне расцветают, впрочем, редкие цветы участия и милосердия, и необъяснимых симпатий, и филантропий — но дядя-таки от и до, на милосердие отпускается столько-то франков. Рубашку, чтобы согреть тебя, не снимут, можешь не беспокоиться. Бабы — холодно-сексуальные стервы...

Вот парадокс-то. Как получается — что там, у нас, под покровом морозной ночи, под ляг кандалов — все-таки произрастают хиленькие-убогенькие, но настоящие побеги бескорыстия, — а здесь шаром покати? Любезность, услужливость, очаровательные улыбки, мерси, мерсье — на каждом шагу, а сердце на задвижке, вглухую. Россиянин — хам, жлоб, но тронь его — и он твой, со всеми своими социалистическими потрохами. У этих же души заперты столь же надежно, сколь наши границы.

Может быть, я чего-то не понимаю. Может быть, я преувеличиваю НАШУ сердечность. Живу то есть в НАШЕЙ иллюзии сердечности. Ведь в каждой среде есть свое не только ритуальное, но и, так сказать, творческое лицемерие, поддерживающее иллюзию ВОЗМОЖНОСТИ ЖИТЬ. О, все мы великие мастера ис-

НИКИТА ЯШИН

куственного освещения!.. И вот, может быть, в силу другого глаза, неадаптированного, я их этот искусственный свет — просто не вижу. Вижу как есть: темноту.

Париж. 27.VII.78

Чудный разговор с индусом в индийском ресторанчике. Так и не записал.

29.VII.78

..Набережная Турнель. Однако ж пора мне развернуть серьезный список покупок и намыливаться домой. Странная смесь чувств: едешь обратно в тюрьму, но эта тюрьма — твой дом. И ждут там тебя родные. А тут, на воле — хошь в Америку, хошь в Австралию, — ни ты никому не нужен, ни воля эта тебе. Вот так-то.

3 мая 79

МАЛЕНЬКАЯ ОДА НЕБРЕЖНОСТИ

Переусердствование в создании удобств создает массу дополнительных неудобств. На этом и погорела цивилизация. Небрежность — не неряшливость, в которой всегда **избыток**.

Небрежность сродни аккуратности тем, что опускает излишнее.

В педантизме всегда слышен шорох патологии. Сколько сломавшихся на тщательности!

В настоящей, аристократической небрежности сквозит высшее понимание жизни, включающее и понимание смерти. («Кирри, не усердствуй ни в чем»...) Небрежность жизнью вовсе не пренебрегает, напротив, содержит скрытую в ней любовь. Слабый не бывает небрежным.

4 мая 79

Упустил огромное множество характеров, сцен, историй. Просто по лени. Не записывал. Пациенты — море сюжетов, портретов... Эх..

1980

4 утра. Примерно в это время теперь меня поднимает боль. Встаю, завариваю чай или кофе, что-нибудь принимаю или не принимаю, делаю гимнастику и сажусь за стол. Боль утихает. Мой Неведомый, здравствуй.

Трагикомедия не в том, что я, мудрый доктор, не могу себя

вылечить. «Врачу, исцелися сам» — буквально — предложение идиота. Богу в таком смысле есть тоже от чего полечиться.

Это иносказание.

Будущее мира зависит, не в последнюю очередь, от того, КАК — центробежно или центростремительно — распространится психологическое просвещение.

Пока — грядет утилитарная психология. Торговля тайнами. Окультизм-рынок. Утилизекс. Индустрия семейных отношений. К нам приближается скучная жутковатая личность — Умеренный Супермен.

(1980)

При всех неудобствах и накладках популярность имеет свои преимущества. Нежданно-негаданно открылось новое окно в мире — массовая обратная связь. Эшелоны писем, обращения по делу и не по делу. Если принять это положение как жизненный эксперимент, получается исследование не хуже иных. Не справляюсь с ответами (сколько напрасных надежд, тщетных просьб... вынужден выключать телефон), но читаю все. Вырисовывается постепенно картина, которую не увидеть в кабинетной келье. Многообразие судеб, характеров, упований. Слоистость и пестрота людская... Там, где виделась раньше однородность, вскрываются миры, населенные существами из разных измерений. А сколько исповедий! Писательский материал просто прет. И десятка жизней не хватит...

В практике стараюсь поддерживать универсальность, но сам собой нарастает сдвиг в сторону молодежно-детскую. Не то чтоб особенно вдохновляла наставническая миссия, но как-то живее и что-то можно... Легче, во всяком случае, объяснить ребенку, как обращаться с родителями, чтобы выжить, чем наоборот. Как много упущенного еще множество поколений назад. Как трудно втемяшить простейшее и очевиднейшее создателям повседневной лжи.

1 июля 1981

Часто ловил себя на поразительно внутренней пустоте, совершеннейшем отсутствии какого-либо содержания — в голове, в душе... Иногда казалось, что я и всегда такой: что во мне нет, не было и не будет ничего...

Но переполненность ИНЫХ мгновений! Когда внутри, наоборот, слишком плотно!!!

Понял, наконец... Пустотность есть свойство внутреннего зеркала: заглядываешь — изображение исчезает.

Обезьяна, сознающая себя человеком, останется обезьяной.

Обезьяна, осознавшая, что она обезьяна, уже человек.

1983

Ничего я в себе не понимал.

Страшно сильным Дух оказался. Исподволь сотворил какую-то энергостанцию, питающую уже необозримое множество человеческих точек. Не знаю кому — знаю только: даю свет. Не без замыканий и аварий, конечно.

Меж людей приходится теперь двигаться осторожно...

Перед тем как взорваться, придется оградить себя зоной Отсутствия.

3 октября 84-го

Попал в учителя. Конспектируют, подчеркивают, цитируют, носят за пазухой. Живут «по Леви». Поклоняются, ловят, бредят.

Сам виноват, дурак, вылез.

Потом, как полагается, кумира обосрут. Уже.

Тоже эксперимент, не предполагал только, что такой скучный. Картонка в почтовом ящике, черными плакатными буквами: ЖДИ СМЕРТИ. Рядом благодарственная телеграмма — за «Нестандартного»...

Жизнь на военно-кочевом положении.

А ведь всего-то лишь попытался — живым быть. И вон какая вскрылась запредельная дистрофия, голодные судороги.

Жить, просто жить. Руки на клавиши.

29.1.88

Еще жив и почти здоров.

В этом году обещает стукнуть полста. Резв, легок, энергичен, в основном весел; временами зверино, истошно, кишечно зол. От переизбытка бесполостного понимания иногда буддийски спокоен, иногда слезы счастья, от невозможности передарить... Кажется, я выполнил себя как духовный медбрат какой-то части человечества, какое-то время эта работа будет помогать. Мучает недоосуществившийся художник и неосуществившийся боец. Заматерелая моя злоба, знающая врага до костей и глубже (имя ему — духовный мертвяк, робот — насильник, фашист любой масти), — пока не реализовала себя, не получила творческого бытия, не ОФОРМЛЕНА.

Это долг сердечный, равновеликий долгу запечатления Красоты. Этот яд надо выпустить точно по адресу и целиком, иначе невозможно будет умереть.

26 июня 88-го

Боже, дай знать или хоть примерно почуять, сколько осталось работать. Прикидка времени нужна, потому что сил много — куда бросить? Распределиться — как? Если конец скоро — одно, если не скоро...

...А вдруг прав ребенок, чувствующий себя не гостем вечно-сти, а хозяином?..

Собираться — всегда пора.

50 — и далее...

...Жить ГУСТО. Жить СТРАСТНО. Мобилизованно. Прессовать время. Не позволяя лениться и разнежиться — ни душе, ни уму, ни телу. И не просто «не позволяя», но непрерывно изыскивая НОВЫЕ способы возжигания, новые будильники для засыпающих и начинающих гнить в летаргии жизнетворческих импульсов, новые источники внутренней энергетизации.

Творить время — а не переживать, не проводить, не проводить...

Раньше это было условием самоосуществления. Теперь — условие жизни.

За годы — уже немалые — годы труда, подчас каторжного, усилил до судорожности, напряжения — до изнеможения и хуже того... Да, худо-бедно, воистину худо-бедно — я все-таки научился некоему колеблющемуся, пульсирующему постоянству этого добровольного самонасилия, этого рабства, которое выбрал САМ — для производства СВОЕЙ свободы.

Но только лишь худо-бедно — в сравнении не с окружающими, но с резервами неиспользуемого и неоткрытого в самом же себе, — с возможностями, которых огромность, с к р ы т ы у — чую тем явственнее, чем более обнаруживаю. Как в горах — только лишь поднявшись достаточно, оценить можешь действительную высоту — тех, дальних, вершин, ставших и ближе, и неприступнее.

Постарею, угасну, закончусь в явном или скрытом — употребил бы даже такой термин: сокровенном маразме (о! — он уже в полном цвету, этот сокровенный маразм и у множества двадцатилетних, зачатки его в себе тогда уже и ловил, ужасаясь) — или прибегу к финишу выложившимся, сгоревшим, а не протухшим?.. Самодостойность — и именно предфинальная самодостойность только в моих же руках (имею в виду руки Духа), доверена только мне.

Угущение, уплотнение времени — каждый день, каждую секунду наращивай. Можешь? Еще можешь — и более, чем когда бы то ни было — МОЖЕШЬ!

Привет!

А это я — настоящий. Мне уже миллиард лет и семь месяцев. Надоело являться в официальных видах, при бороде и галстуках. Ведь это все чепуха, неправда, и вовсе не те серьезные дяди писали мои книжки, а я.

А еще знаешь сколько во мне разных книжек! Я даже сам этого не знаю, ужасно много. А посмотри, какая у меня погремушка!

Имя розы — «Алая»

Николай МАЛИНИН

НИКОЛАЙ МАЛИНИН

В этом доме (Октябрьская улица, 56) 5 ноября 1878 года родился Павел Кузнецов

Павел Кузнецов. Фото из домашнего архива Светланы Кузнецовой. Публикуется впервые

Ровно 90 лет назад в Саратове провалилась выставка «Алая роза».

Через три года «Роза» стала «Голубой» и уже в Москве всем дала прикурить.

В память о той первой выставке в Саратовском художественном музее имени Радищева — те же. Вот только из 109 картин тогдашних — лишь «На Волге» Петра Уткина да «Северный пейзаж» Павла Кузнецова. Прочие либо утрачены, либо недоступны (либо не даны Третьяковской, получившей Лужков указ открыться ко Дню города...).

Но отдадим должное Игорю Сорокину и другим саратовцам: они выудили картины из Русского, Петергофа, семнадцати частных собраний и даже из музея медицины — это кузнецовская «Ночь чахоточных», жуткая синюшная хмурь.

«Ночь — своеобразный эквивалент молчания; с ночи начинался символизм в живописи, с молчания — в литературе (в год «Алой розы» вышел и первый номер «Весов» — оплота символистов); в ночи художники были готовы прозреть самые страшные намеки и самые мистические откровения; публика ж томилась непониманием. Предвкушая «Вечер нового искусства», с которого в Саратове началось символистское брожение, местный журналист язвил: «...ряд таинственных намеков на то, чего не понимает никто. Едва ли сами художники ведали, что творили; да это, наверное, самое главное условие и есть («Ты, Моцарт, бог» и далее по тексту); «голуборозовство» отнюдь не было самым интеллектуальным течением («мирискусники» брезгливо морщились с высоты своего просвещенного дворянства на детей сапожников, железнодорожников и иконописцев; последний, Кузнецов, благодаря

батюшке своему Варфоломею, тем не менее, вполне вписался в ближний круг гениев: фелициановичей, эльпидифоровичей, евграфовичей...).

Намекоев так никто и не понял; после телесъемки «Ночь серебряная» Николая Крымова два дня провисела вверх ногами — а публика продолжала млеть. Испортил ее не только квартирный вопрос, но и Радищевский музей, избаловал: здесь великолепная коллекция картин «конца-начала». Что вполне законно: Борисов-Мусатов и главные «мусатовцы» (Кузнецов, Уткин, Петров-Водкин, Матвеев) — все саратовские; едва ли провинция рождала когда-нибудь столь мощное направление. Впрочем: сама порождала — сама же и чморила; сначала саратовский губернатор Петр Столыпин не давал добро на «алую», прозревая в том революционный намек; потом пресса шикала; кончилось дело тем, что в апреле 1906 года окружной суд зарубил «крамольную» роспись Казанской церкви в Саратове, учиненную Кузнецовым, Уткиным и Петровым-Водкиным. Положа руку на сердце вспомним, что сами новоявленные богомазы отнесли к делу с фантазией, но без всякого пietetа: «Христоса и грешницу» между собой прозывали «Любовью самоедки», «Нагорную проповедь» — «Удалых шайка собралась»...

Разочаровавшись в отчем крае, подались в Москву; всем гуртом поступили в Училище живописи, ваяния и зодчества; благоговели перед Серовым (Кузнецов звал «отцом родным»). В столице к их монументальным способностям отнеслись с большим интересом: Кузнецов пишет фриз для особняка Николая Рябушинского «Черный лебедь» в Петровском парке. Николай Палыч стал

добрым гением молодых провинциалов: печатал их в «Золотом руне», организовал выставку «Голубая роза». Плату просил небольшую: чтоб самого держали за художника. У современников признания не нашел, ругался, деньги зажимал (Кузнецов раз даже его «сукиным сыном» припечатал; разгневавшись, вышел из редколлегии «Золотого Руна», да быстро назад воротился — никакой особой идейности за ним не водилось). И тем не менее своего Николая добился: на нынешней выставке его картина висит в одном ряду с Врубелем!

(Картина интересна и тем, что помечена 1918 годом — годом, когда Рябушинский все потерял, начиная с капитала и кончая авторитетом, и подвизался в разных совустройствах на манер эксперта; все «розы» увяли, художники осваивали новые пролетарские темы, а Николая рисует — и не что-нибудь, а «Последний луч»!)

Почтительный поклон — другому меценату, деверю Аделаиды Герцык, Якову Жуковскому: саратовское трио создало в его имени поистине сказочную страну. Интересно тут то, что сначала художники действительность преобразовывали, а потом, уже преобразованную, — воспевали; «природы» как таковой им было мало, «пейзаж» сам по себе неинтересен; интересно, как он звучит, возделанный рукою художника. Труд художника уподобился труду хлебороба: сначала делает проект (сеет), потом строит (возделывает), потом любит (ест): имению Кучук-Кой посвящены работы Крымова, Уткина и Кузнецова.

Искусство прежних дней не знало таких опытов «утроения» реальности; подобным образом «ставили натуру», но после сеанса — разбира-

ли... Кучук-Кой, правда, тоже не повезло: то, чего не сделали войны, довершил банальный пожар — пожар столовую санатория «Криво-рожский горняк»; но теплится надежда: матвеевские скульптуры, разрушенные гитлеровцами, были восстановлены на тех же местах его учениками — искусство воспроизводит себя, раскрученное пружиной «голуборозовцев».

По Кучук-Кой до сих пор бродят павлины; их бабушки и дедушки — на уткинской картине пятого года; Серов уже вдоволь насмеялся над «птицею модерна», иллюстрируя крыловские басни, а меланхолик, прозванный Дон-Кихотом (Кузнецов — Санчо Панса), все поет свою грузную Дульцинею...

В павлины перья одел своего поверженного Демона и Врубель; считая его своим предтечей, саратовцы пригласили художника на «Алую розу»; но первенствовал там все-таки Борисов-Мусатов; на почетном месте сегодня — «Осенний мотив», самая, быть может, точная картина конца века: грусть, обида, разочарование, раздражение...

Интуитивная «меткость» Мусатова была дана не всем; чтоб грамотно нарисовать «Материнство» и «Рождение», Кузнецов идет на акушерские курсы; потом отправляется в творческую командировку и привозит оттуда свои знаменитые стелные «сюиты»; умело эксплуатируя метод, Кузнецов осваивает новые рубежи: рисует трудовой подвиг советского народа, летчиков, доярок...

Стоит ли в России жить долго? — задумается посетитель выставки «Павел Кузнецов. Становление мастера», идущей в Радищевском музее параллельно с «Алой розой»...

Голубой
фонтан
1905

Верблюды
1906

Павел Кузнецов

Бухара
1911

Акация
1909

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК